

Иеромонах Серафим (Роуз)

Содержание

Человек против Бога.....	2
I. Введение Вопрос об истине	7
II. Ступени нигилистической диалектики.....	13
1. Либерализм.....	14
2. Реализм.....	20
3. Витализм.....	24
4. Нигилизм разрушения.....	31
III. Богословие и дух нигилизма.....	33
1. Бунт: война против Бога.....	33
2. Поклонение ничто	38
IV. Нигилистическая программа.....	41
1. Разрушение старого порядка.....	42
2. Создание «новой земли».....	43
3. Формирование «нового человека».....	45
V. За нигилизмом.....	48
Недочеловечество	55
Путь ко спасению в современном мире.....	65
Введение	65
1. Условия современной жизни.....	65
2. Не зависящая от времени духовная жизнь	66
3. Не быть слепыми.....	67
4. Имитация духовной жизни	68
5. Смотреть вверх.....	69
6. Искать истинные причины.....	70
7. Всегда радоваться.....	71
8. Ежедневная духовная пища	71
9. Поддержание ревности	72
10. Разум отцов.....	73
11. Новые возможности.....	74

Предисловие

Отец Серафим (Юджин Роуз) родился в городке Сан-Диего в Калифорнии 12 августа 1934 года и рос в типично американской протестантской семье. В детстве он посещал протестантский библейский класс, был одаренным мальчиком и часто удивлял родителей тем, что наизусть цитировал Священное Писание. В 12 лет он крестился в методистской церкви. Взрослея, он инстинктивно не принимал идеалов окружающей его молодежи. В то время как его сверстники проводили время в развлечениях, он любил уединение и размышления о том, что такое жизнь и где его место в ней.

В 1952 году он поступил в один из старейших университетов Калифорнии — Помола Колледж. К тому времени его перестал удовлетворять тот вариант христианства, который предлагал протестантизм. Он испытывал отвращение к самодовольному и прагматичному миру, в котором вырос.

В 1956 году, окончив колледж в Помоле со степенью бакалавра, Юджин поступил в Сан-Францисскую академию востоковедения. Он изучал иудаизм, индуизм, суфизм и другие восточные религии. Большое влияние на него оказали труды французского философа Рене Генона, описавшего духовные пути различных традиционных религий, преимущественно индуизма. То, что Генон гораздо менее глубоко излагал древнекитайские религии, побудило Юджина заняться их изучением, и именно в этой области он стал специалистом как ученый. Кроме древнекитайской мудрости были у Юджина и другие интересы, например тибетский буддизм, который поражал его перспективой сверхъестественных способностей.

Как пишет о нем иеромонах Дамаскин (Христенсен), духовный сын отца Серафима и его биограф, Юджин, отвергнув как слабое и бесплодное христианство протестантизм, углубился в изучение восточных религий и философий, говорящих, что Бог абсолютно безличен. Подобно абсурдистским художникам и писателям его времени, он экспериментировал с умопомешательством, ломая процессы логического мышления, для того чтобы «прорваться на ту сторону». В долгих и мучительных поисках истины Юджин стал читать Фридриха Ницше. Тот высмеивал христианство как религию слабых, намеренно упуская из виду элемент аскетического подвига. Этот сумасшедший «пророк» черпал свое вдохновение в новой религии сверхчеловека, антихриста. Тем не менее молодому и горячему Юджину он нравился больше, чем то бесхребетное христианство, которое ему предлагали. Он усердно вчитывался в слова безумного «пророка» нигилизма Фридриха Ницше, пока эти слова не отозвались в его душе с поразительной адской силой. Он дошел до такого отчаяния, что когда позже его просили описать свое состояние, он только и мог сказать: «Я был в аду». Он бил и начинал бороться с Богом, о Котором заявлял, что Его нет: он бился об пол и кричал Богу, чтобы Тот оставил его в покое. Однажды в состоянии опьянения он написал: «Я болен, как болен всякий, пребывающий вне любви Божией». «Атеизм, — писал Евгений [Юджин] позже, — настоящий, экзистенциальный атеизм, горящий ненавистью к якобы несправедливому и немилосердному Богу, — это состояние духовное, реальная попытка бороться против истинного Бога, чьи пути неисповедимы даже для самих верующих людей, и подобная борьба не раз приводила к тому ослепительному представлению о Боге, Которого и ищет в действительности настоящий атеист. Именно в таких душах действует Христос. Антихрист же обретается не только в душах великих отрицателей, но и в душах тех мелких поддакивателей, у которых только на устах имя Христа. Ницше, назвав себя антихристом, тем самым доказал свою неутолимую жажду Христа...»

В таком-то состоянии неутолимой жажды оказался Евгений в конце 1950-х годов. И тогда, как при резком порыве ветра, в его жизнь вошла реальность, которую он прежде не мог и предвидеть. В конце своей жизни он вспоминал: «Долгие годы своих занятий я удовлетворялся тем, что был выше традиций, оставаясь каким-то образом верным им... Я

пошел в православную церковь, чтобы посмотреть на еще одну “традицию”. Однако когда я вошел туда — это была русская церковь в Сан-Франциско, — со мной случилось нечто, чего я никогда не испытывал раньше ни в буддистском, ни в каком другом восточном храме, что-то в моем сердце сказалось: ты дома, поиски окончены. Я не знал, что это значило, служба была мне абсолютно незнакома и шла на иностранном языке. Я стал посещать православные богослужения, постепенно изучая язык и традиции... Когда я раскрылся для Православия и православных, я начал осознавать, что истина — не просто абстрактная идея, искомая и познаваемая умом, но нечто личностное, даже больше, некая Личность, Которую ищет и любит сердце. Так я встретил Христа».

Как пишет отец Дамаскин, в начале 1960-х годов в одном из подвальных помещений в деловой части Сан-Франциско за столом, заваленным книгами и бумагами, Юджин Роуз, будущий отец Серафим, начал писать монументальную хронику войны человека против Бога, против старого порядка с целью создания нового, без Христа, его стремления отрицать существование Царства Божиего и заменить его собственной земной утопией. Эту книгу предполагалось озаглавить «Царство Божие и царство человеческое».

Работая над ней, Юджин все еще пребывал в брани, осмысливая то, что он нашел. Он нашел истину в неискаженном образе Христа, сохранившемся в Православной Церкви, но он страстно желал войти в «самое сердце» этой Церкви, ее духовное измерение, а не в скучную, мирскую организационную структуру. Он желал Бога, и желал Его всем сердцем. Сочинения того периода были для него своего рода освобождением от неистины, выходом из темноты на свет. Хотя в них гораздо больше философии, чем в позднейших работах, эти ранние произведения были рождены сильным страданием, все еще жившим в его душе. Совершенно естественно, что он больше писал о царстве человеческом, в котором претерпел всю жизнь, чем о Царстве Божием, отблеск которого только упал на него. Царство Божие он все еще воспринимал сквозь призму царства человеческого.

Из четырнадцати глав, которые, по мысли Роуза, должны были войти в книгу, были напечатаны целиком только семь глав, остальные сохранились написанными от руки. Седьмая глава, которую мы приводим здесь, была посвящена философии нигилизма.

«Нигилизм, вера в то, что нет абсолютной истины, что всякая истина относительна, — утверждал Роуз, — является основной философской доктриной XX столетия. Нигилизм столь распространен в наше время, он так глубоко проник в умы и сердца сегодняшних людей, что не осталось ни одной сферы, ни одного фронта, на котором с ним можно было бы бороться». Суть этой философии, писал он, лучше всего была выражена Ницше и одним из героев Достоевского: «Бог мертв, потому человек сделался богом и все дозволено».

Из своего опыта Юджин знал, что современный человек не может прийти окончательно ко Христу, пока не увидит, как далеко он и его общество оказались от Христа, пока не столкнется с нигилизмом в самом себе. «Нигилизм нашей эпохи существует во всем, — писал он, — и те, кто с помощью Божией не становятся в ряды борцов во имя полноты принадлежности Богу Живому, уже поглощены им. Мы оказались у края бездны, зовущейся ничто, и, признаем мы ее природу или нет, мы будем затянуты в нее без всякой надежды на спасение по сродству с вечно присутствующим “ничто” внутри нас самих, если не прилепимся к полноценной вере во Христа, без Которого мы действительно ничто».

Роуз чувствовал, что его обязанность как писателя состоит в том, чтобы вызволить своих современников из этой бездны. Он писал не только ради собственного стремления к Богу, но и ради тех, других, которые тоже к Нему стремились, и даже для тех, кто, как некогда он сам, отрицали Бога и воевали против Него, потому что на самом деле они также желали Его...

25 февраля 1962 года, в день памяти святого Евгения Александрийского, Роуз принял Православие с именем Евгений. Но он не удовлетворился тем, что нашел ту веру, которая отвечала на его давние поиски, в которой он увидел бесконечную полноту истины. И он решил принять Православие, что называется, «до конца». Так же, как Глеб Подмошенский,

Евгений стал стремиться к монашеству, между двумя молодыми людьми завязалась глубокая дружба.

С благословения архиепископа Иоанна (Максимовича), которого можно назвать последним связующим звеном со Святой Русью, два друга основали братство, целью которого было распространение подлинного, традиционного Православия среди американцев. Братство назвали в честь тогда еще малоизвестного монаха Германа, который лет сто до этого жил на Аляске, делом и примером распространяя Православие среди туземцев.

История братства преподобного Германа Аляскинского стала в большой степени жизнеописанием отца Серафима. Братья занялись книжной лавкой рядом с русским собором. Эта лавка станет со временем настоящим центром Православия в Америке.

Каждое утро Евгений и Глеб пели на клиросе Божественную литургию. Вечером они чаще всего тоже были в храме, а днем работали и подготавливали издания миссионерского журнала на английском языке. Но, что еще важнее, они стали жить по-монашески. Их духовником стал сам архиепископ Иоанн.

В 1965 году братство выпустило первый номер своего журнала «The Orthodox Word» («Православное слово»). Первые номера издавались на маленьком печатном станке с ручным набором.

В 1966 году неожиданно для всех скончался архиепископ Иоанн. Братьям было поручено расследование и публикация многочисленных чудес, которые происходили по молитвам владыки Иоанна. Этим они послужили распространению почитания их любимого архипастыря во всем мире и его прославлению в 1994 году.

Незадолго до своей кончины владыка сказал Евгению: «Мне кажется, что в Калифорнии будет миссионерский монастырь».

В 1969 году, на праздник Успения, братья переехали на участок земли в лесу, на холме, в двух милях от поселка Платина и в 250 милях от Сан-Франциско, и организовали скит. Жизнь в лесу была лишена всех удобств, но, по словам Евгения, это было «преимуществом, способствовавшим трезвенной духовной жизни».

Братья вместе совершали по-монашески каждый день полный цикл богослужений, исполняли келейное правило, упражняясь в Иисусовой молитве, изучая святоотеческие писания, духовно укрепляли себя строгим постом и ночными молениями. И несмотря на все трудности, «The Orthodox Word» не только продолжал регулярно выходить, но и количество подписчиков все росло, даже за пределами американского континента. В своем скиту братья установили строгие афонские порядки: женщин не впускали и никого из светского мира не приглашали. В эти первые годы только несколько человек регулярно навещали их и поддерживали. Благодаря большей частью трудам братства, Русская Православная Церковь Заграницей канонизировала в августе 1970 года преподобного Германа Аляскинского.

Через два месяца после этого торжества Евгений был пострижен в монашество и назван в честь преподобного Серафима Саровского. Одновременно его сподвижник был также пострижен и назван в честь новопрославленного преподобного Германа Аляскинского. Руководителями в их монашеской жизни стали епископ Нектарий (Концевич), ученик последнего оптинского старца Нектария, и архимандрит Спиридон (Ефимов), близкий друг владыки Иоанна (Максимовича).

Отец Серафим выстроил себе келью на склоне горы и назвал ее Оптиная. Кроме исполнения всех служб, он ежедневно читал святых отцов. Как преданный сын, он старался исполнять их заветы и следовать их боговдохновенной мудрости. Если возникали вопросы, он обращался за разъяснением к своим духовным наставникам, среди которых были отец Михаил Помазанский, Елена Концевич, племянница Сергея Нилуса и духовная дочь Феофана Полтавского, и архиепископ Аверкий, к которому рекомендовал обращаться владыка Иоанн по всем теологическим вопросам.

Со временем деятельность скита приняла более широкий характер. Труды отца Серафима заключались главным образом в переводах и статьях для журнала, а в последние годы отец Серафим стал выступать (по приглашению и послушанию) с лекциями. Кроме бесчисленных отдельных житий святых и различных статей, отец Серафим перевел и составил следующие труды: «Северная Фиваида», «Vita Patrum», «Паисий Величковский», первую часть книги святителя Игнатия (Брянчанинова) «Путь к спасению», «Грех Адама» преподобного Симеона Нового Богослова, труд протопресвитера Михаила Помазанского «Догматическое богословие», «Толкование Апокалипсиса» архиепископа Аверкия (Таушева), большую часть труда «Катакомбные святые России».

Отец Серафим был строгим аскетом-подвижником, человеком совершенно не от мира сего. Он был голосом традиционного святоотеческого Православия, умеренного, лишённого и узколобого фанатизма, и неестественного модернизма. Он считал, что наш век характерен совершенно новыми искушениями против Церкви Христовой и ее членов. С одной стороны, силы зла стараются раздробить Тело Христово на враждующие юрисдикции, а с другой стороны, — переманивают всех ко псевдоэкуменическому объединению. Подлинный экуменизм отец Серафим понимал как обмен мнениями между разными вероисповеданиями в добросовестном поиске полноты единой истины. Участие Православной Церкви как носительницы полноты истины в таких контактах должно носить чисто миссионерский, а не компромиссный характер.

Отец Серафим определил три главные опасности, которые грозят христианству в ближайшем будущем: 1) распространение атеизма; 2) религиозная теплохладность и бесплодие; и 3) распространение различных восточных языческих религий, основанных на тонком духовном прельщении. В противовес этим тенденциям отец Серафим предложил формирование православной философии жизни. Для этого надо усвоить три момента: 1) православный христианин должен осознать, что жизнь в условиях свободы — это драгоценнейший духовный дар и мы пред Господом Богом должны будем дать ответ, духовно плодотворно или духовно праздно мы использовали этот дивный дар Божий; 2) мы должны ощутить, что насильственный атеизм в одной или другой форме рано или поздно обрушится на наш быт. Подготовка к этому будущему одновременно углубит наше православное сознание и духовную жизнь; 3) мы обязаны быть осведомленными о подлинном Православии, знать, почему мы именно православные христиане, знать силу и значение Таинств, общей церковной молитвы, смысл и силу постов, должны подражать святым угодникам Божиим и чувствовать, что «духовность с удобствами» нас не спасет, когда нагрянет беда или испытание. Самый яркий пример такой православной трезвости отец Серафим видел в лице новомучеников России.

Будучи лично знаком с восточным язычеством и видя его все нарастающую популярность даже среди православных, отец Серафим написал книгу «Православие и религия будущего», в которой он документально и на основании учения святых отцов Церкви раскрыл духовную прельщенность этих религий и, основываясь на их же литературе, показал, что их ложная духовность является попыткой подорвать единство и полноту Христовой истины. В этой книге отец Серафим коснулся всех современных восточных языческих религий, а также различных псевдохристианских культов (в том числе и харизматиков) и даже научной фантастики.

Другую свою книгу «Душа после смерти» отец Серафим написал как ответ на нападки против православного учения о состоянии души после телесной смерти. По всему миру стали увлекаться парапсихологическими изучениями человеческой души и ее переживаний после смерти тела. Вышло много книг, описывающих «посмертные опыты» людей, которые клинически умирали, а потом оживали. Подобно святителю Игнатию (Брянчанинову), обличавшему спиритизм, отец Серафим обличил современную парапсихологию. Он тщательно изложил и прокомментировал святоотеческое учение о состоянии души после телесной смерти. Когда в 1980 году книга увидела свет, многие были удивлены, узнав о том,

что в действительности подразумевает Церковь под словами «загробная жизнь», «Ангелы», «злые духи», «рай» и «ад».

В своем миссионерском служении отец Серафим много сделал для России. Кроме книг на английском, братство издало около 20 наименований духовных книг на русском языке. И хотя тиражи были малы, русские люди размножали их машинописным способом.

Долгое время отец Серафим избегал принятия сана. Но наконец против своей воли, по послушанию, он вынужден был принять рукоположение от преосвященнейшего епископа Нектария в январе 1977 года. Вместе с принятием священства появились и новые обязанности – духовно окормлять приходящих в обитель паломников и наставлять их в истинной вере. В 1977 году была основана летняя школа паломника имени св. Германа, а также Нововалаамская богословская академия – интенсивный недельный курс, дающий верующим основные положения православного мировоззрения. Многие из окончивших такой курс пополнили ряды духовенства без какого бы то ни было богословского образования. В результате случилось то, чего отец Серафим так избегал, — его стали посылать из любимого скита обслуживать различные православные общины, которые стали открываться как плоды миссионерской деятельности монастыря. В монастырь стали приезжать на службы люди, просили исповедаться, причаститься, креститься. За все эти годы сотни людей или приняли Православие, или вернулись к Православию, целый ряд из них принял монашество или духовный сан.

Вскоре перед отцом Серафимом встала задача организации небольших приходов в Северной Калифорнии и Орегоне. Ему приходилось часто выезжать туда, хотя душа его тянулась к уединенной молитве. Он говорил: «Все, что дает нам Господь, мы должны принимать с благодарностью и стараться справиться с задачей в меру наших сил. Каждый день приносит новую борьбу и вместе новую возможность послужить Богу и исправить нашу молитву». Он раскрывал людям Христа словом и делом. Один новокрещеный христианин из паствы отца Серафима вспоминал о его наставлениях в проповедях: «Не думайте о себе высоко, не оправдывайте свои слабости и пороки. Старайтесь видеть себя такими, какие вы есть на самом деле. Наипаче же любите друг друга».

Много сил отнимали заботы о послушниках, поступавших в монастырь. Отец Серафим стал духовником братии. Своим примером он учил надеяться только на Бога, чудесным образом спасающего Свои создания и приводящего их к твердой вере из житейских бурь и безвыходных ситуаций. Он не хотел называться старцем и не любил, когда к нему проявляли чрезмерное уважение. Он радовался всякому сообщению из России о возрождении там духовности. В последние годы он был погружен в мысли о будущем России и написал статью «Будущее России и конец мира».

Отец Серафим отошел ко Господу 2 сентября 1982 года. Его жизнь — это история духовной борьбы и подвига, закончившаяся у Престола Божия. Она вдохновляет всех христиан, желающих сильнее разжечь огонь истинной веры. Отец Серафим воспитывался в той же атмосфере нигилизма, материализма и гуманизма, что и большинство наших современников. И все же ему удалось прорваться сквозь пути соблазнов и заблуждений его среды. Милостью Божией он не только нашел драгоценную жемчужину православной веры, но и отдал все свои дарования служению Богу и людям, постаравшись соединить оторванного от корней современного человека с духовным наследием Православия.

Работа «Человек против Бога» в оригинале носила название «Nihilism: The Root of the Revolution of the Modern Age» («Нигилизм: источник революции современной эпохи», Forestville, California: Fr. Seraphim Rose Foundation, 1994). Она представляет собой 7-ю главу из ранней неопубликованной работы «The Kingdom of Man and the Kingdom of God» («Царство человеческое и Царство Божие»), однако является вполне законченным произведением. Эссе «Недочеловечество» в оригинале носит название «Subhumanity». «Путь

ко спасению в современном мире» — это фрагмент из книги отца Серафима «In Step with Saints Patrick and Gregory of Tours» («По стопам св. Патрика, просветителя Ирландии, и св. Григория Турского»). Все названия даны составителем.

Человек против Бога

I. Введение Вопрос об истине

Что такое нигилизм, в котором мы увидели корень революционности современной эпохи? Если мы станем отвечать не задумываясь, то с языка у нас уже готовы сорваться некоторые очевидные примеры нигилизма: фантастическая программа разрушения Гитлера, большевистская революция, дадаистская¹ атака на искусство. Почва, произрастившая все эти движения, может быть представлена несколькими «одержимыми» прошлого века: поэтами Рембо и Бодлером, революционерами Бакуниным² и Нечаевым³, лжепророками типа Ницше. А на более низком, «обывательском» уровне в среде наших современников ощущается сегодня смутное беспокойство, заставляющее одних идти вслед за магическими фигурами, подобными Гитлеру, а других искать убежища в наркотиках и лжерелигиях или же совершать «бессмысленные» преступления, которые становятся все более присущи нашему времени. Все это, однако, лишь эффектная поверхность проблемы нигилизма. Впрочем, и с ней не так-то легко справиться. Но мы в настоящей главе ставим задачу еще шире: мы хотим попытаться понять природу всего этого движения в целом, в то время как названные выше явления представляют собой лишь отдельные, наиболее яркие его примеры.

Каждый, кто осознает явное несовершенство и зло современной цивилизации, послужившие толчком и причиной нигилистической реакции, — впрочем, ниже мы убедимся, что они были лишь плодами самого нигилизма, только в его зародышевой форме, — не может не испытывать сочувствия хотя бы к некоторым представителям этой реакции. Это сочувствие может принимать форму жалости к тому, кто оказался «жертвой» условий, против которых были направлены его собственные усилия, или же выражаться в общепринятом мнении, будто бы некоторые нигилистические явления имеют «позитивное» значение и играют определенную положительную роль в развитии человечества или нового этапа его истории. Последнее мнение есть нечто иное, как очевидный результат самого того нигилизма, о котором здесь идет речь. Первая же точка зрения, по крайней мере отчасти, не лишена правды или справедливости. Но именно поэтому и не следует переоценивать ее значение. Уж слишком легко сегодня в атмосфере интеллектуального тумана, окутывающего либеральные и гуманистические круги, от сочувствия к несчастному человеку перейти к принятию его идей. Нигилист, разумеется, в определенном смысле больной, и его болезнь свидетельствует о болезни века, чьи лучшие, впрочем, как и худшие, представители обращаются к нигилизму. Но болезнь нельзя ни вылечить, ни даже диагностировать посредством сочувствия. Во всяком случае, речь никак не может идти о «невинной жертве», поскольку нигилист сам участвует во всех грехах человечества, которое творит зло нашего

¹ Дадаизм (от фр. «dada» — лошадка; в детской речи) — разновидность абстракционизма, течение в искусстве, возникшее во время Первой мировой войны. Для дадаизма характерен протест против традиционализма и условностей, выраженный в применении намеренно алогичных и абсурдных выразительных средств. Сами представители этого течения называли его «антиискусством».

² Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) — анархист, один из идеологов народничества, революционер.

³ Сергей Геннадиевич Нечаев (1848–1882) — революционер. В 1869 г. основал организацию «Народная расправа». Полный жгучей ненависти к существующему строю, в способе действий не гнушался никакими средствами. В 1873 году осужден и посажен в Петропавловскую крепость, где и умер.

времени, ополчается – как все нигилисты и делают – не только на существующие «несправедливости» социального или религиозного порядка, но и на сам этот порядок и истину, которая стоит за ним, а значит, самым активным образом помогает диаволу, что уж никак нельзя оправдать мифом о «невинной жертве». В конце концов, служить диаволу против своей воли нельзя.

Но если мы далеки от того, чтобы «оправдывать» нигилизм, не склонны мы и «осуждать» его. Так, бессмысленно обвинять нацизм или большевизм в «вандализме», «варварстве» или «антиинтеллектуальности», а художественный и литературный авангард в «пессимизме» и «самолюбовании», как столь же бессмысленно отстаивать «демократию» во имя «цивилизации», «прогресса» или «гуманизма» или защиты «частной собственности» и «социальных свобод». Подобные доводы хотя отчасти и справедливы, но не попадают в цель, так как нигилизм – явление гораздо более глубокое и программа его столь радикальна, что подобные мелкие доводы не смогут ей противостоять. Нигилизм порочен в самой своей основе, и эта порочность может быть побеждена только истиной. Большая часть критики нигилизма вообще не направлена против его основ, а причина в том, что – как мы дальше увидим – нигилизм столь распространен в наше время, он так глубоко проник в умы и сердца сегодняшних людей, что не осталось ни одной сферы, ни одного фронта, на котором с ним можно было бы сражаться, и тот, кто думает, будто борется против нигилизма, на самом деле часто берет в руки его же собственное (нигилизма) оружие и обращает это оружие против себя самого.

Некоторые читатели могут возразить нам, что мы уж слишком глобально ставим задачу: что мы либо переоцениваем масштабность нигилизма, либо, наоборот, это явление столь всеобъемлюще, что мы с ним не сможем справиться. Мы должны согласиться, что задача наша действительно очень серьезна, особенно если учесть всю нечеткость, размытость многих нигилистических явлений; и если бы мы попытались детально изучить и описать эту проблему, то работа наша никогда не подошла бы к концу.

Однако все же возможно, как говорится, «широко расставить сеть» и поймать ту рыбку, которая нам нужна, тем более что это очень большая рыбка. Невозможно перечислить все до единого явления нигилизма, но можно дать определение нигилистическому сознанию и его влиянию на ход современной истории.

Сначала попытаемся описать это сознание по меньшей мере в нескольких наиболее важных его проявлениях и изобразить схематично его историческое развитие, а затем уже более подробно остановиться на его значении и исторической программе. Однако прежде чем приступить к выполнению этой задачи, нам нужно более четко осознать, о чем же именно мы хотим говорить, то есть нам следует начать с определения нигилизма.

На этом определении нам не приходится долго задерживаться, так как оно было дано основателем нигилистической философии – Ницше: «Нет истины, нет абсолюта – нет "вещи в себе". Вот единственное, что является нигилизмом в его высшем смысле»¹.

«Нет истины» – с этой фразой мы уже не раз встречались в настоящей книге, и снова и снова будет она звучать и дальше, потому что вопрос о нигилизме – это и есть главным образом вопрос об истине или, вернее, вопрос истины.

Но что есть истина? Это вопрос сначала логики. Прежде чем говорить о содержании истины, мы должны рассмотреть саму возможность истины и условия ее постулирования. А под истиной мы несомненно понимаем – как это становится ясно из отрицания Ницше – абсолютную истину, то есть ту, которую мы уже определили как начало и конец всего.

¹ *Friedrich Nietzsche. The Will to Power. Vol. 1 // The Complete Works of Friedrich Nietzsche. – New York: The Macmillan Company, 1909. Vol. 14. P. 6. На рус. яз. см.: Фридрих Ницше. Воля к власти. – М.: Культурная революция, 2005. С. 35. № 13. Ср.: «Нет абсолютных свойств вещей, нет "вещи в себе". – Это само по себе только нигилизм, и притом крайний».*

Для поколения, воспитанного на скептицизме и не привыкшего думать о чем-либо серьезно, сочетание «абсолютная истина» представляется неким анахронизмом. Расхожее мнение спешит подсказать, что никто не может быть столь наивен, чтобы все еще верить в абсолютную истину. Всякая истина в наш просвещенный век относительна. Последняя мысль, заметим, есть не что иное, как упрощенное перетолкование слов Ницше «нет (абсолютной) истины»; и эта-то доктрина служит основанием как нигилизма масс, так и нигилизма интеллектуальной элиты.

«Относительная истина» главным образом представлена в наш век научными знаниями, которые начинаются с наблюдений, обобщаются логикой и в организованном порядке переходят от известного к неизвестному. Она всегда логически последовательна, условна, ограничена, выражена в отношении к чему-то еще, никогда не категорична, никогда не абсолютна. Не склонный к обобщениям ученый не испытывает потребности в каком-либо ином виде знания, кроме той узкой специальности, которой он занимается. У него, возможно, нет ни времени, ни желания решать «абстрактные» вопросы, лежащие в истоках его специальности. Если он и вынужден их рассматривать или непосредственно встречается с ними в своих исследованиях, то его скорее всего удовлетворит самое простое объяснение: всякая истина эмпирична, всякая истина относительна. Оба эти утверждения, несомненно, противоречат сами себе. Первое носит не эмпирический, а метафизический характер, а второе является утверждением абсолютным. И возникает для наблюдательного исследователя из подобных утверждений, противоречащих самим себе, вопрос об абсолютной истине. И первый логический вывод, к которому мы приходим, это то, что если вообще существует истина, она не может быть «относительной». Основополагающие принципы современной науки, как и любой системы знаний, неизменны и абсолютны. Если бы это было не так, никакого знания вообще не могло бы быть, даже «отвлеченного», потому что тогда просто не существовало бы критерия, что считать знанием или что есть истина.

Следствие данной аксиомы: абсолютного нельзя достичь посредством относительного. То есть к основополагающим принципам любой системы знаний нельзя прийти через само это знание, а значит они, эти принципы, должны быть заранее и являются предметом не научной демонстрации, но веры.

Выше, когда мы говорили об универсальности веры, лежащей в основе всякой человеческой деятельности и всякого знания, мы убедились, что вера, если только она не желает пасть жертвой субъективных заблуждений, обязательно должна иметь своим основанием истину. Таким образом, возникает весьма законный, даже неизбежный вопрос: имеют ли первичные принципы научной веры – такие, например, как взаимосвязь и единство природы, транссубъективность человеческого знания, способность рассудка делать выводы на основе наблюдения – своим основанием абсолютную истину? Если нет, они представляют собой не более как неправдоподобные предположения. Нельзя считать удовлетворительной «прагматическую» позицию многих ученых, естественников и гуманитариев, которые, не желая заниматься «философией», утверждают, будто эти принципы есть не более как экспериментальные гипотезы, которые общественный опыт счел надежными. Подобное утверждение может дать лишь психологическое обоснование веры в эти принципы, но оно не помогает установить, основывается ли эта вера на истине или нет, а значит, и все научное здание остается стоять на зыбком песке, ничем не защищенное от иррациональных ветров, то и дело сотрясающих его.

В действительности же – происходит ли это от наивной простоты или, напротив, от глубины проникновения в суть проблемы, которую ученым просто не удастся выразить с помощью доводов, – большинство из них, несомненно, считает, что то, во что они верят, имеет непосредственное отношение к истине. Оправданно это мнение или нет, уже другой вопрос, вопрос метафизический. Но одно можно сказать точно: это мнение никак не оправдывается примитивной метафизикой большинства ученых.

Как мы уже убедились, каждый человек живет верой, так же как и каждый человек – очевидно это или нет, но это так – метафизик. Любое знание – а никто из живущих на земле не может полностью отказаться от знаний – предполагает теорию и критерий знаний, а также понятие о том, что полностью познаваемо и истинно в последней инстанции. Эта конечная истина, трактуется ли она как христианский Бог или как всеобщая взаимосвязь вещей, и есть первый метафизический принцип, абсолютная истина. Признание этого принципа, логически неизбежное, разрушает теорию «относительности истины», которая оказывается противоречащим самому себе абсолютном.

Провозглашение «относительности истины», таким образом, может быть названо «негативной метафизикой», но, как бы то ни было, это все-таки метафизика. Существует несколько основных типов «негативной метафизики», и поскольку каждый из них противоречит сам себе немного отличным от других типов образом и каждый апеллирует к несколько отличному от других сознанию, мы считаем необходимым остановиться на каждом из них в отдельности. Их можно подразделить на две основные категории: «реализм» и «агностицизм», каждая из которых в свою очередь подразделяется на «наивный» и «критический».

«Наивный реализм», или «натурализм», не отрицая в точном смысле слова абсолютную истину, сам делает некие бездоказательные абсолютные заявления. Отвергая какой бы то ни было идеал, или «духовный абсолют», он в то же время утверждает абсолютную истинность «материализма» и «детерминизма». Подобная философия все еще имеет хождение в некоторых кругах – она является, например, официальной марксистской доктриной, ее поддерживают и некоторые не слишком изоциренные мыслители Запада. Однако основной поток современной мысли оставил ее далеко позади. Она представляется странноватой реликвией прошлых, более простых, но давно ушедших дней викторианской эпохи, когда «науке» отдавались верноподданнические чувства, некогда принадлежавшие религии. Невозможно использовать формулировку «научная метафизика», так как наука по своей природе есть знание частного, а метафизика – знание того, что за этим частным стоит, предполагается им. Подобная философия направлена на самоуничтожение, так как «материализм» и «детерминизм», которые она постулирует, обесценивают всякую философию. Настаивая на обусловленности философии (как и всего остального), ее приверженцы могут лишь утверждать, что раз их философия существует, значит, она «неизбежна», но это вовсе не означает, что она истинна. В действительности, если представители этой философии будут до конца последовательны, им придется совсем отказаться от категории истины. Однако они, не имея ни малейшего представления о последовательности и глубине, кажется, и не замечают этого фатального противоречия. На менее абстрактном уровне это противоречие можно увидеть в альтруистической и идеалистической практике российских нигилистов прошлого века, практике, находившейся в вопиющем несоответствии с их чисто материалистической и эгоистической теорией. Владимир Соловьев остроумно выразил это несоответствие следующим силлогизмом: «Человек произошел от обезьяны, так будем же любить друг друга». Любая философия предполагает, до определенной степени, автономность идей. Таким образом, философия «материализма» есть в своем роде разновидность «идеализма». Она, если можно так сказать, представляет собой самопризнание тех, чьи идеи не поднимаются над очевидным, чья жажда познания столь легко утоляется наукой, что они возводят ее в абсолют.

«Критический реализм», или «позитивизм», состоит в прямом отрицании метафизической истины. Исходя из тех же научных предпосылок, что и более наивный натурализм, он отказывается от абсолюта не столь решительно и не с такой готовностью ограничивает себя только «эмпирической» или «относительной» истиной. Мы уже отмечали явную противоречивость подобной позиции: отрицание абсолютной истины есть само «абсолютная истина». И снова, как и в случае с натурализмом, постулирование основного принципа позитивизма оказывается отрицанием этого принципа.

«Агностицизм», как и «реализм», может быть подразделен на «наивный» и «критический».

«Наивный», или «доктринарный», агностицизм постулирует абсолютную непознаваемость абсолютной истины. Хотя это утверждение выглядит более скромным, чем позиция позитивизма, но и оно все же претендует на слишком многое: если агностицизм действительно знает, что абсолют «непознаваем», то это знание и есть «абсолют». На деле подобный агностицизм является разновидностью позитивизма, безрезультатно пытающийся устранить противоречия последнего.

Только в «критическом», или «чистом», агностицизме встречаемся мы наконец с более или менее «успешным» отрицанием абсолюта. К несчастью, подобное отрицание включает отрицание всего вообще, и если оно будет последовательно, то должно закончиться полным солипсизмом. Подобный агностицизм есть простая констатация факта: мы не знаем, существует ли абсолютная истина, и если существует, то какова ее природа; так давайте же – в качестве вывода – удовлетворимся той эмпирической, относительной истиной, которую мы можем знать. Но что есть истина? Что такое знание? Если нет абсолютного критерия для их определения, они даже не могут быть выделены. Впрочем, если агностик и признает эту критику справедливой, он не станет беспокоиться об обосновании своей позиции. Его позиция – это только «прагматизм», «экспериментализм» и «инструментализм». Нет истины, но человек может выживать, существовать в мире и без нее. В наш безынтеллектуальный век эту позицию защищают люди как на самых низких, так и на самых высоких уровнях. Заметим, что она, эта позиция, по меньшей мере интеллектуально безответственна. Она представляет собой намеренный отказ от истины или даже отказ от истины в пользу власти, независимо от того, представлена ли эта власть интересами нации, расы, класса, любовью к жизненным удобствам или чем-либо другим, способным поглотить те усилия, которые прежде посвящались поиску истины.

«Прагматик» или «агностик» может искренно считать, что желает только хорошего, но он обманывает себя и других, если, определяя то, что ищет, продолжает использовать слово «истина».

Само его существование уже является показателем того, что поиск истины, столь долго вдохновлявший европейскую цивилизацию, подошел к концу. Более четырех с половиной веков современной мысли представляют собой своеобразный эксперимент, демонстрирующий возможности знания, доступного человечеству, считающему, что нет истины, данной в Божественном Откровении. Вывод, который из этого следует и который увидел уже Юм и попытался укрыться от него за удобной ширмой «здравого смысла» и «условностей жизни», очевиден сегодня для миллионов людей, не имеющих уже столь «надежного» убежища. Он состоит в полном отрицании: если нет истины, данной в Божественном Откровении, значит истины вообще нет. Поиск истины за пределами Откровения зашел в тупик. Ученый признает этот вывод, ограничивается своей узкой специализацией и удовлетворяется относительной целостностью узкого круга собранных данных и не тревожит уже себя вопросом о существовании какой бы то ни было истины, большой или малой. А большинство человечества, признавая этот вывод, ждет от ученого уже не истины, но применения на практике знания, имеющего исключительно утилитарное значение, и ищет в иных, иррациональных, источниках всеобщие ценности, которые когда-то человечество надеялось обрести в истине.

Из вышесказанного следует такой логический вывод: отрицание или сомнение в абсолютной истине – если только быть до конца честным и последовательным – ведет к пропасти солипсизма и иррационализма; единственная позиция, позволяющая избежать логических противоречий, заключается в том, что есть абсолютная истина, лежащая в основе всех частных истин и обеспечивающая их; и этой абсолютной истины нельзя достичь относительными человеческими средствами. Здесь заканчивается логика, и если мы захотим продолжить наше рассуждение, то попадем совсем в иную область. Но одно дело

констатировать, что логика не ставит никакого барьера утверждению о существовании абсолютной истины, и совсем другое дело фактически утвердить это. Подобное утверждение может быть основано только на одном источнике: вопрос истины упирается в вопрос о Божественном Откровении.

Здесь начинает колебаться критический ум. Стоит ли искать извне то, чего нельзя достичь своими силами? Это удар по гордости, прежде всего по той гордости, которую принято называть «смирением» ученого, который будто бы «чувствует себя перед фактом, словно малое дитя». Однако же это «смирение» отказывается принять какое бы то ни было суждение об этом факте, кроме того, которое исходит от гордого человеческого разума. Более же всего возмущает рационалистов Божественное Откровение, Откровение Иисуса Христа, это явствует из того, что никакие другие откровения они не отрицают.

Однако если не принять сознательно, во всей целостности, учение об истине, данное в христианстве, то придется искать ее в чем-то другом. Таков путь современной философии, он ведет к неясности и запутанности, потому что она, эта философия, никак не хочет сознаться в том, что не в состоянии обеспечить себе сама того, что может быть дано только извне. Слепота и отсутствие ясности, наблюдающиеся у современных философов в вопросе об основополагающих принципах и определении абсолюта, являются прямым следствием их основной аксиомы: нет Божественного Откровения. Эта аксиома делает людей слепыми при солнечном свете, затемняет все, что столь ясно виделось при этом свете прежде.

Для того, кто ощупью бредет в темноте, есть только один выход – если он, конечно, не прозреет от своей слепоты – попытаться найти свет среди самой этой темноты. Многие тогда прибегают к дрожащему пламени свечечки «здорового смысла» и «условностей жизни» и принимают – вынужденные как-то существовать – мнения и нормы тех социальных и интеллектуальных кругов, к которым они принадлежат. Но многие, не удовлетворенные столь тусклым светом, идут за магическими фонарями, показывающими все в обманчивых, искаженных, разноцветных тонах и сбивающими с пути тех, кто следует за ними; эти люди становятся приверженцами того или иного политического, религиозного или художественного направления, поднятого на гребень волны духом времени.

На самом деле каждый человек живет при свете какого-нибудь откровения, будь оно истинно или ложно, освещает оно или затемняет человека. Тот, кто живет не по христианскому Откровению, живет по какому-то другому, ложному откровению, а все ложные откровения ведут в бездну.

Мы начали наше исследование с логического вопроса: что есть истина? Этот вопрос должен быть отделен от другого, не связанного с ним. Пилат скептически задает этот вопрос Самой Истине. *«Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»* (Ин. 14, 6); *«и познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (Ин. 8, 32). Истины в этом смысле, истины, которая дает вечную жизнь и свободу, нельзя достичь человеческими средствами, она может быть дана только в Откровении свыше Тем, Кто имеет власть ее дать.

Путь к этой истине узок, и большинство людей не находят его, так как идут «широким» путем. Однако нет человека, который не искал бы истину, потому что таким его создал Бог, Который Сам истина. В последующих главах мы рассмотрим многие из ложных абсолютов, лжебогов, которые люди изобрели в наш идолопоклоннический век, и убедимся, что самое удивительное в них – это то, что ни одно из них не является «новым откровением», но представляет собой искаженную, извращенную пародию на ту единственную Истину, к Которой не может не обращаться человек даже в самих своих заблуждениях, гордыне и хуле. Понятие о Божественном Откровении обесценено для тех, кто следует духу века сего, но и они не могут избавиться от жажды истины, которую Бог вложил в человека, чтобы она вела его к Нему, и которую можно утолить только приняв Его Откровение. Даже те, кто считает себя слишком «изошренными», или «честными», или же «смирненными», даже они устают от

неудовлетворительных «лакомых кусочков» псевдоистин, которыми вынуждены питаться, и томиться желанием чего-нибудь более существенного.

Но «твердая пища» христианской истины доступна лишь вере, и главное препятствие этой вере представляет не логика, как легкомысленно считают современники, но другая, противоположная вера. Мы уже убедились, что логика не может отрицать абсолютную истину, не отрицая при этом себя саму. Логика, которая ополчилась на Божественное Откровение, служит лишь какому-то другому откровению, лживой абсолютной истине, а еще точнее – нигилизму.

На последующих страницах мы назовем нигилистами людей разных, казалось бы, взглядов: гуманистов, скептиков, революционеров всех направлений, художников и философов различных школ, но всех их объединяет одна общая цель. Имеем ли мы дело с «позитивной» критикой христианских истин и установлений, революционным насилием, направленным против старого порядка, апокалиптическими видениями всеобщего разрушения и близости земного рая, «объективными» научными трудами, имеющими задачей «улучшение жизни» в этом мире, цель у них у всех одна: отказ от Божественного Откровения и подготовка нового порядка, в котором не останется и следа старых представлений и в котором человек будет единственным богом.

II. Ступени нигилистической диалектики

Нигилистическое сознание едино в силу единства стоящей за ним цели, но проявляется оно в формах столь же разнообразных, сколь разнообразны характеры тех, кто разделяет его позиции. Таким образом, единая нигилистическая причина имеет множество граней, почему ее противники часто запутываются, теряясь от столь действенной тактики. Внимательный исследователь, впрочем, сможет свести нигилистические явления к трем-четырем типам, которые в дальнейшем можно рассматривать как ступени единого процесса, назовем его нигилистической диалектикой. Каждая ступень нигилизма противопоставляет себя другой, но не с тем, чтобы бороться против нее, а с тем, чтобы, включив в себя все ее ошибки, увести человечество еще дальше по пути нигилизма, конец которого – бездна. На каждой ступени можно встретить весьма эффективную критику отдельных очевидных недостатков предшествующей или последующей ступени, но эта критика никогда радикально не затрагивает ошибок, свойственных всем ступеням нигилизма, и половинчатые истины, которые можно обнаружить во всех формах нигилизма, в конце концов служат только способом соблазнить человечество в ту великую ложь, которая стоит за ними всеми.

Ступени, о которых пойдет речь на ближайших страницах, не следует рассматривать чисто хронологически, хотя в узком смысле они действительно представляют собой развитие нигилистического сознания во времени, начиная с провала нигилистического эксперимента французской революции и заканчивая подъемом, а затем крахом последнего наиболее ярко выраженного явления нигилизма – национал-социализма. Так, два десятилетия до и два десятилетия после середины XIX века можно рассматривать как расцвет влияния и престижа либерализма, а Дж.С.Милла считать типичнейшим его представителем. Период реализма занимает вторую половину прошлого века и может быть представлен, с одной стороны, социалистическими мыслителями, а с другой, философами и популяризаторами – их скорее следовало бы назвать «эксплуататорами» науки. Витализм в форме символизма, оккультизма, художественного экспрессионизма и других эволюционных и мистических учений является наиболее важным течением на протяжении полувека начиная с 1875 года. Нигилизм разрушения хотя и уходит своими интеллектуальными корнями глубоко в прошлый век, но наиболее полно выражается, как в общественном строе, так и в частных сферах, только на протяжении столетия с четвертью, при этом период наиболее интенсивного разрушения приходится на 1914–1945 годы.

Заметим, что периоды эти частично накладываются друг на друга, так как нигилизм созревает с различной скоростью в разных народах и отдельных представителях. Это наложение даже гораздо существеннее, чем отражено в нашей упрощенной схеме. Оно настолько существеннее, что представителей каждой ступени можно найти в любом другом периоде, и даже сегодня все они сосуществуют вместе. То, что сказано об исторических периодах, можно сказать и об отдельных представителях: ни на одной ступени мы не встретим «чистого» нигилиста, каждый представитель нигилизма соединяет в себе по меньшей мере две различные ступени.

Далее, хотя период, начинающийся французской революцией, считается первым, в котором нигилизм сыграл центральную роль, каждая из его ступеней была так или иначе представлена и в более ранние века. Либерализм, например, – это прямой потомок ренессансного гуманизма, реализм был одним из важнейших аспектов Реформации и французского Просвещения, своего рода витализм проявился уже в эпоху Возрождения, а также был свойствен оккультизму Просвещения, а затем романтизму, а нигилизм разрушения, хотя и не был столь ярко выражен, как в последнем столетии, но существовал на протяжении всей современной эпохи как некий соблазн крайне настроенных мыслителей.

С такими оговорками нашу схему все же можно принять хотя бы как примерно соответствующую истинному историческому и психологическому процессу. Итак, начнем наше исследование этапов этого процесса, то есть нигилистической диалектики, и попытаемся оценить их под ясным светом православной истины, – истины, которую, как нам представляется, тужатся всеми силами затемнить и искоренить. В настоящей главе мы лишь сделаем попытку описать эти этапы и, используя то определение нигилизма, которое мы привели выше, указать, в каком смысле их можно считать нигилистическими.

1. Либерализм

С самого начала заметим, что либерализм, о котором пойдет речь на этих страницах, нельзя отнести к явному нигилизму, это скорее пассивный нигилизм, некий нейтральный «питомник», в котором были выращены последующие, более темные этапы нигилизма. Те, кто внимательно прочитали выше наши рассуждения о невозможности духовного и интеллектуального нейтралитета, сразу поймут, почему мы классифицируем как нигилистическую точку зрения, которая хотя и произвела непосредственно никакого яркого нигилистического явления, но явилась необходимой предпосылкой для их появления. Неумелая защита либерализмом наследия, в которое он никогда до конца не верил, послужила одной из основных причин, вызвавших к жизни явный нигилизм.

Либерально-демократическую цивилизацию, которая в Западной Европе была последней формой старого порядка, разрушенного Первой мировой войной и революциями второго десятилетия нашего века, и которая продолжает существовать – хотя и в более тонкой, «демократической» форме – и по сей день в так называемом свободном мире, можно охарактеризовать с точки зрения ее отношения к истине. Это не есть отношение открытой враждебности или намеренного равнодушия, потому что ее искренних апологетов несомненно интересует то, что они считают истиной. Это, скорее, такое отношение, при котором истина, несмотря на некоторые внешние проявления, перестала быть в центре внимания. Истина, которую они исповедуют, – отдельно, естественно, от научного факта – является не духовной или интеллектуальной необходимостью, но лежит неким мертвым грузом, доставшимся им от прошлого века. Либерал продолжает говорить, по крайней мере в официальных случаях, о «вечных ценностях», «вере», «человеческом достоинстве», «высоком призвании» человека или его «неугасимом духе», даже о «христианской цивилизации», но совершенно очевидно, что эти слова уже не означают того, что они означали раньше. Ни один либерал не воспринимает их со всей серьезностью, они для него просто метафоры, образы речи, рассчитанные скорее на эмоциональную, а не на

интеллектуальную реакцию, обусловленную в основном долгим использованием этих слов и памятью о том времени, когда они, эти слова, действительно обладали серьезным позитивным смыслом.

Сегодня никто из тех, кто гордится своей «ученостью» (кстати сказать, их немного в академических заведениях, правительстве, науке, гуманистических интеллектуальных кругах), никто из тех, кто хочет идти или считает, что идет «в ногу со временем», не верит до конца в абсолютную истину или, конкретнее, в христианскую истину. Однако само наименование истины сохранилось, равно как сохранились и наименования тех истин, которые некогда считались абсолютными, и мало найдется среди власть придержащих тех, кто колебался бы в их использовании, даже осознавая, что значение этих наименований изменилось.

Словом, истину «перетолковали», выхолостив из старых форм прежнее содержание и наполнив их новым, квазинигилистическим содержанием. В этом легко убедиться, бросив лишь беглый взгляд на те основные сферы, в которых истина подверглась «перетолкованию».

В богословском порядке первая истина – это, конечно, Бог, Всемогущий и Вездесущий Творец всего, открывающийся в вере и в опыте верных, – Ему, кстати, не противоречит разум тех, которые не отрицают веру. Бог – высшая цель всего творения, и Сам, в отличие от Своего творения, является целью Себя Самого; все сотворенное существует относительно Него и в зависимости от Него, Который только Один ни от чего, кроме Себя, не зависит. Он сотворил мир, чтобы тот наслаждался Им, и все, что в мире есть, ориентировано на эту цель, которой, однако, человек может и не достичь, если неправильно воспользуется своей свободой. Современное сознание не может вынести такого Бога. Он слишком «личный», слишком «человечный» и слишком «абсолютный», слишком бескомпромиссный в том, чего Он требует от нас. Он открывает себя только смиренной вере, и это неизбежно отталкивает современный гордый ум. Современному человеку нужен «новый бог», – бог, более соответствующий таким сегодняшним понятиям, как наука и бизнес. Найти такого бога – вот к чему стремится современная мысль. Это стремление ясно выражено уже у Декарта, затем оно оформляется в деизме Просвещения и достигает цели в немецком идеализме, где мы встречаемся с новым богом – не Существом, но идеей, открытой не вере и смирению, но построенной гордым разумом, который уже не желает спасения, но все еще чувствует необходимость «объяснения». Это мертвый бог философов, которым нужна лишь первопричина, чтобы сделать свою систему законченной, а также «позитивных мыслителей» и других религиозных софистов, которые избирают бога только потому, что он «нужен» им, и рассчитывают затем использовать его, как им заблагорассудится. Все современные божки, относятся ли они к «деизму», «идеализму», «пантеизму» или «имманентеизму», представляют собой рассудочные построения, сооруженные душами, омертвевшими от потери веры в истинного Бога.

Атеистические возражения против подобного божка насколько неопровержимы, настолько и неуместны, потому что этот бог – то же, что отсутствие Бога. Безразличный к человеку, не имеющий власти действовать в этом мире – разве что вдохновлять мировой «оптимизм», – этот бог значительно слабее людей, которые его придумали. Не стоит и говорить, что на таком основании не построишь ничего прочного, а потому – и не без серьезной на то причины – либералы, исповедуя веру в это божество, строят свое мировоззрение на более очевидном, хотя вряд ли более устойчивом основании – на человеке. Таким образом, нигилистический атеизм есть лишь наглядное проявление того, что не просто подразумевалось, а уже присутствовало, хотя и в несколько искаженной форме, в либерализме.

Этическая подоплека веры в подобного бога совершенно та же, что и в атеизме, но их внутреннее сходство скрыто метафорическим туманом. В христианском порядке вся человеческая деятельность рассматривается и оценивается в свете того, что есть будущая жизнь, жизнь после смерти, которая никогда не кончится. Невежеству невозможно даже

представить, что значит для верующего христианина эта жизнь. Для большинства современных людей эта жизнь, как и Бог, стала просто отвлеченной идеей; отрицать ее или доказывать ее существование для них бессмысленно. Для верующего же христианина будущая жизнь есть радость непостижимая, радость, превосходящая ту радость богообщения, которая дается ему еще в этой жизни – в молитве, литургии, приобщении Святых Христовых Таин, потому что тогда Бог будет всё во всём и не будет никакого отпадения от этой радости, она будет лишь бесконечно возрастать. У истинно верующего всегда есть утешение – предвкушение вечной жизни. Верующий в «современного бога» не знает этого предвкушения и не имеет представления о радости, известной христианину, а потому не может верить в будущую жизнь в той же степени, что и последний. Наоборот, если он будет до конца честен с самим собой, ему придется признать, что он вообще не может в нее верить.

Есть две основные формы подобного безверия, которые сходят в либерализме за эту веру, а именно – протестантизм и гуманизм. Либерально-протестантское представление о будущей жизни – увы, разделяемое все большим числом тех, кто считает себя католиками или даже православными, – подобно всему прочему, относящемуся к миру духовному, есть минимальное исповедание веры, за которым на самом деле скрывается вера в ничто. В обывательском мнении будущая жизнь превратилась в некий призрачный подмир, место «заслуженного отдыха» после трудов настоящей жизни. Ни у кого нет о нем четкого представления, потому что оно не соответствует реальности, это скорее некая эмоциональная проекция, утешение для тех, кто не желает взглянуть прямо в лицо тому, что стоит за их безверием.

Подобные «небеса» есть плод союза христианской терминологии и обычной обмирщенности, их не сможет признать убедительными ни один из тех, кто осознает, что компромисс в столь коренных вопросах невозможен, ими не соблазнится не только истинный православный христианин, но и последовательный нигилист. Однако компромисс гуманизма еще менее убедителен. Он даже претендует на то, что его идея соответствует реальности; все становится не более чем метафорой и риторикой. Гуманист совсем не говорит о небесах, но позволяет себе говорить о «вечном» в основном в форме трескучих фраз, как-то: «вечные ценности» или «вечный дух человечества». Возникает справедливый вопрос: имеет ли слово «вечный» вообще какой-нибудь смысл в этих фразах? В гуманистическом стоицизме «вечное» связано с содержанием столь ничтожным и неуловимым, что становится практически неотделимо от материалистического и детерминистического нигилизма, который – не без некоторого основания – стремится его уничтожить.

В любом случае, идет ли речь о либеральном «христианине» или о еще более либеральном гуманисте, их неспособность поверить в вечную жизнь коренится в одном и том же обстоятельстве: они верят только в этот мир, у них нет ни опыта, ни знания, ни веры в мир иной, и главное: они верят в такого бога, *который не способен воскрешать мертвых*.

За пределами своей риторики оба они, и искушенный протестант, и гуманист, осознают, что в их вселенной нет места ни для неба, ни для вечности. Их насквозь либеральная чувствительность еще не трансцендентный, но имманентный источник для своего этического учения, а их быстрый ум даже способен обратить эту *faute de mieux* в позитивную апологию. С их точки зрения, жить без надежды на вечную жизнь и без страха вечной боли составляет и «реализм», и «мужество»: чтобы жить «добродетельной жизнью» в этом мире, сторонник либерального взгляда не нуждается в вере в небеса или ад. Вот насколько сильно либеральное сознание, совершенно не постигающее значения смерти.

Даже если нет бессмертия, верует либерал, можно проводить жизнь цивилизованную; однако более глубокая логика Ивана Карамазова утверждает, что если нет бессмертия, то все позволено. Гуманистический стоицизм возможен для некоторых отдельных личностей на некоторое время, но до тех пор, однако, пока заложенное в нем отрицание бессмертия не

обратится против него же самого. Либерал живет в раю для дураков, который неизбежно должен разрушиться перед лицом правды. Если, как веруют либералы и нигилисты, смерть есть исчезновение личности, то и этот мир, и все, что в нем – любовь, добро, святость, – все равно как не сущие. Что бы ни делал человек, его деятельность не будет иметь глобальных последствий, и весь ужас такой жизни скрыт от человека лишь в силу его стремления обмануть себя самого. «Все позволено», и ни надежда на мир иной, ни страх перед ним уже не смогут удержать человека от чудовищных экспериментов или самоубийственных мечтаний. Тогда сбываются «пророческие» слова Ницше, сказанные о новом мире, возникающем из подобного мировоззрения: «Из всего, что считалось раньше истиной, нельзя верить ни единому слову. Все, что когда-то презиралось как грешное, запрещенное, недостойное и убийственное, все эти цветы ныне цветут на самых чудесных путях истины»¹.

Слепота либерала – прямая предшественница нигилистической, а конкретнее – большевистской морали. Последняя есть не что иное, как последовательное, систематическое применение на практике либерального безверия. Ирония состоит в том, что именно в тот момент, когда осуществится самое заветное желание либерализма, когда все человечество будет «освобождено» от бремени трансцендентных норм, когда исчезнет даже притворная вера в мир иной, именно в этот момент жизнь, как представляет ее либерал и к каковой он стремится, сделается для него невозможной, потому что созданный безверием «новый человек» способен будет видеть в либерализме не более как последнюю из тех «иллюзий», от которых так желал избавиться сам либерализм. В христианском порядке и политика тоже была основана на абсолютной истине. Главной провиденциальной формой правления, основанной на христианской истине, является православная христианская империя, в которой верховная власть принадлежит монарху, а управление идет сверху вниз посредством иерархической социальной структуры. В последующей главе мы убедимся, что политика, отрицающая христианскую истину, должна признать «народ» в качестве верховного правителя, а управление пойдет тогда снизу вверх, общество же будет представляться формально «равноправным». Очевидно, что эти две формы прямо противоположны друг другу, будучи полярны в своих концепциях как исходной точки, так и цели правления. Православная монархия – это богоданная форма правления, ориентированная в основном на мир иной, следующая христианскому учению об истине и полагающая своей основной целью спасение душ. Нигилистическая форма правления, которой более всего подходит наименование анархии, есть форма правления, установленная человеком и ориентированная исключительно на этот мир, у нее нет никакой высшей цели, разве что земное счастье.

Как можно догадаться, либеральное представление о власти пытается соединить две данные взаимно непримиримые идеи. В XIX веке этот компромисс принял форму «конституционной монархии» – еще одна попытка сочетать старую форму и новое содержание; а сегодня главными представителями либеральной идеи являются «республики» и «демократии» Западной Европы и Америки, большинство которых сохраняет весьма ненадежное равновесие сил власти и революции, исповедуя веру в ту и в другую.

Между тем невозможно верить в обе с одинаковой искренностью и ревностью, да никто никогда на самом деле и не верил. Конституционные монархи, правда, считали, что им удастся этот компромисс, например, Луи Филипп заявлял, что он правит «по благодати Божией и по воле народа». Однако эта формула содержит две взаимоисключающие части, что очевидно не только монархистам, но и анархистам².

Форма правления надежна, пока она имеет своим основанием Бога и следует Его воле, а либеральная форма правления явно не такова. Либералы считают, что правит не Бог, но

¹ The Will to Power. P. 377.

² См., например, замечания Бакунина о Луи Наполеоне в книге: *G.P. Maximoff. The Political Philosophy of Bakunin.* – Glencoe, Illinois: The Free Press, 1953. P. 252.

люди, Бог же есть в своем роде «конституционный монарх», чья власть передана народу и чьи функции и ныне чисто церемониальные. Либерал верит в Бога с тем же риторическим пылом, с каким он верит в небеса. Правление, основанное на подобной вере, на деле мало чем отличается от правления, устроенного на полном безверии. Хотя бы в настоящем и сохранялась некоторая стабильность, стрелка явно склоняется в сторону анархии.

Одно из двух: правление может осуществляться или по благодати Божией, или по воле народа, можно верить или в авторитарную власть, или в революцию; компромисс в этих вопросах может стать только чисто внешним, да и то временным. Революцию, как и безверие, всегда сопутствующее ей, нельзя остановить на полпути. Это сила, которая, пробудившись, уже не остановится, пока не приведет к всеобщему царству мира сего, что наглядно демонстрирует история последних двух столетий. Либералы, надеясь успокоить революцию, всегда шли на уступки ей, тем самым показывая, что у них нет той истины, которую можно было бы ей противопоставить. Однако так можно лишь приостановить революцию, но предотвратить неизбежный конец нельзя. Противопоставлять же революции свою собственную, другую революцию, как бы она ни называлась: «консервативной», «духовной» или «ненасилия», – значит не только не понимать размаха и природы современной революции, но и самим принять ее первый принцип: старая истина уже не истинна, ее место должна занять новая истина. В следующей главе мы разовьем эту мысль, более подробно рассмотрев цель революции.

Во всем либеральном мировоззрении, то есть в его богословии, этике, политике и других сферах, о которых мы здесь не говорили, истина ослаблена, смягчена, соединена с компромиссом, истина, некогда бывшая абсолютной, стала менее определенной, если не полностью относительной. Возможно на время сохранить плоды такой системы и истины, в которой мы не уверены или сомневаемся, но на этой неуверенности и на попытке ее обоснования с помощью релятивистских доктрин нельзя создать ничего позитивного. Либерализм не имеет и не может иметь никакого философского оправдания, его апология если не просто риторическая, то только эмоциональная и прагматическая. Однако самое странное заключается не в неадекватности либеральной доктрины, но в полном забвении самими либералами этой неадекватности.

Этот факт, вызывающий справедливое возражение у критиков либерализма, имеет только одно удовлетворительное объяснение. Либерала не беспокоят недостатки и противоречия, лежащие в самой основе его философии, потому что главный его интерес принадлежит совсем иной сфере. Если он не пытается построить политическую и общественную систему на божественной истине, если он равнодушно относится к существованию неба и ада, если он воспринимает Бога как чистую идею о некоей неясной бесплотной силе, то это лишь потому, что его гораздо больше интересуют цели и задачи этого мира, а все остальное представляется ему достаточно туманным и абстрактным. Либерала может интересовать культура, образование, бизнес или просто жизненные удобства, но во всех его занятиях полностью отсутствует категория абсолютного. Он не способен или не желает думать о всеобщих, глобальных вопросах. Жажда абсолютной истины исчезла, ее поглотила обмирщенность.

В либеральном мире истина, то есть изучение, вполне совместима с обмирщенностью. Но *«всякий, кто от истины, слушает гласа Моего»* (Ин. 18, 37). Честно ищущий истину не может в конце концов не прийти к тому, чтобы не встать перед выбором: принять или отвергнуть Господа Иисуса Христа, Который есть *«путь и истина и жизнь»* (Ин. 14, 6), – истина, которая противопоставляет себя миру и является упреком любой обмирщенности. Либерал, считающий, что он находится в безопасности от этой истины, напоминает богача из притчи, отягченного мирскими интересами и мыслями и не желающего отказаться от них ради смирения, бедности и уничтожения, сопутствующих настоящему искателю истины.

Ницше дал еще одно определение или, скорее, прокомментировал свое же определение «нет истины», а именно: «нет ответа на вопрос "почему?"»¹. Таким образом, нигилизм означает, что нет ответов на коренные вопросы, то есть нет ответов позитивных; а сам нигилист – это тот, кто принимает предполагаемое «нет», которым на эти вопросы отвечает вселенная. Есть, однако, два способа признания этого ответа. Первый – путь крайности, когда этот ответ выражен ясно и четко и заложен в программу революции и разрушения, это и есть чистый, или активный, нигилизм, так как, по словам Ницше, «нигилизм – это не просто вера в то, что все достойно гибели; нет, нигилист еще и сам налегает на плуг, сам ускоряет разрушение»². Но есть и умеренный путь пассивного или внутреннего нигилизма, о котором здесь и идет речь; это нигилизм либерала, гуманиста, агностика, которые, соглашаясь с тем, что «нет истины», более не задают коренных вопросов. Активный нигилизм предполагает этот нигилизм скептицизма и безверия.

Тоталитарные нигилистические режимы предпринимали безжалостное «переобучение» своего народа, считая его важнейшей частью своей программы. Немногие из подвергнувшихся этому процессу, пусть даже в течение короткого периода, избежали его влияния: в обстановке ночного кошмара неизбежно теряется чувство реальности и правды. Более тонкое, вполне гуманное по своим средствам, но не менее нигилистическое по своим последствиям, переобучение имеет место в так называемом свободном мире, и нигде оно не проводится столь последовательно и эффективно, как в его интеллектуальном центре – в академическом мире.

Здесь внешнее принуждение заменено внутренним убеждением, всем правит мертвящий скептицизм, скрытый под остатками «христианского наследия», в которое верят очень немногие, а с глубоким убеждением и того меньше. Ученые отказались сегодня от своей основной обязанности – передать людям истину, а притворное «смирение», пытающееся скрыть этот факт под изощренной болтовней об «ограниченности человеческого знания», есть не более как очередная маска нигилизма, которую с охотой надевают не только современные экстремисты, но и либеральные ученые. Молодежь, которая, покуда ее не «перековали» в академической среде, все еще жаждет истины, научают не истине, а «истории идей» или направляют ее интересы в русло «сравнительного изучения»; возникающие релятивизм и скептицизм, заложенные в подобном изучении, способны напрочь уничтожить всякую естественную жажду истины.

Академический мир – и это не легковесные слова, мне их весьма непросто произнести – стал сегодня в значительной мере источником разложения и развращения. Потому что читать труды и слушать лекции людей, не верящих в истину, губительно, однако еще более губительно, когда истина подменяется образованием и наукой, которые, превращаясь в самоцель, становятся не более как пародиями на истину, которой они должны были бы служить, представляют собой фасад, за которым пустота. Простое восприятие такого внешне положительного свойства, как честность лучших представителей академического мира, уже губительно, потому что она служит не истине, а скептическому научному мировоззрению, лишь еще более эффективно увлекает в субъективизм и безверие, скрывающиеся за этим мировоззрением. Губительно уже просто жить и работать в атмосфере, пронизанной ложными представлениями об истине, где христианская истина считается несовместимой с основными академическими занятиями, и те, кто все еще верят в истину, могут лишь изредка возвысить свой голос, чтобы быть услышанными среди скептицизма, культивируемого академической системой. Зло кроется, конечно, в сути самой системы, основанной на неправде, неистине, и крайне редко в ее отдельных представителях – преподавателях, которым эта система позволяет и которых она вдохновляет проповедовать неистину.

¹ The Will To Power. P. 8 / Воля к власти. С. 31. Ср.: «Нет ответа на вопрос "зачем?"».

² Ibid. P. 22; там же.

Либерал, человек обмирщенный, есть тот, кто потерял свою веру, а потеря веры – это начало конца того порядка, который на этой вере зиждется. Те, кто не веря стремятся сохранить престиж веры, предоставляют своим противникам мощное оружие. Против них же самих вера метафорическая самоубийственна. Радикалы нападают на либерала со всех сторон, и завеса в виде риторики не может защитить его от ударов их острого меча. Под напором столь яростной атаки либерал уступает шаг за шагом, вынужденный признать справедливость обвинений и не способный противопоставить этой негативной, критической истине свою собственную позитивную истину. Наконец, после долгого, шаг за шагом, отступления, либерал как бы вдруг пробуждается и обнаруживает, что старый порядок, незащищенный и беззащитный, оказался свергнутым и новая, более «реалистичная» и жестокая истина заняла его место.

Либерализм есть первая ступень нигилистической диалектики, он принадлежит к ней в силу того, что его вера пуста, и эта пустота вызывает к жизни еще более нигилистическую реакцию, – реакцию, которая еще громче, чем либерализм, провозглашает свою «любовь к истине» и в то же время еще дальше уводит человечество по пути заблуждения. Эта реакция представляет собой вторую ступень нигилистической диалектики, а именно реализм.

2. Реализм

Реализм, о котором мы сейчас говорим, мы понимаем как общий термин, включающий в себя различные формы «натурализма» и «позитивизма». В своем простейшем виде он представляет собой то учение, которое под именем «нигилизма» популяризировал в романе «Отцы и дети» Тургенев. Образ Базарова в этом романе представляет собой тип «нового человека», появившегося в России в шестидесятых годах прошлого (XIX. – *Прим. ред.*) века. То были недалекие материалисты и детерминисты, серьезно рассчитывавшие – как, например, Дмитрий Писарев – найти путь спасения человечества с помощью анатомирования лягушек или доказать отсутствие души тем, что ее нельзя обнаружить при посмертном вскрытии. Не напоминает ли вам это советских «нигилистов», «новых людей» шестидесятых годов уже нашего (XX. – *Прим. ред.*) века, которые доказывали, что Бога нет, тем, что не видели Его в космосе. Такой нигилист ни к чему не питает уважения, не склоняется ни перед каким авторитетом, ничего, как он считает, не принимает на веру, все оценивает в свете науки, представляющей ему единственной абсолютной и исключительной истиной, отрицает идеалистическое и абстрактное в пользу конкретного и фактического. Он не верит ни во что, кроме того, что все «высшее» в человеке, то есть относящееся к сфере разума и духа, можно свести к «низшему», то есть к материи, чувственному, физиологическому.

В отличие от размытости и туманности либерализма реалистическое мировоззрение представляется более четким и ясным. Место агностицизма или уклончивого деизма занимает открытый атеизм, а туманные «высшие ценности» заменяются голым материализмом и эгоизмом. Во вселенной реалиста все четко и ясно, за исключением того, что наиболее требует четкости и ясности, а именно – определения, в чем ее начало и конец. В то время как либерал воспринимает коренные вопросы бытия как бы в некоем тумане, реалист по-детски наивен: они просто не существуют для него, для него вообще нет ничего, кроме самого очевидного.

Мы уже говорили в первой части настоящей главы, что подобный реализм противоречит сам себе, независимо от того, принимает ли он форму «натурализма», пытающегося утвердить абсолютный материализм и детерминизм, или «позитивизма», имеющего своей целью отрицание всякого абсолюта, или доктринарного «агностицизма», с невероятной готовностью рассуждающего о «непознаваемости» конечной реальности. Впрочем, споры здесь носят чисто теоретический характер, так как реализм, противоречащий сам себе, воспринимается отнюдь не как философия. Он есть наивный, неорганизованный способ мышления практичного человека, не привыкшего высоко и серьезно думать, который в наш

век всеобщего упрощения надеется навязать всему миру свои незамысловатые критерии и идеи; а если рассматривать на несколько ином уровне, то он есть столь же наивный способ мышления ученого, привязанного к очевидному требованиям своей специальности и незаконно пытающемуся навязать научные критерии тем сферам, которые лежат за пределами науки. В последнем случае следует разделять «научнообразие» и «законную» науку¹. Так, наши замечания направлены не против самой науки, но против недолжного применения ее критериев и методов, столь распространенного сегодня.

Правильно ли будет назвать такую философию нигилизмом? Или, точнее, является ли она нигилизмом в том значении, которое мы приняли для этого термина? Если истина в высшем смысле есть знание начала и конца всех вещей, определение абсолюта, и если нигилизм – это учение о том, что такая истина не существует, то очевидно, что считающие научные знания единственной истиной и отрицающие то, что лежит за ними, являются нигилистами в самом точном смысле слова. Благоговение перед фактом ни в коем случае не может быть признаком любви к истине, но, как мы отметили выше, является ее пародией. Это самонадеянное стремление заменить целое частью, гордая попытка построить из нагромождения фактов еще одну Вавилонскую башню, чтобы вскарабкаться по ней снизу на высоты истины и мудрости. Однако истину можно постичь, лишь пав ниц и со смирением приняв то, что дается свыше. Напускное же «смирение» ученых-реалистов, этих маловеров, не в состоянии скрыть их гордыни, стремящейся занять Божий Престол. Они в своей ничтожности свои «исследования» ценят выше Божественного Откровения. Для таких людей «нет истины», и мы можем сказать о них то, что сказал некогда о греческих языческих ученых святитель Василий Великий: «И без сомнения, излишество мирской мудрости принесет для них некогда приращение тяжкого осуждения за то, что, с такою осмотрительностью вникая в пустые предметы, произвольно слепотствовали в уразумении истины»².

До настоящего момента мы не проводили еще различия между первой и второй ступенями нигилизма. Большинство либералов также признает науку за исключительную истину, – чем же они отличаются от реалистов? Различие не столько в учении – реализм в некотором смысле есть лишенный иллюзий и систематизированный либерализм, – сколько в акценте и мотивации. Либерал безразличен к абсолютной истине, подобное отношение коренится в его исключительной приверженности к здешнему миру; у реалиста это безразличие переходит во враждебность, а приверженность к миру в фанатическую преданность ему. У таких чрезвычайных последствий должна быть серьезная причина.

Сам реалист сказал бы, что причина кроется в его любви к истине, не позволяющей ему верить в высшую истину, потому что она «не более чем фантазия». Данной точки зрения придерживался Ницше, видя в ней то изначально христианское свойство, которое обернулось против христианства же. «Чувство истины, столь глубоко развитое в христианстве, в конце концов восстало против фальши и надуманности всех христианских объяснений мира и его истории»³. Понятые в правильном контексте, эти слова имеют некий глубинный смысл, хотя весьма искаженный и частичный.

Ницше восставал непосредственно на христианство, выхолощенное либеральным гуманизмом; христианство, в котором бескомпромиссная любовь к абсолютной истине и преданность ей были крайне редки или вообще отсутствовали; христианство, которое превратилось не более чем в нравственный идеализм, подкрепленный эстетическим чувством. Подобно Ницше, «русские» нигилисты восставали против романтического идеализма «лишнего человека», живущего в туманной области фантазии, лишенной какой бы

¹ О различии смотреть, например, у *Arnold Lunn*. *The Revolt against Reason*. – New York: Sheed and Ward, 1951. P. 5; *F.A. Hayek*. *The Counter-Revolution of Science*. – Glencoe, Illinois: The Free Press, 1952. P. 15–16. Первый автор пишет больше о теоретическом «научнообразии», а второй – о практическом.

² *Святитель Василий Великий*. *Беседы на Шестоднев*. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 14-15.

³ *The Will to Power*. P. 5.

то ни было реальности, духовной или иного мира. Подобная псевдодуховность столь же далека от христианской истины, сколь и нигилистический реализм. Но и христианином, и реалистом обладает стремление к истине, воля, которую нельзя обмануть, страсть дойти до истоков вещей, найти их конечную причину, оба считают неудовлетворительным любой довод, не относящийся к некоему абсолюту, не требующему доказательства, оба они яростные враги легкомыслия либерализма, отказывающегося серьезно относиться к основополагающим вещам и не воспринимающего всей сложности человеческой жизни. Именно это стремление к истине сводит на нет все попытки либералов сохранить идеи и институты, в которые они до конца не верят и которые не основаны на абсолютной истине. Что такое истина? Для человека, для которого это вопрос жизни и смерти, вопрос неотложный, неприемлем либерально-гуманистический компромисс. Тот, кто хоть однажды всем своим существом задал себе этот вопрос, уже никогда не удовлетворится подменой, которой довольствуется мир.

Но недостаточно только задать этот вопрос, нужно найти на него ответ, иначе спрашивающий окажется в состоянии, худшем прежнего. Христианин находит единственно возможный ответ на этот вопрос в Боге и Его Сыне; реалист, существующий вне соприкосновения с христианской жизнью и истиной, одушевляющей ее, задает этот вопрос в духовном вакууме и готов принять первый попавшийся ответ. Ошибочно принимая христианство за очередную форму идеализма, он отрицает его и становится поклонником единственной реальности, существующей для духовно слепых, – этого мира. И теперь, как бы высоко мы ни ценили честность всеуверного материалиста или атеиста, никакое человеколюбие не сможет заставить нас признать в нем ту любовь к истине, которая некогда вдохновляла его, теперь он скорее жертва обманувшейся любви к истине, ставшей болезнью и окончившейся отрицанием себя самой. Мотивировка реалиста, впрочем, не совсем честна. Он утверждает, что знает то, чего, по его собственной теории знаний, знать не может: как мы уже заметили выше, отрицание абсолютной истины есть само абсолют. А поступает он так потому, что имеет некую тайную мотивировку. Она состоит в его предпочтении ценностей этого мира истине. Безжалостный реалист и «искатель истины» Ницше, оболоченный образом «сверхчеловека», заканчивает пробуждением воли к неистине и воли к власти; марксистский реализм во имя революционного хилизма заканчивает чудовищной ложью и обманом, каких мир еще не знал.

Любовь к истине, потерявшая свой подлинный объект, продается за иррациональную причину и превращается в принцип гибели и разрушения, становится врагом истины, которой не смогла достичь, врагом любой системы, основанной полностью или хотя бы частично на истине, и в конце концов врагом себя самой.

Она превращается фактически в совершеннейшую пародию на христианскую истину. Там, где христианин ищет конечный смысл всего и не удовлетворяется ничем, пока не увидит, что он зиждется на Боге и Его воле, там реалист также сомневается во всем, но лишь для того, чтобы отвергнуть любое предположение о чем-либо высшем и свести и упростить все до наиболее очевидного и «основополагающего» объяснения. В то время как христианин во всем видит Бога, реалист видит лишь «расовые» или «половые отношения» или «способ производства».

Если реализму и свойственны такие христианские качества, как простота и честность, совершенно чуждые либеральному сознанию, он использует их лишь для того, чтобы присоединиться к либеральной атаке на христианскую истину и довести ее до логического завершения: полного упразднения христианской истины. То, что вяло и нерешительно начиналось в либерализме, набрало полную силу в реализме и привело к катастрофическому концу. Ницше предвидел, что наш век станет «триумфом нигилизма»; Иаков Бурхардт, этот разочаровавшийся либерал, видел в нем приближение эпохи диктаторов, которые будут *terribles simplificateurs* (ужасные упростили. – *Прим. ред.*). Исполнение этого предсказания в политической сфере мы видим в фигурах Ленина, Сталина, Гитлера и Муссолини,

предложивших радикально «простые» решения самых сложных проблем. В более широком масштабе нигилистическое упрощение видно в той всеобщей популярности, которой пользуется низшая ступень знания, научность, а также в примитивных идеях Маркса, Фрейда и Дарвина, на которые главным образом опирается современная мысль и вся современная жизнь.

Мы говорим «жизнь», потому что хотим подчеркнуть, что нигилистическая история нашего века не есть нечто, привнесенное извне или свыше, во всяком случае, в основе своей, – нет, она зарождалась и взращивалась на нигилистической почве, подготовленной в сердцах людей. Самые ужасные события нашего века являются результатом того обывательского, повседневного нигилизма, который открылся в жизни, мышлении и стремлениях обычных людей. В этом смысле очень поучительно мировоззрение Гитлера, потому что в нем самый экстремальный и чудовищный нигилизм зиждется на основе обычного, даже типичного реализма. Гитлер разделял всеобщую веру в «науку», «прогресс» и «просвещение» – хотя, конечно, не в «демократию» – и был приверженцем практического материализма, который с презрением отменяет всякое богословие, метафизику, любую мысль или действие, относящиеся к миру иному, нежели «здесь и сейчас», и гордился своей способностью сводить все проблемы к их простейшей основе¹. Он грубо благоговел перед такими принципами, как продуктивность и полезность, узурпировавшими «контроль рождаемости», смеялся над институтом брака, считая его лишь узаконением полового импульса, который должен быть «свободным», приветствовал стерилизацию «негодных» элементов, презирал «непроизводительные элементы», к которым относил монахов, видел в кремации не более как практическое решение вопроса и не колеблясь использовал пепел или даже кожу и жир покойников в производстве. Он имел квазианархическое недоверие ко всем священным и чистым институтам, в частности – к Церкви с ее «предрассудками» и «устарелыми» законами и обрядами. (Мы знаем о его ненависти к институту монархии, послужившей решающим фактором при его отказе от титула императора.) Он наивно верил в «естественного человека», «здоровое животное», презирающее христианские добродетели, в частности, девство, мешающее «естественному функционированию» тела. Он испытывал простодушное удовольствие от современных удобств и приспособлений, особенно от автомобиля и от того чувства «свободы» и скорости, которое он дает.

Весьма немногое из этого мировоззрения (*Weltanschauung*) не разделяется сегодня миллионами наших современников, особенно молодыми, считающими себя «просвещенными» и «свободными», весьма немногое пока еще не является типично современным. Именно на почве такого реализма, в котором не осталось места для «сложного» христианского мировоззрения и важнейших реальностей духовного мира, процветают предрассудки и вульгарное легкоеверие. Благонамеренные люди надеются, что, критикуя иррационализм и защищая «разум», «науку» и «здравый смысл», они предотвратят приход очередного Гитлера, но вне контекста христианской истины эти ценности, составляя свой собственный реализм, не предотвращают, но, напротив, подготавливают приход нового упростиителя. Наиболее характерными представителями таких упростиителей являются сегодня власть предержащие в Советском Союзе, превратившие «науку» и «здравый смысл» в новую религию, и горько ошибаются те, кто, защищая какие бы то ни было цели, надеются получить помощь от этих крайне суеверных людей.

Реализм, несомненно, принадлежит «духу века сего», и все, кто чувствуют, что они этого «духа», должны так или иначе приспособляться к нему. Так, гуманизм, имевший в прежнее, более безмятежное время более идеалистическую либеральную окраску, пришел к

¹ Цитируется по книге: *Hermann Rauschning. The Voice of Destruction.* – New York: G.P. Putnam's Sons, 1940. P. 6; а также – *Hitler's Secret Conversations, 1941–1944.* – New York: Farrar, Straus and Young, 1953. На рус. яз. см.: *Герман Раушинг. Говорит Гитлер. Зверь из бездны.* – М.: Миф, 1993. Голос разрушения // Нюрнбергский процесс: В 2 т. – М.: Изд-во юр. лит., 1954. Т. 1. С. 517.

выводу о необходимости «изменяться вместе со временем» и усвоил более реалистический тон. Наиболее наивные основали новую, гуманистическую «религию», отождествляющую себя с «наукой» и «прогрессом» и возводящую в догму противоречия¹, о которых мы уже говорили, такие люди способны даже в марксизме увидеть род гуманизма. Даже в наиболее утонченных современных гуманистах, в наиболее вышколенных государственных деятелях и ученых безошибочно можно угадать реалистическую тональность. Она проявляется в засилье научных методов и оценок в последних оплотах гуманитарного классического образования. Ни один ученый, каким бы предметом он ни занимался, не может быть уверенным в успехе своей работы, если она не будет максимально «научной», что на самом деле означает «научообразной». Реализм присутствует в стоическом, «мудром», с мирской точки зрения, часто циничном тоне всех современных гуманистов, за исключением разве самых наивных и религиозных; их воображаемая «свобода от иллюзий» является в большой степени все тем же разочарованием; теперь они «знают лучше», чем их отцы, которые утешались верой в «высокие истины».

То есть гуманизм примирился с реализмом, а следовательно, как полагают его приверженцы, с реальностью. Теперь гуманист видит в переходе от либерализма к реализму не просто результат разочарования, но процесс «совершенствования». Однако православный христианин видит в нем нечто совсем иное. Если либерализм только пытался скрыть высшие истины, касающиеся Бога и духовной жизни, за туманом «терпимости» и агностицизма, задача того реализма, о котором мы здесь говорим, «отменить» их совсем. На второй ступени нигилистической диалектики небо скрылось от взоров людей, и люди решили никогда более не отрывать своего взгляда от земли и жить только в этом мире и только для него. Это реалистическое решение в равной мере присутствует как в сатанинских явлениях большевизма и национал-социализма, так и в кажущихся невинными «логическом позитивизме» и научном гуманизме. Последствия этого решения скрыты от того, кто его принимает, так как они имеют место в той реальности, к которой слеп реализм; эта реальность находится, соответственно, ниже и выше узкого реалистического мирка.

Нам предстоит убедиться, как сокрытие неба высвобождает неожиданные темные силы, осуществляющие на деле кошмар нигилистической мечты о «новой земле», и как реалистический «новый человек» все менее напоминает мифического «высокоразвитого» совершенного гуманоида, а все более «недочеловека», до сих пор неизвестного человеческому опыту.

Теперь обратимся к следующей ступени нигилистического развития – к витализму.

3. Витализм

Либерализм и реализм более века вели человечество по пути, заканчивающемуся неким «перевертышем», о котором мы так много сейчас слышим – «великолепным новым миром», бесчеловечной технологической системой, в которой все мировые проблемы решаются за счет порабощения человеческой души. Эта рационально спланированная утопия вызвала многочисленные протесты тех, кто пытался защищать личные и насущные, незапланированные и несистематизированные потребности человеческой природы как не менее существенные даже для чисто земного «счастья», чем потребности материальные, которые, конечно, более очевидны. Такой протест во имя «жизни», что бы под ней ни подразумевалось, будет несомненно задушен в реалистическом рае.

Основным интеллектуальным толчком для возникновения виталистического движения послужила реакция против исключения высшей реальности из реалистического «упрощенного» мира, что обусловило в то же время, приходится признать, полный провал витализма. Не имея достаточно основания в христианской истине, даже не осознавая ее, те, кто взялся за исправление основных недостатков реализма, изобрели и лекарства,

¹ См., например, произведения Корлисса Ламонта (Corliss Lamont) и Юлиана Хаксли (Julian Huxley).

оказавшиеся не только бессильными, но и вредными и ставшими симптомами еще более осложнившегося заболевания, которое они предназначены были лечить.

Как реализм, хотя и был реакцией против туманности либерализма, но обрек себя на бесплодие, приняв свойственное либерализму неведение высшей истины, так и витализм подорвал свои же собственные чаяния, приняв за основополагающую предпосылку критику абсолютной истины, свойственную реализму, против которого он пытался бороться. Как бы ни тосковал виталист по «духовному» и «таинственному», он никогда не станет искать их в христианской истине, потому что она для него столь же «устарела», сколь и для полного слепца реалиста. Для виталистической точки зрения очень типична жалоба В.Б.Йейтса¹, высказанная в его автобиографии: «Хаксли и Тиндал отвратительны мне, они лишили меня наивной религии моего детства». Каково бы ни было психологическое обоснование этой точки зрения, она не имеет никакого отношения к правде и последствия ее весьма печальны. Не найдется ни одной формы витализма, которая не была бы натуралистичной, программа которой не начиналась бы и не заканчивалась в этом мире и чья трактовка мира иного была бы не более чем пародией. Снова заметим, что нигилизм идет по прогрессирующей, повторяя и преумножая ошибки предыдущих ступеней в последующих.

Нет и речи о том, чтобы витализм возвращался к христианской или какой-либо другой истине, хотя сами виталисты порой и пытаются претендовать на это. Многие критики отмечали псевдорелигиозный характер даже марксизма, хотя это определение применимо лишь к ложно направленной ревности наиболее ярких его приверженцев, а отнюдь не к его учению, которое слишком очевидно антирелигиозно по своей сути. В витализме проблема псевдорелигиозности гораздо сложнее. Здесь вполне понятная скорбь об утраченных духовных ценностях усиливается и, с одной стороны, приводит к субъективным фантазиям (иногда к явному сатанизму), которые люди, не имеющие духовного рассуждения, принимают за откровения «духовного» мира, а с другой стороны, – к ни на чем не основанному эклектизму, привлекающему идеи всех времен и народов и устанавливающему чисто внешнюю связь между отдельными неверно понятыми частями и своими собственными ложными концепциями. Неотъемлемыми элементами многих виталистических систем являются псевдодуховность и псевдотрадиционализм, встречающиеся как по одному, так и вместе. Поэтому следует с большой осторожностью относиться к заявлениям тех, кто собирается восстановить «духовную» сущность жизни, и в особенности тех из них, кто называет себя союзником или приверженцем «христианства». Духовные заблуждения гораздо опаснее простого материализма, и в третьей главе настоящей книги мы убедимся, что большая часть того, что сходит сегодня за «духовность», представляет собой на деле «новую духовность», рак, порожденный нигилизмом, который проникает в здоровые организмы и разрушает их изнутри. Такая тактика прямо противоположна открытой реалистической атаке на истину и духовную жизнь, но тем не менее это тоже нигилистическая тактика, только уже следующий ее этап.

На рассудочном уровне витализм предполагает отрицание христианской истины в сочетании с некоторой псевдодуховной претензией. Однако даже осознав это, мы все же окажемся не готовыми к пониманию виталистического движения, если прежде не ознакомимся с духовным состоянием людей, ставших его носителями. В либерализме и реализме нигилистическая болезнь все еще относительно поверхностна, она принадлежит в основном к области философии и распространяется только на интеллектуальную элиту. В витализме – как и в марксизме, самом крайнем проявлении реалистического сознания, – эта болезнь развивается не только качественно, но и количественно: впервые простые люди начинают проявлять признаки нигилизма, который прежде ограничивался лишь немногими.

¹ Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – ирландский поэт, прозаик, драматург, критик, лауреат Нобелевской премии. «Британская энциклопедия» называет его одним из величайших поэтов XX века.

Это обстоятельство, несомненно, находится в полном соответствии с внутренней логикой нигилизма, так как он, подобно христианству, которое он призван уничтожить, стремится к всеобщности. К середине XIX века наиболее восприимчивые мыслители уже предвидели перспективу «разбуженных» масс, которыми должны будут воспользоваться «ужасные упрости́тели», а ко времени Ницше, одного из могущественнейших «пророков» витализма, это предчувствие переросло в уверенность. Ницше уже мог видеть, как «смерть Бога бросает свою первую тень на Европу», и – хотя «событие само по себе было слишком велико, слишком удалено, слишком превосходило возможности восприятия большинства людей, чтобы предположить, что сообщение о нем могло бы дойти до их сознания»¹ – детьми этого грядущего века – века, если мы вспомним, триумфа нигилизма – стали такие же люди, как Ницше.

Христианская истина, которую стремился подорвать либерализм и на которую напал реализм, не просто философская истина, но истина жизни и спасения, и когда среди масс, воспитанных на этой истине, начинает распространяться убеждение, что она более не достойна доверия, в результате получается не просто ложенный скептицизм, которым утешаются некоторые либералы, но духовная катастрофа гигантских размеров, чьи последствия будут ощутимы во всех сферах человеческой жизни и мысли. Мыслители, подобные Ницше, уже видели первые тени этой катастрофы и были способны более или менее подробно описать ее и предугадать некоторые последствия. Однако эти последствия становятся более очевидными, только когда ее тени прокрадываются в сердца широких масс. К концу XIX века все большее и большее число простых людей начинает с беспокойством искать то, что могло бы заменить Бога, умершего в их сердцах, – картина, столь свойственная и нашей современной жизни. Это беспокойство становится основной движущей силой витализма, его сырьем, которое удобно облекается в форму только что рассмотренных нами интеллектуальных пресуппозиций мастерами, вдохновленными позднейшими веяниями «духа века сего».

Мы привыкли рассматривать это беспокойство главным образом с точки зрения его использования нигилистическими демагогами, в то время как оно служило и важнейшим стимулом виталистического искусства и религии. Присутствие этого компонента в большинстве виталистических явлений объясняет, почему, в отличие от кажущегося «здоровомыслия» либерализма и реализма, витализм проявляет симптомы не только интеллектуального отклонения, но духовной и психологической дезориентации.

Неплохо было бы, прежде чем перейти к рассмотрению внешних проявлений витализма в области философии и искусства, подробнее остановиться на некоторых более общих формах стоящего за ними смутного беспокойства. Действительно ли оно является нигилистической характеристикой? Могут возразить, что его значение преувеличено нами, что это просто новая форма чего-то уже существовавшего прежде, нелепая попытка возвести нечто обычное в ранг нигилизма. Это мнение, несомненно, имеет некоторое основание, однако вряд ли можно отрицать, что то, что мы видим сегодня в целом ряде важнейших аспектов, отличается от всего предшествующего. Впервые за всю историю беспокойство распространяется сегодня настолько широко, что представляется почти всеобщим. «Обычные» лекарства, лекарства здравого смысла, по-видимому, не способны оказать на него никакого воздействия, наоборот, только усиливают его. Его развитие происходит параллельно распространению современного безверия, так что если одно и не служит причиной другого, то оба они представляются параллельными проявлениями одного и того же процесса. Эти положения так тесно связаны друг с другом, что их невозможно разделить, и потому далее мы будем рассматривать их вместе.

¹ *Friedrich Nietzsche. The Joyful Wisdom. № 343.* На рус. яз. см.: *Фридрих Ницше. Веселая наука // Собр. соч.: В 2 т. - М.: Мысль, 1990. № 343. Ср.: «Само событие слишком еще велико, слишком отдаленно, слишком недоступно восприятию большинства, чтобы и сами слухи о нем можно было считать уже дошедшими».*

Наиболее искусно использовали в своих целях всеобщее беспокойство фашистские и национал-социалистские режимы. Странно, однако, – «странно», впрочем, только для того, кто не понимает характера современной эпохи, – что это беспокойство не закончилось с поражением тех, кто им так ловко пользовался, но, напротив, стало сильнее, а что еще более странно, оно особенно усилилось в странах с высоким уровнем развития демократической и либеральной идеологий, странах, отличающихся особым благосостоянием, в «отсталых» же странах степень его усиления находится в пропорциональной зависимости от степени их приближения к этим целям. Утихомирить это беспокойство не смогли ни война, ни либеральный идеализм, ни возросшее благосостояние; как, впрочем, не смог этого сделать и марксистский идеализм. Так, советское «процветание» произвело на свет все то же явление. Эти лекарства не помогают, так как болезнь зашла глубже, чем они могут действовать. Наиболее сильно это беспокойство проявилось в росте преступности, особенно среди молодежи. В предшествующие эпохи преступность была явлением ограниченным, имела очевидные, понятные причины, коренившиеся в человеческих страстях – жадности, похоти, зависти, ревности и т. п., они не знали ничего похожего на тот вид преступления, который стал характерным в нашем веке, – преступления, которому более всего подходит определение, столь часто используемое сегодняшним авангардом, хотя и в ином, нигилистическом контексте: его нельзя назвать иначе как «абсурдным».

Дети убивают родителей, родители – детей, избивают или убивают совершенно незнакомого человека, но при этом не грабят; преступление может совершаться кем-то одним или целой бандой. Такие банды терроризируют всю округу, шатаясь без дела или бессмысленно воюя друг с другом, – и для чего?! Вот оно, время «мира» и «благоденствия», когда преступники могут быть как из высших, так и из низших элементов общества, их поведение не имеет никакой практической причины, часто и речи не идет о каких-либо предпосылках и последствиях. Когда совершивших подобные преступления просят объяснить свое поведение, они отвечают примерно одинаково: это был «импульс», «побуждение»; или преступник испытывал садистское удовольствие, совершая преступление, или имелся абсолютно не соответствовавший тяжести преступления предлог, как-то: скука, помрачение, возмущение. На самом деле они совсем не могут объяснить своего поведения, оно не имеет удовлетворительной мотивации, и, что самое существенное и поразительное, в подобных преступлениях обычно не раскаиваются.

Существуют, конечно, и другие, не столь насильственные формы всеобщего беспокойства: страсть к движению, скорости, особо выражающаяся в настоящем культе автомобиля (мы уже заметили выше эту страсть в Гитлере); всеобщая приверженность к телевидению и кино, основная функция которых состоит в том, чтобы предоставить несколько часов убежища от реальности как с помощью своего эклектического и «захватывающего» содержания, так и с помощью гипнотического воздействия самих технических средств. Сюда же относится и все усиливающаяся примитивность и дикость современной музыки, особенно джаза, наиболее точно отображающего состояние современной души. Это и культ физической доблести в спорте, и – как часть его – нездоровое благоговение перед юностью, преобладание и вседозволенность сексуальной беспорядочности, попускаемой многими из тех представителей старшего поколения, которые за это должны были бы отвечать, как бы являющейся показателем «открытости» современной молодежи и представляющей собой еще одну форму «открытого», «экспериментального» отношения к жизни, культивируемого в искусстве и науке. Это и неуважение к власти, поощряемое распространением мнения, не признающего никаких ценностей, кроме «сиюминутных» и «динамичных», и побуждающего наиболее «идеалистически» настроенную часть молодежи к демонстрации протеста против «репрессивных» законов и установлений.

При этом такая «деятельность» представляет собой не иное что, как убежище от скуки, бессмысленности, а еще глубже – пустоты, которая охватила сердца, отказавшиеся от Бога,

истины Божественного Откровения, а с ними – от нравственности и совести, основанных на этой истине. Та же психология действует и в более сложных проявлениях виталистического импульса, к которым мы теперь переходим. Пока мы лишь отметим множественный характер этих проявлений, а позже детально рассмотрим, в чем состоит роль большинства из них, выступающих в качестве форм «новой духовности».

В политике наиболее преуспевшими формами витализма были культ активности и насилия Муссолини и еще более мрачный культ «крови и земли» Гитлера; природа их слишком хорошо известна нынешнему поколению и не требует объяснений. Впрочем, сегодня, когда стрелка политического барометра столь явственно отклоняется «влево», может быть, не так очевидно, насколько глубоко простиралось воздействие этих движений сорок лет назад. Помимо масс, оторванных от своих корней, на которые прежде и рассчитывали нигилистические демагоги, они нашли горячую поддержку, хотя и ненадолго, у довольно значительного числа лиц, принадлежащих к интеллектуальной и культурной элите. Среди этой элиты мало кто принял нацизм и фашизм в качестве «новой религии», но многие приветствовали его как противовес демократии, «науки», прогресса, то есть либерализма и реализма. Они обещали «восприимчивой» личности весьма привлекательное будущее, их динамизм, «жизненность», псевдотрадиционализм представлялись обманчиво «освежающими» многим, задохнувшимся в душной интеллектуальной атмосфере того времени.

Таково же воздействие и современного искусства, чей протест против безжизненного академического «реализма» заводит порой в самые неожиданные области. Новыми экзотическими источниками влияния стали искусство Африки, Востока, южных широт, доисторического человека, детей, сумасшедших, а также спиритуализм и оккультизм. Непрерывающийся «экспериментализм», постоянный поиск «новых» форм и техники приняты за норму, искусство вдохновляется «диким», «примитивным», «спонтанным». То, что заявляли когда-то в своем манифесте футуристы (хотя вряд ли футуризм можно серьезно считать искусством), стало основой для большинства современных художников, культивирующих в своих работах «всякий вид оригинальности, смелости, крайнего насилия». Все они верят, что «наши руки свободны и чисты, и можно начать все заново».

Согласно виталистическому мифу, художник – «творец», «гений», «вдохновленный», в его искусстве реализм преобразуется через «видение», и в этом состоит знамение «духовного пробуждения». То есть художник – это чародей в искусстве, в том смысле, в каком Гитлер был им в политике: и там, и там правит не истина, а субъективное чувство.

В религии или, вернее, в псевдорелигии беспокойное экспериментаторство, характерное для витализма, проявляется в еще более разнообразных формах, чем в школах современного искусства. Например, есть секты, чьим божеством является неясная имманентная «сила», и различные направления «новой мысли» и «позитивного мышления» стремятся укротить и использовать эту силу, как если бы она была чем-то вроде электричества. Близки к ним оккультизм и спиритизм, а также некоторые поддельные формы восточной философии, которые перестали даже делать вид, что их «интересует» Бог, и направили все свои усилия на то, чтобы пробудить непосредственные «силы» и «присутствия».

Религиозный витализм проявляется также в широко распространенном культе «осознания». В сдержанной форме он присутствует у приверженцев современного искусства, а также в «творческом акте» и «видении», которые это искусство вдохновляют. Наиболее крайней формой этого культа служит безразборчивый поиск «просвещения», как, например, в дзен-буддизме, а его *reductio ad absurdum* – «религиозный опыт», стимулируемый разными наркотиками.

Делается также попытка сфабриковать псевдоязыческий культ «природы», прежде всего на основе его «первичных», «главных» элементов: земли, тела, секса. Заратустра Ницше – могущественный пророк этого культа – центральная тема в произведениях Лоренса и других романистов и поэтов нашего века.

В большинстве разновидностей экзистенциализма и персонализма делается попытка свести религию не более чем к личной «встрече» с другим человеком или иногда со смутно воспринимаемым богом, а в патологическом, атеистическом экзистенциализме – сделать религией бунт, неистовое самопоклонение.

Все эти виталистические проявления религиозного импульса объединяет неприятие любого устойчивого, неизменного учения или установления и исключительный интерес и стремление к достижению сиюминутных «ценностей» жизни, «жизнеспособности», «опыта», «осознания» или «экстаза».

Итак, мы выделили наиболее яркие черты витализма и примерно определили широту его распространения, но нам осталось еще раскрыть сам термин и объяснить, в чем состоит его нигилистический характер. Как мы уже видели, либерализм подрывал истину своим безразличием, сохраняя, однако, престиж самого слова; реализм нападал на нее во имя некоей меньшей, частичной истины. Противопоставляя себя им обоим, витализм вообще перестает иметь отношение к истине. Он целиком и полностью посвящен вещам совсем иного порядка. «Ложность какого-либо мнения, – писал Ницше, – не может служить возражением против него... Вопрос в том, насколько это мнение способствует жизни, сохраняет ее...»¹ Там, где начинается подобный прагматизм, нигилизм переходит на стадию витализма, которую можно определить как упразднение истины в качестве критерия человеческих действий и замену ее иным критерием – «жизнеспособностью»; здесь «жизнь» и истина окончательно расстаются друг с другом.

Витализм – это как бы более углубленный реализм, общее у них – узор восприятия реальности и стремление свести все высшее к максимально низшему; витализм продолжает осуществлять реалистическое намерение. Там, где реализм пытается заменить абсолютную истину снизу, витализм констатирует неудачу и предлагает еще более «реалистическое» осознание ситуации, утверждая, что и внизу нет абсолютной истины и единственный неизменный принцип этого мира есть само изменение. Реализм сводит сверхъестественное к естественному, данное в Откровении к рассудочному, истину к объективности; витализм же идет еще дальше и сводит все к субъективному опыту и субъективным ощущениям. Мир, который казался реалисту столь устойчивым, истина, которая представлялась ему столь надежной, рассыпаются в виталистическом мировоззрении в прах, рассудку не на чем уже успокоиться, все поглощено движением и действием.

Логика неверия неумолимо ведет к бездне, и тот, кто не вернется на путь истины, должен будет следовать своему заблуждению до конца. Так происходит с гуманизмом, который, подхватив реалистический вирус, окончательно побеждается эмбрионом витализма. Наиболее наглядным признаком этого служит преобладание «динамичных» критериев, имеющее место в критике литературы и искусства и даже в рассмотрении вопросов религии, философии и науки. Самыми ценными качествами во всех этих областях считаются «оригинальность», «экспериментализм», свойство быть «волнующим», и если вопрос истины и поднимается, он все больше оттесняется на задний план и заменяется субъективными критериями, как-то: «целостный», «настоящий», «индивидуальный».

Подобный подход открыто приглашает к обскурантизму, не говоря уже о шарлатанстве, и если последнее может быть отвергнуто как некое искушение, не ставшее нормой, то игнорировать все более распоясывающийся обскурантизм, столь легко терпимый и даже поощряемый нигилистическим темпераментом, невозможно. В современном интеллектуальном климате все труднее вести разумный разговор с апологетами витализма. Если, например, спросить у них, в чем смысл какого-либо современного произведения искусства, вам ответят, что оно не имеет смысла, это «чистое искусство» и его можно только

¹ Friedrich Nietzsche. Beyond Good and Evil. P. 4. На рус. яз. см.: Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла // Собр. соч.: В 2 т. - М.: Мысль, 1990. № 4. С. 243. Ср.: «Ложность суждения еще не служит для нас возражением против суждения... Вопрос в том, насколько суждение споспешествует жизни, поддерживает жизнь...»

«почувствовать», а если критик не способен правильно его «почувствовать», он не имеет права что-либо о нем говорить. Попытка ввести какой бы то ни было критерий критики, даже самый простой и формальный, встречается с возражением, что старые критерии не применимы к новому искусству, что они слишком «статичные», «догматичные» или просто «отсталые» и что об искусстве сегодня можно судить только с точки зрения того, насколько успешно оно воплощает свои собственные неповторимые интенции. Если в каком-то произведении искусства критик заметит патологическое или животное намерение, ему объяснят, что оно служит точным отражением «духа века сего», а тот, кто считает, что искусство должно быть чем-то большим, просто наивен. Последний довод наиболее любим сегодняшним авангардом, литературным ли, философским или «религиозным». Для людей, уставших от истины, достаточно того, что есть «нечто», что оно «новое» и «волнующее».

Возможно, такова понятная реакция на исключительно литературный и утилитарный подход либерализма и реализма к таким сферам, как искусство и религия, которые говорят на языке, мало похожем на прозаический язык науки и бизнеса. Чтобы критиковать их с полным правом, нужно знать их язык и знать, что они пытаются сказать. Одно совершенно очевидно: они пытаются сказать нечто. Вообще все, что делает человек, имеет смысл, и любой художник или мыслитель стремится передать что-то в своем произведении. Если же будет сказано, что произведение не имеет смысла, что в нем есть только желание выразить «дух века сего» или что вообще нет никакого желания что-либо передавать, то это-то и будет иметь смысл, и весьма зловещий, который не сможет не заметить компетентный критик. К сожалению, задачу критики сегодня отождествляют с задачей апологетики, что весьма показательно. Общепринято мнение, что роль критики заключается только в том, чтобы объяснить непросвещенным массам «новое вдохновение» «творческого гения»¹. Так место активного понимания занимает пассивное «восприятие», а место мастерства занимает «успех», в том смысле, насколько успешно удастся «гению» воплотить свое же собственное намерение.

В соответствии с новыми критериями, Гитлера на определенном этапе также можно было бы отнести к «преуспевающим», покуда «дух века сего» не доказал его неправоты. Авангард и его попутчики-гуманисты ничего не имеют против большевизма, кроме того, что, в отличие от национал-социализма, который был «экспрессионистским» и «волнующим», большевизм прозаичен и реалистичен.

Но, может быть, самым ярким свидетельством того, что гуманизм заражен инфекцией витализма, является его странная аксиома, одновременно романтическая и скептическая, гласящая, что «любовь к истине» никогда не кончается, потому что никогда не может быть удовлетворена, и вся жизнь есть постоянный поиск того, чего нельзя найти, постоянное движение, при котором нет и не должно быть места отдыху. Изощренный гуманист очень красноречиво может описать этот новый основной принцип всех научных академических исследований как осознание «временной» природы всякого знания, как отображение никогда неудовлетворяющегося, вечно любознательного человеческого разума или как часть таинственного процесса «эволюции» или «прогресса», но настоящий смысл данной точки зрения очевиден: она представляет собой последнюю попытку невера спрятать свое отречение от истины за туманом благородной риторики и в то же время подменить искреннюю любовь к истине мелким любопытством. Теперь самое время сказать, что, подобно своему аналогу – похоти, любопытство никогда не кончается и никогда не находит удовлетворения. Но ведь человек был создан для чего-то большего, чем это. Он был создан, чтобы подняться над любопытством и похотью до любви и через любовь достичь истины. Это истина человеческой природы, но, чтобы ее осознать, нужна некоторая простота.

¹ Об этом и сопутствующих темах с цитатами из современной литературы см.: *Graham Hough. Reflections on a Literary Revolution.* – Washington: The Catholic University of America Press, 1960. P. 66ff.

Интеллектуальная поверхностность современного гуманизма столь же далека от подобной простоты, сколь далека она от истины.

Привлекательность витализма психологически понятна. Только очень неразвитого и невосприимчивого человека может долгое время удовлетворять мертвая вера либерализма и реализма. Сначала крайние элементы общества – художников, революционеров, лишенные корней массы; затем одного за другим гуманистов – хранителей «цивилизации»; и, наконец, наиболее уважаемые и консервативные слои общества охватывает какое-то внутреннее беспокойство, заставляющее их искать нечто «новое» и «волнующее», но что именно – никто из них точно не знает. Нигилистические пророки, на коих прежде смотрели с презрением, входят в моду, поскольку человечество начинает разделять их беспокойство и предчувствия. Их постепенно включают в гуманистический пантеон и ищут у них откровений и внутреннего видения, которые вывели бы человечество из той бесплодной пустыни, в которую завел его реализм. За тривиальной чувствительностью и эклектизмом, характеризующим современное стремление к «мистицизму» и «духовным ценностям», лежит жажда чего-то более существенного, чем то, что дали или могут дать либерализм и реализм, жажда, которую разные виды витализма способны лишь раздражить, но не утолить. Люди отвергли Сына Божия, Который даже и сейчас хочет жить в них, хочет дать им спасение. Найдя невыносимой ту пустоту, к которой привело это отвержение, они бросились к безумцам и колдунам, лжепророкам и религиозным софистам, ища у них слова жизни. Но это слово, данное с такой готовностью, едва они попытались повторить его, обратилось в их устах в прах.

Реализм, неистово стремясь к истине, уничтожает эту истину; подобно и витализм, ища жизнь, начинает издавать запах смерти. Витализм последнего столетия служит безошибочным симптомом усталости мира, а в его пророках еще сильнее, чем в философах мертвого либерализма и реализма, проявился конец христианской Европы. Витализм есть плод не «свежести» и «жизни», которые с такой безнадежностью ищут его последователи, потому что именно их-то им и не хватает, но, напротив, плод разложения и безверия, представляющий собой предпоследнюю ступень умирающей цивилизации, которую они так ненавидят. Не надо быть защитником либерализма или реализма, против которых выступил витализм, чтобы увидеть, что он «перестарался» и его антиметод, примененный против несомненно существующей болезни, оказался мощной инъекцией того же самого нигилистического состава, который вызвал некогда саму эту болезнь. За витализмом может следовать лишь одна – заключительная ступень, которую предстоит пройти нигилизму: нигилизм разрушения.

4. Нигилизм разрушения

Здесь, наконец, мы встречаемся с нигилизмом практически в «чистом виде», нигилизмом, чья ярость против творения и цивилизации не может быть удовлетворена до тех пор, пока не сведет их к абсолютному ничто. Нигилизм разрушения, как никакая другая форма нигилизма, характерен именно для нашего века. Разрушение существовало в довольно широком масштабе: и прежде, и раньше были люди, «прославившиеся» разрушением, но никогда еще не возникало учения и продуманного замысла разрушения, никогда человеческий разум так себя не коверкал, ища оправдания этому явно сатанинскому делу и пытаясь даже создать программу его исполнения.

Даже у самых сдержанных нигилистов можно было заметить четкие следы проповеди разрушения. Так, реалист Базаров в романе И.С.Тургенева «Отцы и дети» заявлял, что в обществе нет ни одного института, который не следовало бы разрушить. Ницше писал: «Кто хочет творить, должен сначала разрушить, сокрушить общепринятые ценности». Манифест футуристов, находившихся в одинаковой степени близости как с чистым нигилизмом, так и с витализмом, воспевал войну и «разрушающую руку анархиста». Большинство реалистов и

виталистов не скрывали, что их целью является разрушение старого порядка и упразднение абсолютной истины.

Однако в чистом нигилизме то, что некогда было только прологом, становится самоцелью. Следующая фраза Ницше содержит основной принцип всякого нигилизма и оправдание прежде всего нигилизма разрушения: «Нет истины, все дозволено»¹. Однако чрезвычайные последствия этой аксиомы были осознаны еще до Ницше. Макс Штирнер, с которым мы еще встретимся в следующей главе², объявил войну против всякого критерия и всякого принципа, противопоставляя свое «я» всему миру и победно смеясь над «гробом человечества», хотя пока еще он делал это только в теории. Сергей Нечаев осуществил эту теорию на практике, да столь успешно, что до сих пор он представляется неким мифом, если не демоном из глубин самого ада. Его жизнь была исполнена безграничной жестокости и безнравственности, проявляемых для «пользы революции». Он послужил прототипом Петра Верховенского в «Бесах» Достоевского, романе, блестяще отразившем сознание крайнего нигилиста (книга полна представителей этого сознания), что кажется невероятным, что человек, его написавший, не испытал на себе дурмана нигилизма.

Михаил Бакунин, некоторое время находившийся под влиянием Нечаева, но затем увидевший, что последовательная практика нигилизма существенно отличается от его теоретического изложения, еще находясь под этим влиянием, написал «Катехизис революционера»³, леденящую душу апологию нечаевизма, где заявлял: «Наша цель – ужасное, полное, неумолимое и всеобщее разрушение». Такое мироощущение слишком типично для Бакунина, чтобы приписать его сиюминутному увлечению. Он закончил свою «Революцию в Германии», написанную еще до того, как родился Нечаев, следующим знаменитым призывом: «Возложим наше упование на вечный дух, разрушающий и уничтожающий, потому что он есть скрытый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть страсть творческая!» Здесь витализм переплетается со стремлением к разрушению, но в конце концов побеждает последнее. Когда Бакунина спросили, что бы он сделал, если бы новый порядок его фантазий стал реальностью, он честно ответил: «Тогда я стал бы разрушать все, что создал»⁴.

Именно в духе Нечаева и «Катехизиса революционера» нигилистические убийцы – в ту пору их называли «анархистами», но у нас этот термин имеет несколько иное, более положительное значение – с их «пропагандой действием» терроризировали правящие классы, да и не только их, в Европе, а особенно в России последней четверти XIX века. В том же духе Ленин, восхищавшийся Нечаевым, начал свое жестокое правление, этот первый в Европе удавшийся опыт абсолютно беспринципной политики. Страсть к насилию, оторванная от революции, которая ее рационализировала, вовлекла Европу в 1914 году в первую из ее нигилистических войн и одновременно в другой области, в дадаистском искусстве, провозгласила: «Сметем все», «пусть не останется ничего, ничего, ничего». Однако только Гитлер со всей полнотой раскрыл природу и цели чистой «революции нигилизма», революции, сведенной к нигилистической альтернативе: *Weltmacht oder Niedergang* – мировое господство или тотальное разрушение; революции, чей лидер мог ликовать – даже еще не придя к власти, – как ликовал бы Штирнер, говоря: «Нас можно уничтожить, но тогда мы унесем с собой целый мир – мир в огне»⁵.

Это, конечно, крайние проявления, и их соответствующим образом и следует рассматривать: лишь немногие были способны на такой «чистый» нигилизм, и они не

¹ Цитируется в *Karl Jaspers. Nietzsche and Christianity*. – Henry Regnery Company, 1961 (Gateway Edition). P. 83. На рус. яз. см.: Карл Ясперс. Ницше и христианство. – М., 1994.

² Эту главу книги «Царство человеческое и Царство Божие» предполагалось посвятить анархизму.

³ «Катехизис революционера» написан и отпечатан летом 1869 г. в Женеве. В «Катехизисе» впервые в русской истории была сформулирована программа широкомасштабной террористической деятельности.

⁴ Цитируется в *E.H. Carr. Michael Bakunin*. – London: Macmillan, 1937. P. 440.

⁵ Цитируется в *Rauschning*. Op. cit. P. 5.

принадлежат к основному течению современной истории, но скорее – к ее побочным явлениям и подвергаются осуждению со стороны других, не столь крайних нигилистов. Впрочем, их пример все равно представляется поучительным, и было бы ошибкой отказываться от него лишь как от преувеличения или пародии. Далее мы убедимся, что разрушение является неотъемлемой частью программы нигилизма и наиболее четко выражает то преклонение перед ничем, которое составляет основу нигилистического «богословия». Нигилизм разрушения – не преувеличение, но наиболее полное воплощение глубочайшей задачи всего нигилизма в целом. В нем нигилизм принимает самую ужасную, но самую истинную свою форму, в нем ничто снимает с себя все маски и предстает во всей своей наготе.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский уподоблял душу человека глазу, который поражен грехом и не способен видеть духовное солнце¹. Тем же образом можно воспользоваться, характеризуя развитие нигилистической болезни, которая есть не что иное, как изощренная маска греха. Каждый православный знает, что у падшей человеческой природы духовное зрение очень нездоровое. В этой жизни мы видим все очень неясно, и только вера и благодать Божия смогут исцелить нас, так чтобы в будущей жизни нам видеть уже ясно. Первая ступень нигилизма, а именно либерализм, происходит от того, что больной глаз ошибочно принимается за здоровый, а та нечеткая картина, которую дает ослабленное зрение, за истинное видение мира; от помощи же врача духовного, то есть Церкви, либерализм отказывается, так как «здоровому» она не нужна. На второй ступени – реализм – болезнь, которую не лечат, начинает развиваться, видение сужается, дальние предметы, и прежде воспринимавшиеся «естественным» ослабленным зрением весьма туманно, становятся полностью невидимыми. Только ближние предметы видны более или менее четко, и больному начинает казаться, что остальных предметов просто не существует. На третьей ступени – витализм – инфекция приводит к воспалению; теперь даже близкие предметы видны слабо и искажены, начинаются галлюцинации. На четвертой ступени – нигилизм разрушения – наступает полная слепота, болезнь распространяется на весь организм, следует агония, затем конвульсии и смерть.

III. Богословие и дух нигилизма

1. Бунт: война против Бога

До сих пор мы в нашем исследовании занимались определением и описанием. Если нам это удалось, то теперь у нас есть понятие о нигилистическом сознании, его происхождении и широте распространения. Однако то была лишь подготовительная работа к выполнению той задачи, к которой мы должны будем сейчас перейти, а именно: к изучению глубинного смысла нигилизма. До настоящего момента наше исследование носило характер исторический, психологический, философский; революция же, как мы видели в предыдущей главе², имеет прежде всего «богословское» и «духовное» основание, даже если ее «богословие» извращенное, а «духовность» сатанинская. В лице революции православный христианин встречает грозного врага, такого, с которым надо бороться в полную силу, применяя самое лучшее оружие, какое только есть. Пришло время поразить нигилизм в самое сердце, найти его богословские источники, духовные корни, определить его основную программу и роль в христианском богословии истории.

Конечно, у большинства нигилистов нигилистическая доктрина не выражена явно. Если до сих пор нам приходилось вскрывать то, что имеет место, но не очевидно и даже самими

¹ Моя жизнь во Христе. – Jordanville. New York: Holy Trinity Monastery, 1957. Vol. I. P. 178. См. также: Моя жизнь во Христе. – М.: PS, 1990. С. 59.

² Предыдущая глава должна была быть: «Приближение "нового порядка": революция современной эпохи».

нигилистами вводилось непреднамеренно, то теперь, когда мы, опираясь на имеющуюся нигилистическую литературу, попробуем составить более полное представление о нигилистической доктрине, многие наши выводы могут оказаться слишком смелыми. В выполнении этой задачи нам, однако, очень помогут последовательные нигилисты, типа Ницше, четко и ясно формулировавшие то, что другие только предполагали или старались завуалировать, а также те, кто внимательнейшим образом изучал нигилизм, как, например, Достоевский, который видел, что находится в самом сердце нигилизма, и умел срывать все его маски.

Ни у кого нигилистическое откровение не было столь ясно выражено, как у Ницше. Мы уже познакомились с философской формой этого откровения в его фразе «нет истины». Его альтернативой, выраженной в богословском плане, является постоянная тема Ницше – «пророк» Заратустра, а в более ранних его сочинениях – иступленный вопль безумца: «Бог умер»¹. В этих словах есть некоторая правда; конечно, она состоит не в правдивом отражении природы вещей, но в правдивом отображении состояния современного человека. Эти слова образно выражают тот факт, который не станет отрицать ни один христианин.

Выражение «смерть Бога» означает, что Бог умер... в сердцах современных людей. Это произошло как с атеистами и сатанистами, которые сему весьма рады, так и с миллионами простых людей, у которых исчезло ощущение духовной реальности. Человек потерял веру в Бога и Божественную истину, которая когда-то поддерживала его. Отступничество от Бога в пользу обмирщенности, характерное для нынешнего века с самого его начала, в Ницше начинает само осознавать себя как существующее и находит слова для самовыражения. «Бог умер» – то есть «мы потеряли веру в Бога», «нет истины», то есть «мы перестали быть уверенными во всем Божественном и абсолютном». Гораздо глубже, чем тот субъективный факт, который выражает нигилистическое откровение, лежит желание пойти еще дальше, чем просто принять этот факт, и даже имеется план, как это сделать. Заратустра – «пророк», его слова явно предназначены для того, чтобы стать революцией, направленной против христианского Откровения. Для тех, кто принимает это новое откровение, то есть чувствует, что оно выражает его исповедание или живет согласно этому, открывается совершенно новая духовная вселенная, в которой Бог больше не существует, в которой, что еще важнее, люди и не хотят, чтобы Он существовал. Безумец Ницше знает, что люди «убили» Бога, убили свою веру.

Значит, совершенно ошибочно считать современного нигилиста, в каком бы облике он ни представал, агностиком. «Смерть Бога» постигла его не как космическая катастрофа, нет, он сам желал ее, и если и не прямо, то косвенно все равно ускорял ее, предпочитая истинному Богу иные ценности. Заметим, что нигилист не является на самом деле атеистом. Вообще сомнительно, чтобы существовала такая вещь, как атеизм, потому что истинного Бога всегда отрицают только для того, чтобы посвятить себя служению какому-либо иному, ложному богу. Атеизм, который возможен для философа, – хотя это, конечно, плохая философия – невозможен для всего человечества в целом. Это достаточно хорошо понимал анархист Прудон², а потому называл себя не атеистом, а антатеистом³. «Революция не атеистична в точном смысле слова, она не отрицает абсолют, она его упраздняет...»⁴ «Первейшая обязанность человека, ставшего разумным и свободным, постоянно вытеснять идею Бога из своего разума и совести... Потому что Бог, если Он существует, абсолютно враждебен нашей природе... Каждый шаг вперед – это победа, сокрушающая Божественное»⁵. Нужно заставить человечество увидеть, что «Бог, если Он есть, является его

¹ The Joyful Wisdom, № 125.

² Пьер Жозеф Прудон (1809-1865) - французский социалист, теоретик анархизма. Деятель французской революции 1848 года.

³ См., напр.: Justice (cf. *De Lubac*. Proudhon. P. 271).

⁴ Justice, III, 179. (Quoted *De Lubac*. P. 270).

⁵ System of Economical Contradictions or The Philosophy of Misery. – Boston, 1888. Vol. I. P. 448.

врагом»¹. Тому же учит и Альбер Камю², когда возводит «бунт» (а не безверие) в первый принцип. Бакунин также не удовлетворялся одним отрицанием существования Бога. «Если бы Бог действительно существовал, – считал он, – Его нужно было бы отменить»³. Еще более очевидно, что большевистский атеизм нашего века является войной не на жизнь, а на смерть против Бога и всех Его дел.

Революционный нигилизм выступает против Бога прямо и откровенно, но и философский, и экзистенциальный нигилизм, хотя это не всегда так очевидно, столь же антитеистичен, ибо строится на убеждении, что современная жизнь может далее продолжаться и без Бога. Полчище врагов Божиих составляют не только немногие активисты, марширующие в первых рядах, но и пассивная масса, находящаяся в тылу. Еще важнее понять, что ряды антитеизма пополняются не только за счет активных или пассивных атеистов, но и за счет многих из тех, кто считает себя «религиозным» и кто поклоняется какому-нибудь «богу». Так, Робеспьер установил культ «высшего существа», а Гитлер признавал существование «высшей силы», «бога в человеке»; нечто подобное этому «богу» Гитлера мы найдем и во всех формах нигилистического витализма. В войне против Бога используются различные уловки, например употребление имени Божиего или даже имени Христа. Но является ли нигилизм откровенно атеистическим или агностичным или принимает форму поклонения какому-нибудь новому богу, он всегда объявляет войну истинному Богу.

Формальный атеизм – философия безумца, если можно так перефразировать слова псалмопевца: «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Пс. 13, 1); антитеизм же представляет собой более глубокую болезнь. Конечно, литература антитеизма столь же полна несообразностей и противоречий, сколь и формально атеистическая литература, но если последняя ошибается в силу своего младенчества – так человек, умудренный в какой-нибудь науке, вполне может быть младенцем в богословии и духовной жизни – и нечувствительности к духовным реалиям, то первая обязана всеми своими искажениями глубоко коренящейся в ней страсти, которая, признавая эти реалии, желает уничтожить их. Нетрудно объяснить и отразить мелкие доводы Бертрана Рассела⁴, хотя даже его атеизм – это, конечно, лишь одна из форм антитеизма, они не представляют опасности для веры. Иное дело – глубокая и решительная атака Прудона, она рождена не хладнокровной софистикой, но пылкой ревностью.

Здесь нам следует честно посмотреть в лицо тому, о чем мы раньше уже упоминали, но подробно пока не рассматривали: нигилизм одушевляется верой, духовной по происхождению и по-своему не менее сильной, чем вера христианская, которую он стремится уничтожить и вытеснить, иначе ничем нельзя объяснить его успех, а также свойственные ему преувеличения.

Мы убедились, что христианская вера представляет собой духовный контекст, в котором вопросы о Боге, истине и власти становятся значимыми, ведут к согласию. Подобно и нигилистическая вера есть некий контекст, определенный дух, пронизывающий все нигилистическое учение, придающий ему смысл и силу. Успех нигилизма в наше время определяется и зависит от широты распространения этого духа: его доводы представляются убедительными не в силу того, что они истинны, но по мере того, как дух этот успевает овладеть людьми и подготовить их к их приятию. Какова же тогда природа нигилистической веры? Она прямо противоположна вере христианской, и потому ее нельзя по-настоящему и назвать верой. В то время как христианская вера радостна, уверенна, искренна, любяща,

¹ Ibid. P. 468.

² Альбер Камю (1913–1960) – французский писатель, публицист и философ-экзистенциалист. В его пьесах и философских трудах – поиски мировоззренческой опоры в лишенном Бога мире.

³ God and the State. – London, 1910. P. 16.

⁴ Бертран Рассел (1872–1970) – английский философ, логик, математик, социолог, общественный деятель. Основоположник английского неореализма и неопозитивизма. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

смирена, терпелива, покорна во всем воле Божией, ее нигилистическая противница полна сомнений, подозрений, отвращения, зависти, ревности, гордости, нетерпимости, бунтарства, хулы – в каждой конкретной личности преобладает одно или два из этих качеств. Для нее характерна неудовлетворенность собой, миром, обществом, Богом, она знает только одно: она не примет ничего, как оно есть, но все свои силы посвятит тому, чтобы все изменить или ото всего убежать. Бакунин весьма точно назвал это «чувством бунтарства, сатанинской гордыни, с презрением отвергающей подчинение любому господину, будь он божественного или земного происхождения»¹.

Нигилистический бунт, как и христианская вера, есть от начала до конца отношение духовное, происходящее из себя самого и черпающее силу в себе самом, и, конечно, в сверхъестественном «организаторе» этого бунта. Мы не сможем понять природу и успех нигилистического бунта, а также существование таких его последовательных представителей, как Ленин или Гитлер, если попытаемся найти его источник вне сатанинского стремления к отрицанию и бунту. Конечно, большинство нигилистов воспринимают это стремление как нечто положительное, как источник независимости и свободы, но уже сам язык, который такие люди, как Бакунин, используют для выражения своих идей, указывает тому, кто готов это увидеть, на более глубокий смысл, стоящий за их словами.

Таким образом, нигилистическое отрицание христианской веры и установлений представляет собой не столько результат потери веры в них и их Божественное происхождение – хотя доля подобного скептицизма присутствует во всякой разновидности нигилизма, – сколько бунт против власти, которую они представляют, и послушания, которого они требуют. Тема *non serviam* красной нитью проходит через гуманистическую, социалистическую и анархическую литературу XIX века: Бог Отец со всеми Его установлениями и служителями должен быть свергнут и сокрушен, а человек должен победно воссесть на Его Престоле и сам всем управлять. Своим непрекращающимся влиянием эта довольно посредственная по интеллектуальному уровню литература обязана «справедливому» возмущению против «несправедливостей» и «тирании» Бога Отца и Его земных представителей, то есть исключительно своей страстности, а не истинности. Этот бунт, эту мессианскую ревность, вдохновляющую крупнейших революционеров и являющуюся верой наоборот, волнует не столько уничтожение философского и богословского основания старого порядка – эту задачу можно оставить для менее ревностных душ, – сколько уничтожение ее соперницы – веры, которая дала жизнь этому порядку. Учения и установления можно перетолковать, выхолостив из них христианское содержание и наполнив их новым, нигилистическим содержанием. И только христианскую веру, душу этих учений и установлений, которая единственная способна заметить это перетолкование и должным образом ему противостоять, следует уничтожить целиком и полностью, тогда и она сможет быть перетолкована. Если нигилизм хочет победить, то он должен сделать это с практической точки зрения. Однако еще более необходимо, чтобы он это сделал с психологической и духовной точки зрения, так как нигилистический бунт смутно ощущает, что истина обретается в православной вере, и его ревность и нечистая совесть не дадут ему покоя, пока полное упразднение истины не оправдает его позиции и не «докажет» его «правды». Эта психология в минимальном масштабе есть психология христианского отступника, а в максимальном – большевизма. Нельзя найти разумного объяснения последовательной большевистской кампании по искоренению христианской веры, продолжающейся даже тогда, когда последняя перестала представлять какую-либо опасность для атеистического государства. Эта кампания является неотъемлемой частью жестокой схватки не на жизнь, а на смерть с единственной силой, способной противостоять большевизму и разоблачить его. Нигилизм остается побежденным, пока православная вера

¹ *Maximoff*. Op. cit. P. 380.

сохраняется хотя бы в одном человеке, потому что этот человек будет живым примером истины, которая покажет всю тщету самых выдающихся мировых достижений, на какие только способен нигилизм, и в этом человеке опровергнуты будут все доводы против Бога и Царствия Небесного. Ум человека податлив, его можно заставить поверить во все, к чему склоняется его воля. В атмосфере, пронизанной нигилистической ревностью, до сих пор существующей в Советском Союзе, самые убедительные доводы не могут заставить поверить в Бога, бессмертие, в христианскую веру, но одно существование верующего, даже в такой обстановке, может сказать сердцу человека очень многое и на его примере показать: что невозможно миру, что невероятно для лучших человеческих намерений, возможно Богу и вере.

Нигилистический бунт – это борьба против Бога и истины, что осознают, однако, лишь очень немногие из нигилистов. Откровенный богословский и философский нигилизм можно найти лишь у некоторых, для большинства же нигилистов бунт принимает форму борьбы против богоустановленной власти. Многие из тех, чье отношение к Богу и истине как бы не совсем ясно, вполне четко проявляют свой нигилизм в отношении – по словам Бакунина – к «проклятому и роковому принципу власти»¹.

Таким образом, нигилистическое откровение провозглашает немедленное уничтожение власти. Некоторые из апологетов нигилизма любят в качестве оправдания бунта против старого порядка говорить о его «несправедливостях» и «разложении», но все эти недостатки, существование которых никто и не собирается отрицать, часто служат лишь предлогом и никогда причиной нигилистических вспышек. Нигилисты нападают на саму власть. В политической и социальной структуре нигилизм выражается как революция, стремящаяся не просто к смене правительства или проведению более или менее широкой реформы существующего строя, но к принятию совершенно новой концепции цели и средств управления. В области религии нигилизм направлен не просто на реформу Церкви и даже не на основание новой церкви или религии, но на полное изменение самой идеи религии и духовного опыта. В искусстве и литературе нигилиста интересует не просто изменение старых эстетических канонов содержания и стиля или развитие новых жанров и традиций, но абсолютно новый подход к вопросу о художественном творчестве и новое определение самого искусства.

Нигилизм направлен против первейших принципов всех этих сфер и структур, а отнюдь не против ошибочного их применения. Беспорядок, столь очевидно проявляющийся в политике, религии, искусстве и других областях, представляет собой результат намеренного и последовательного отвержения власти как их основания. Беспорядочная политика и нравственность, беспорядочное художественное выражение, безразличный «религиозный опыт» – все это прямое последствие приложения отношения бунтарства к этим некогда стабильным сферам.

Нигилистический бунт так глубоко проник во все фибры нашего века, что сопротивление ему совсем ослабло и не приносит плода, популярная философия и «серьезная мысль» отдали все свои силы его апологии. Так, Камю видит в бунте единственную самоочевидную истину, оставшуюся сегодняшним людям, единственное верование, возможное для тех, кто больше не верит в Бога. Его философия бунта представляет собой мастерское выражение духа века сего, но вряд ли она может быть принята за что-либо более серьезное. Мыслители эпох Возрождения и Просвещения не меньше, чем сегодня Камю, заботились о том, чтобы прожить без богословия и основанием всего своего знания иметь «природу», «естество». Но если сегодня предполагается, что «естественному человеку» надо знать только «бунт», то почему же «естественный человек» эпохи Возрождения или Просвещения знал, кажется, гораздо больше и считал себя существом более благородным? На это обычно отвечают так: «Слишком многое они принимали как должное и жили за счет христианского капитала, не

¹ Ibid. P. 253.

осознавая того. Сегодня мы банкроты и хорошо это понимаем». Словом, современный человек лишился иллюзий. Однако, строго говоря, нельзя разочароваться в иллюзии: если даже люди отпали не от иллюзии, а от истины, – как и обстоит дело в действительности, – то для объяснения их сегодняшнего состояния надо искать более глубокую причину. То, что Камю считает «бунтаря» «естественным человеком», а все, что не является «бунтом», – «абсурдным», означает только одно: его так хорошо научили в школе нигилизма, что он стал принимать борьбу против Бога за «естественное» состояние человека.

Вот к какому состоянию низвел человека нигилизм. До современной эпохи жизнь человека в основном определялась добродетелями послушания, покорности и уважения к Богу, Церкви, законной власти. Для современного человека, «просвещенного» нигилизмом, подобный старый порядок не более чем «жуткое воспоминание темного прошлого, от которого человек освободился», а современная история – это хроника падения всякого авторитета. Старый порядок свергнут, и хотя ненадежная стабильность еще как-то поддерживается в наш век постоянного изменения, «новый порядок» уже готовится, и век «бунта» при дверях.

Нигилистические режимы нашего времени дали возможность предошутить вкус этого века, его дальнейшим предзнаменованием служит ширящееся бунтарство наших дней. Где нет истины, там будут править бунтари. Но, как писал Достоевский, столь глубоко проникший в нигилистическое сознание, «воля ближе всего к ничто, самые уверенные ближе всего к самым нигилистичным»¹. Слепая воля стоит между бездной и тем, кто отверг истину и всякую власть, основанную на ней, и эта воля, какими бы эффектными ни были ее достижения в краткое мгновение ее власти (до сих пор самыми впечатляющими из них были режимы Гитлера и большевизма), неизбежно притягивается к бездне, как к огромному магниту, ища в себе самой другой магнит, отвечающий на это притяжение. В этой бездне, в этом ничто человека, живущего без истины, находится самое сердце нигилизма.

2. Поклонение ничто

«Ничто» в том смысле, в каком понимают его современные нигилисты, свойственно исключительно христианской традиции. «Небытие» различных восточных традиций – это совсем иная, «позитивная» концепция; самое близкое, что можно найти у них к идее *nihil*, – это их туманное представление о первобытном «хаосе». Только Своему избранному народу Бог открыл всю полноту истины, объясняющей начало и конец всех вещей, с другими же народами Он говорил лишь неопределенно и опосредованно.

Поэтому для других народов, как и для не имеющего помощи свыше разума, из всех христианских доктрин самая трудная для понимания – учение о *creatio ex nihilo*: Бог создал мир не из Себя Самого, не из чего-то уже существовавшего или из первобытного хаоса, но из ничего. Ни одна другая доктрина не утверждает ясно всемогущества Бога. Чудо никогда не тускнеющего творения Божия состоит именно в том, что оно было вызвано в бытие из абсолютного небытия.

Можно спросить: какое же отношение имеет нигилизм к этой доктрине? Ответ будет: отношение отрицания. «Что такое нигилизм? – пишет Ницше в той части "Воли к власти", которую мы уже цитировали выше. – Это когда высшие ценности теряют свою цену. Цели нет. Нет ответа на вопрос "почему?"»² Словом, самим своим существованием нигилизм обязан отрицанию христианской истины, он считает мир «абсурдным» не под влиянием бесстрастного изучения этого вопроса, но в силу своей неспособности или нежелания поверить в его христианское значение. Только тот, кто когда-то раньше думал, что знает ответ на вопрос «почему», может так сильно разочароваться, обнаружив, что этого ответа вовсе не было.

¹ Цитируется в Robert Payne. Zero. – New York: The John Day Company, 1950. P. 53.

² The Will to Power. P. 8. / Воля к власти. – М.: Культурная революция, 2005. С. 31.

Однако если бы христианство было просто одной из многих религий или философий, его отрицание не представлялось бы таким важным. Жозеф де Местр, метко критиковавший французскую революцию (хотя на его позитивные идеи, может быть, и нельзя положиться), четко определил, в чем здесь суть, еще в то время, когда нигилизм не имел столь очевидных проявлений, как сегодня.

«В мире всегда существовали какие-то формы религии и нечестивцы, которые им противостояли. Нечестие всегда было преступлением. Но только в лоне истинной религии возможно настоящее нечестие... Никогда прежде нечестие не рождало такого зла, как в наши дни, потому что вина его всегда пропорциональна степени просвещения, которое его окружает... Хотя нечестивцы существовали всегда, никогда до XVIII столетия не было в самом сердце христианства восстания против Бога»¹.

Ни одна религия не утверждает так много и с такой силой, как Православие, потому что его голос – голос Бога, его истина абсолютна, и ни у одной религии нет такого радикального и бескомпромиссного противника, как нигилизм, потому что нельзя противостоять Православию, не вступая в борьбу с Самим Богом.

Чтобы бороться против Того Самого Бога, Который сотворил человека, нужна определенная слепота и иллюзия силы, но нигилист не настолько слеп, чтобы не прочувствовать, хотя бы неявно, глобальных последствий своих действий. Безымянное «беспокойство», свойственное сегодня столь многим, выдает в них пассивное участие в деле антитеизма, все громче звучит голос «бездны», развертывающейся в сердце человека. Это «беспокойство» и эта «бездна» есть то самое ничто, из которого Бог воззвал человека к жизни и в которое человек впадает, если отрицает Бога, а как следствие – свое собственное сотворение и само свое существование.

Страх «выпадения из бытия» – самый распространенный вид нигилизма сегодня. Он красной нитью проходит в искусстве и превалирует в «абсурдистской» философии. Однако за все бедствия нашего века ответствен скорее более сознательный нигилизм – нигилизм явного антитеизма.

У человека, зараженного этим нигилизмом, чувство падения в бездну ведет не к пассивному беспокойству или отчаянию, но преобразуется в неистовую сатанинскую энергию, побуждающую его набрасываться на все творение, пытаясь увлечь его с собой в бездну. Однако в конце концов все эти прудоны, бакунины, ленины, гитлеры, как бы велико ни было их временное влияние и успех, должны потерпеть поражение и вынуждены, даже помимо своей воли, свидетельствовать об истине, которую они хотели уничтожить. Потому что их попытка «нигилизировать» творение, свести на нет Божий труд по творению мира, вернув мир к тому ничто, из которого он вышел, есть не более как перевернутая пародия на само творение Божие², а они сами, как и их отец – диавол, всего лишь ничтожные обезьяны Бога, своими потугами лишь подтверждающие существование Бога, Которого они пытаются отрицать, и своим поражением свидетельствующие о Его силе и славе.

Мы уже не раз говорили, что ни один человек не живет без Бога; тогда кто или что есть бог нигилиста? Его бог, nihil, само ничто в чистом виде, не ничто отсутствия или небытия, но ничто отступничества и отрицания, «труп» «мертвого Бога», давящий на его (нигилиста) плечи. От Самого Бога, столь реального, столь явно присутствующего во всех православных христианах, нельзя избавиться за одну ночь, у «монарха» с такой безграничной властью не может быть прямого последователя. Таким образом, в настоящий момент духовной истории человечества – момент, как всеми признано, кризиса и непостоянства – в центре человеческой веры стоит «мертвый Бог», полная пустота. Нигилист хочет, чтобы мир, вращавшийся раньше вокруг Бога, вращался теперь вокруг ничто.

¹ *Joseph de Maistre. On God and Society (Essay on the Generative Principle of Political Constitutions and other Human Institutions).* – Henry Regnery Company (Gateway Edition), 1959. P. 84-86.

² *Joseph Pieper. The End of Time.* P. 58. На рус. яз. см.: *Джозеф Пайпер. Конец времени.*

Может ли это быть? Можно ли построить какой-либо порядок на ничто? Конечно, нет. Это самоотрицание, самоубийство. Но не будем искать у современных мыслителей последовательности и целостности. Вот до какого положения дошла современная мысль и ее революция в наше время. Даже если это положение просуществует лишь миг, если оно достигнуто только для того, чтобы его вскоре сменило нечто иное, все равно его реальность нельзя отрицать. Сегодня есть много признаков (которые мы рассмотрим в свое время) того, что с конца Второй мировой войны мир стал выходить из «века нигилизма» и двигаться к какому-то «новому веку», однако в любом случае, если этот «новый век» и наступит, он будет не преодолением нигилизма, но его углублением. Революция открывает свое истинное лицо в нигилизме; без покаяния (а его и не было) то, что наступает далее, будет лишь еще одной маской, скрывающей все то же лицо. Открыто ли, в явном антитеизме большевизма, фашизма, нацизма, или скрыто, в культе безразличия и отчаяния, «абсурдизме» или «экзистенциализме», – современный человек определенно проявляет свою решимость жить дальше без Бога – то есть в пустоте, в ничто. До наступления нашего века благонамеренные люди могли еще обманываться, считая, что либерализм и гуманизм, наука и прогресс, даже сама революция и весь путь современной мысли представляют собой нечто позитивное, в некотором смысле имеют Бога своим союзником. Сегодня же совершенно очевидно, что у революции и Бога нет ничего общего, в последовательной современной философии вообще нет места Богу. Вся последующая современная мысль, чем бы она ни прикрывалась, должна предполагать это, должна строиться на пустоте, оставшейся после «смерти Бога». Революция не может быть завершена, пока из сердец людей не будет искоренен последний признак веры в Бога и пока все до единого не научатся жить в этой пустоте.

От веры происходит целостность. Мир веры, который был некогда нормальным миром, абсолютно целостен, потому что все в нем ориентировано на Бога как на его начало и конец и в этой ориентации обретает свое значение. Нигилистический бунт, разрушая тот мир, вдохновил новый мир – мир абсурда. Это слово, ставшее в наше время столь модным, которым часто пользуются для описания состояния современного человека, имеет очень глубокое значение. Ведь если центром мира служит ничто, тогда этот мир и по содержанию, и в каждой своей отдельной черте нецелостен, он распадается, он абсурден. Никто не смог описать этот мир лучше Ницше, его «пророка», который сделал это очень четко и сжато, поместив свое описание там же, где он провозгласил свой первый принцип «смерти Бога»:

«Мы Его (Бога) убили, вы и я! Мы все Его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы будто в бесконечном ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь?»¹

Такова вселенная нигилиста, в которой нет ни верха, ни низа, нет ни правого, ни ошибочного, нет ни истинного, ни ложного, потому что в ней нет никакого ориентира. Там, где некогда был Бог, теперь есть только ничто; там, где была власть, порядок, уверенность, вера, теперь анархия, смятение, беспринципные, неоправданные действия, сомнение и отчаяние. Эту вселенную живо описал швейцарский католический автор Макс Пикард как мир «бегства Бога» или как мир «прерывистости» и «разорванности»².

Ничто, отсутствие целостности, антитеизм, ненависть к истине, все, о чем шла речь на этих страницах, – это не просто философия и даже не просто бунт человека против Бога, Которому он более не служит. За всеми этими явлениями серьезный смысл: на том тонком

¹ The Joyful Wisdom. № 125 / Веселая наука.

² Max Picard. Flight from God. – Henry Regnery Company, 1951; Hitler in Our Selves. – Henry Regnery Company, 1947.

уровне, где оба, и философ, и революционер, служат, а не управляют, мы имеем дело с работой дьявола.

Многие нигилисты не только не оспаривают этот факт, но и гордятся им. Бакунин считал, что стоит на стороне «сатаны, вечного бунтаря, первого вольнодумца и освободителя миров»¹. Ницше объявил себя «антихристом». Почти все поэты, декаденты, авангардисты, начиная с эпохи романтизма, буквально заморожены сатанизмом, некоторые даже попытались сделать его своей религией. Вот в каких словах Прудон призывает дьявола:

«Приди ко мне, Люцифер, сатана, кто бы ты ни был. Дьявол, которого вера моих отцов противопоставляла Богу и Церкви. Я стану твоим представителем и ничего от тебя не потребую»².

Что может думать о таких словах православный христианин? Апологеты нигилизма обычно расценивают подобные заявления как фантазии, преувеличения, смелые метафоры, выражающие, может быть, «детский», но «бунт». Нужно признать, что в подобных выражениях большинства современных «сатанистов» есть некая юношеская черта: те, кто так легко призывает дьявола и провозглашает власть антихриста, не осознают всей силы своих слов, очень немногие произносят их с тем, чтобы их восприняли серьезно. Эта наивная бравада, однако, вскрывает более глубокую правду. Нигилистическая революция восстает на власть и порядок, против истины, против Бога, а для этого она должна быть на стороне дьявола. Нигилист, не верящий ни в Бога, ни в дьявола, думает, что поступает весьма остроумно, когда, борясь против Бога, защищает его древнего врага. И хотя ему кажется, что он только играет словами, на самом деле он говорит правду.

Де Местр, а позже Доносо Кортес, писавший в те дни, когда Римская Церковь гораздо лучше, чем сейчас, понимала значение революции и умела твердо ей противостоять, называл революцию сатанинским проявлением, на что сегодня историки лишь усмеваются. Меньше усмешек, однако, можно увидеть, когда ту же фразу относят к национал-социализму и большевизму, а некоторые, быть может, даже начинают подозревать, что существуют иные силы и причины, скрывшиеся от их просвещенного взора.

IV. Нигилистическая программа

Война против Бога, логически проистекающая из провозглашения царствования ничто, означającego торжество раздробленности и абсурдности, весь этот замысел, возглавляемый дьяволом, – вот в чем кратко состоит богословие и содержание нигилизма. Однако человек не может жить столь грубым отрицанием. В отличие от дьявола он даже не может желать его самого по себе, но желает его, ошибочно принимая его за нечто положительное и доброе. В действительности ни один нигилист – за исключением разве моментов наивысшего подъема, безумия или, может быть, отчаяния – не видел в этом отрицании ничего, кроме средства к достижению высшей цели, то есть нигилизм преследует свои сатанинские цели посредством позитивной программы. Наиболее склонные к насилию революционеры – Нечаев и Бакунин, Ленин и Гитлер и даже обезумевшие практики «пропаганды действием» – мечтали о «новом порядке», который сделает возможным их насильственное разрушение старого порядка. Дадаизм и «антилитература» ищут не полного уничтожения искусства, но пути к «новому» искусству; пассивный нигилист со своими «экзистенциалистскими» апатией и отчаянием продолжает жить только потому, что смутно надеется найти себе некое глобальное удовлетворение в мире, который, казалось бы, отрицает эту возможность.

Таким образом, нигилистическая мечта «позитивна» по своему направлению. Но истина требует, чтобы мы рассматривали ее в соответствующей перспективе: не сквозь розовые очки нигилиста, но с реалистической позиции, которую нам обеспечивает близкое знакомство нынешнего века с явлением нигилизма. Вооружившись знаниями, которые дает

¹ God and the State. P. 2.

² Idee generale de la revolution; и Justice, III. P. 433-434 (*De Lubac*, 173).

это знакомство, и христианской истиной, позволяющей правильно их расценить, попытаемся посмотреть, что скрывается за фасадом нигилистических фраз.

В такой перспективе те фразы, которые представляются нигилисту целиком и полностью «позитивными», предстают перед православным христианином в ином свете, как положения программы, кардинально отличной от той, которую излагают апологеты нигилизма.

1. Разрушение старого порядка

Первое и наиболее очевидное положение программы нигилизма – это разрушение старого порядка. Старый порядок был почвой, питавшейся христианской истиной; туда, в эту почву, уходили корни человечества. На этой истине были основаны все его законы и установления и даже обычаи, они должны были учить ей: его здания строились во славу Божию и служили очевидным знаменем Его порядка на земле; даже в общем «примитивные», но естественные жизненные условия служили (хотя, конечно, ненамеренно) напоминанием о смиренном положении человека, о его зависимости от Бога в тех немногих земных благословениях, которыми он был наделен, о том, что его истинный дом находится там, далеко, за «долиной слез», в Царствии Небесном. Поэтому, чтобы война против Бога и истины была успешной, требуется разрушение всех элементов этого старого порядка, именно тут вступает в силу особая нигилистическая «добродетель» насилия.

Насилие представляет собой уже не один из побочных аспектов нигилистической революции, но часть ее содержания. Согласно марксистской «догме», «сила – повивальная бабка любого старого общества, беременного новым»¹. Революционная литература изобилует призывами к насилию, даже некоторым экстазом перед перспективой его применения. Бакунин будил «дурные страсти» и призывал к высвобождению «народной анархии»² в процессе «всеобщего разрушения», его «Катехизис революционера» – это азбука безжалостного насилия. Маркс ревностно защищал «революционный террор» как единственное средство для ускорения прихода коммунизма³, Ленин описывал «диктатуру пролетариата» как «господство, не ограниченное законом и основанное на насилии»⁴.

Демагогическое возбуждение масс и использование низменных страстей издавна и по сию пору являются общепринятой нигилистической практикой. В нашем веке дух насилия нашел наиболее полное воплощение в нигилистических режимах большевизма и национал-социализма, именно этим режимам приписывалась главная роль в выполнении нигилистической задачи разрушения старого порядка. Каковы бы ни были их психологические различия и исторические «события», поставившие их в противоборствующие лагеря, в своем безумном стремлении выполнить эту задачу они оказались союзниками. Большевизм сыграл даже более решающую роль, поскольку оправдывал свои чудовищные преступления псевдохристианским, мессианским идеализмом, который вызывал у Гитлера лишь презрение. Роль Гитлера в нигилистической программе была более специфичной и провинциальной, но тем не менее столь же существенной. Даже в провале, вернее, именно в провале его мнимых целей нацизм послужил выполнению этой программы. Помимо тех политических и идеологических преимуществ, которые предоставил

¹ *Karl Marx. Capital.* – Chicago. Charles Kerr and Company, 1906. Vol. 1. P. 824. На рус. яз. см.: *Карл Маркс. Капитал.*

² См. цитаты в *E.H.Carr. Op. cit.* P. 173, 435. *Maximoff. Op. cit.* P. 380-381.

³ О выводах Маркса о насилии см.: *J.E.LeRossignol. From Marx to Stalin.* – New York: Thomas Y.Crowell Company, 1940. P. 321-322.

⁴ «Коммунизм левого крыла» цитируется по кн.: *Stalin. К вопросам ленинизма.* – New York: International Publishers, 1932. P. 47. *Lenin. The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky.* – Little Lenin Library. № 18. P. 19). На рус. яз. см.: *Сталин И.В. К вопросам ленинизма. Ленин В.И. Полн. собр. соч., 3-е изд. С. 441. Ср.: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченное, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». См. также: *Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский.* – М.: Прогресс, 1978.*

коммунистическим властям нацистский «антракт» в европейской истории, – принято ошибочно считать, что коммунизм, хотя и представляет собой зло, но не такое большое, как нацизм, – нацизм выполнил и другую, более очевидную и прямую функцию. Ее пояснил Геббельс¹ в своем выступлении по радио в последние дни войны:

«Ужас бомбежки не щадит ни домов богатых, ни домов бедных, пока не падут окончательно последние классовые барьеры... Вместе с памятниками искусства разлетелись в щепки последние препятствия на пути выполнения нашей революционной задачи. Теперь, когда все в руинах, нам придется перестраивать Европу. В прошлом частная собственность держала нас в буржуазных тисках. Теперь бомбы вместо того, чтобы убить всех европейцев, разнесли лишь тюремные стены, в которых они томились. Пытаясь уничтожить будущее Европы, враг сумел лишь разбить вдребезги ее прошлое, а с ним ушло все старое и отжившее»².

Таким образом, нацизм и его война сделали для Центральной Европы (менее очевидно – для Западной) то, что сделал большевизм для России, – они разрушили старый порядок и расчистили путь для построения «нового». Большевизму несложно было принять эстафету от нацизма, и в течение нескольких лет вся Центральная Европа перешла под власть «диктатуры пролетариата», к которой столь хорошо подготовил ее нацизм.

Нигилизм Гитлера был слишком чистым, несбалансированным и потому сыграл лишь негативную, подготовительную роль во всей нигилистической программе. Его роль, как и чисто негативная роль первого этапа большевизма, теперь завершена, следующий этап принадлежит власти, имеющей более сложное представление о революции в целом, советской власти, которую Гитлер награбил своим достоянием в словах: «Будущее принадлежит только более сильной восточной нации»³.

2. Создание «новой земли»

Однако пока нам не придется иметь дело только с будущим, то есть с целью революции; между революцией разрушения и земным раем лежит еще переходный период, известный в марксистском учении как «диктатура пролетариата». На этом этапе мы можем познакомиться с позитивной, «конструктивной» функцией насилия. Нигилистическая советская власть наиболее безжалостно и систематично стремилась к развитию этого этапа, впрочем, ту же самую работу производили и реалисты свободного мира, вполне преуспевшие в преобразовании и низведении христианской традиции до системы, способствующей развитию прогресса. У советских и западных реалистов один и тот же идеал, только первые стремятся к нему с прямодушным рвением, а вторые спонтанно и sporadически; эта политика не всегда проводится правительством, но всегда им вдохновляется, и опирается она более на индивидуальную инициативу и амбиции. Всюду реалисты ищут тотально «новый порядок», построенный исключительно на человеке, освобожденном от ига Божественного, и зиждущийся на руинах старого порядка, чье основание было Божественным. Вольно или невольно – революция нигилизма принимается, и трудом деятелей всех областей по обе стороны «железного занавеса» поднимается новое, чисто человеческое царство. Его апологеты видят в нем неслыханную доселе «новую землю», землю, используемую, направляемую, организованную для блага человека, против истинного Бога.

¹ Пауль Иозеф Геббельс (1897–1945) – доктор философии, был создателем системы пропаганды Германии, добившись на этом поприще блестящих успехов. Перед смертью Гитлер назначил его своим преемником на посту имперского канцлера, и юридически Геббельс занимал этот пост с 30 апреля 1945 года. Вместе с женой покончил жизнь самоубийством, предварительно убив своих шестерых детей.

² См.: *H.R. Trevor-Roper. The Last Days of Hitler.* – New York: The Macmillan Company, 1947. P. 50-51. На рус. яз. см.: *Х.Р.Тревор-Роупер. Последние дни Гитлера / Пер. с англ.* – СПб., 1996.

³ *Ibid.* P. 82.

Нет места, безопасного от посягательств этой империи нигилизма; всюду люди, не зная тому причину или лишь смутно о ней догадываясь, лихорадочно трудятся во имя прогресса. В свободном мире, возможно, их заставляет заниматься такой лихорадочной деятельностью боязнь пустоты, *horror vacui*. Эта деятельность позволяет им забыть тот духовный вакуум, который сопровождает всякую обмирщенность. В коммунистическом же мире до сих пор все еще большую роль играет ненависть к реальным и воображаемым врагам и – главным образом – к Богу, Которого «низвела» с Престола их революция: эта ненависть заставляет их переделывать весь мир вопреки Ему. И в том и в другом случае этот мир без Бога, который пытаются устроить люди, холоден и бесчеловечен. Там есть только организация и производительность, но нет любви и благоговения. Стерильная «чистота» и «функционализм» современной архитектуры могут служить типичным выражением такого мира; тот же дух присутствует и в болезни всеобщего планирования, выражающейся, например, в «контроле рождаемости», в экспериментах, направленных на контроль наследственности, контроль сознания или рост благосостояния. Некоторые обоснования подобных схем опасно близки к явному безумию, где уточнение деталей и техники доведено до поразительной бесчувственности, к той бесчеловечной цели, которой они служат. Нигилистическая организация, тотальное преобразование всей земли и общества посредством машин, современной архитектуры и дизайна и бесчеловечной философии «человеческой инженерии», которая им сопутствует, представляет собой последствие неуместного употребления индустриализма и технологии, которые являются носителями обмирщенности; это употребление, если оно бесконтрольно, может привести к их полной тирании. Здесь мы видим применение на практике этого этапа развития философии, которого мы коснулись в главе 1 (см. предисловие – *Прим. ред.*), а именно преобразование истины во власть. То, что представляется безобидным в философском прагматизме и скептицизме, совсем иначе проявляется у тех, кто планирует сегодняшний день. Потому что если нет истины, то власть не знает границ, кроме тех, что диктует ей среда, в которой она действует, или другая, более сильная власть, противостоящая ей. Власть современных приверженцев «планирования», если ей ничто не противостоит, не остановится, пока не дойдет до своего естественного завершения – режима тотальной организации.

Такова была мечта Ленина: прежде чем диктатура пролетариата достигнет своей цели, «все общество будет одной конторой, одной фабрикой, с равенством труда и равенством оплаты»¹. На нигилистической «новой земле» вся человеческая энергия должна быть отдана мирским интересам, вся человеческая среда и каждый объект в ней должны служить цели «производства» и напоминать человеку, что его счастье обретается единственно в *этом* мире: то есть должен быть установлен абсолютный деспотизм обмирщенности. Такой искусственный мир, построенный людьми, «устраняющими» последние остатки Божественного влияния в мире и последние следы веры в Бога, обещает быть столь всепоглощающим и всеобъемлющим, что человек даже не сможет видеть, воображать или хотя бы надеяться, что существует хоть что-то за его пределами. С нигилистической точки зрения, это будет мир совершенного «реализма» и полного «освобождения», а в действительности это будет огромная и самая приспособленная тюрьма, когда-либо известная людям, по точному выражению Ленина, от которой «нельзя будет никак уклониться, некуда будет деться»².

Власть мира, которой нигилисты доверяют так, как христиане доверяют Богу, никогда не сможет освободить, она сможет только поработить. Лишь Христос, Который «победил мир» (Ин. 16, 33), освобождает от этой власти, освобождает тогда, когда она становится практически абсолютной.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М., 1963. Т. 33. С. 101.

² Там же.

3. Формирование «нового человека»

Разрушение старого порядка и построение «новой земли» не единственные и даже не самые главные положения исторической программы нацизма. Они представляют собой только подготовительный этап к деятельности более значительной и более злобной, чем они сами, а именно – к «преобразованию человека». Так, псевдоницшеане Гитлер и Муссолини мечтали о том, чтобы с помощью «творческого» насилия выковать человечество «более высокого порядка». Розенберг¹, пропагандист Гитлера, говорил: «Создать из мифа о новой жизни новый человеческий тип – вот в чем состоит миссия нынешнего века»². Нацистская практика наглядно показала нам, что это за «человеческий тип», и мир, казалось бы, отверг его как жестокий и бесчеловечный. Однако «массовое изменение человеческой природы», к которому стремится марксизм, мало чем от него отличается. Маркс и Энгельс пишут весьма недвусмысленно: «Как для производства коммунистического сознания в массовом масштабе, так и для успеха в достижении самой цели необходимо массовое изменение людей, изменение, которое произойдет в практическом действии, в революции: революция необходима не только потому, что нельзя свергнуть правящий класс каким-то иным образом, но еще и потому, что тот класс, который будет его свергать, может сделать это только в революции, избавившись от всего навоза веков и подготовившись к тому, чтобы заново основать общество»³.

Оставив на время вопрос о том, какого рода человек будет произведен этим процессом, обратим особое внимание на используемые средства: это снова насилие, которое необходимо для формирования «нового человека» не менее, чем для построения «новой земли». Впрочем, оба тесно связаны между собой в детерминистской философии Маркса, так как «в революционной деятельности изменение "я" совпадает с изменением обстоятельств»⁴. Изменение обстоятельств или, точнее, процесс их изменения посредством революционного насилия преобразует и самих революционеров. Видя то магическое действие, которое производит в человеческой природе потворство страстям – гневу, ненависти, негодованию, стремлению к господству, Маркс и Энгельс, как и их современник Ницше, а после них Ленин и Гитлер, признают мистичность насилия. В этом отношении нам следует вспомнить о двух мировых войнах, чье насилие помогло уничтожить старый порядок и прежнее человечество, уходящее корнями в устойчивое, традиционное общество, и сыграло большую роль в создании нового человечества, человечества без корней, которое так идеализировал марксизм. Тридцать лет нацистской войны и революции с 1914 по 1945 годы создали идеальные условия для возвращения «нового человеческого типа».

Для современных философов и психологов, несомненно, не секрет, что в наш век насилия человек сам изменяется не только под влиянием войны и революции, но под влиянием практически всего, что претендует на то, чтобы быть «современным» и «прогрессивным». Мы уже приводили в пример наиболее поразительные формы нацистского витализма, чей совокупный эффект рассчитан на то, чтобы лишить корни, целостности, «мобилизовать» личность, подменить ее равновесие и корни бессмысленным стремлением к

¹ Альфред Розенберг (1893–1946) был среди тех, кто оказал огромное влияние на формирование взглядов Гитлера. В 1930 году опубликовал свой труд «Миф XX века», считавшийся теоретическим обоснованием национал-социализма, хотя официально и не признанный таковым. Большинство его соратников по партии утверждали, что более путаной и непонятной книги им не доводилось видеть. Объявил идеалы христианской Европы бесполезными убеждениями. Во время Второй мировой войны был руководителем оккупационного режима на захваченных территориях СССР. В качестве главного военного преступника предстал перед судом Международного военного трибунала в Нюрнберге. Приговорен к смертной казни. Повешен.

² *Alfred Rosenberg. Mythos des 20 Jahrhunderts. P. 22 / Альфред Розенберг. Миф XX века. – Таллин: Shildex, 1998. Ср.: «Задача нашего столетия – из нового жизненного мифа создать тип человека».*

³ *Marx and Engels. The German Ideology. Part 1. – New York: International Publishers, 1947. P. 69 / Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988.*

⁴ *Ibid. P. 204 (п. 46).*

власти и движению, а нормальные человеческие чувства нервным возбуждением. Деятельность нигилистического реализма как на практике, так и в теории проходила параллельно и дополняла деятельность витализма, включающую стандартизацию, упрощение, специализацию, механизацию, дегуманизацию: ее цель – низвести личность до простейшего, низменного уровня, сделать ее работой своей среды, идеальным рабочим на мировой фабрике Ленина.

Все эти наблюдения являются сегодня общим местом: о них написаны сотни томов. Многие мыслители способны увидеть явную связь между нигилистической философией, низводящей реальность и человеческую природу до возможно простейших понятий, и нигилистической практикой, подобным же образом умаляющей конкретного человека; немало и таких, кто понимает всю серьезность и радикальность подобного «низведения» и видит в нем качественное изменение человеческой природы, как пишет об этом Эрик Кахлер: «Непреодолимое стремление к разрушению и обесцениванию человеческой личности... явственно присутствующее в самых разнообразных направлениях современной жизни: экономике, технологии, политике, науке, образовании, психологии, искусстве, – представляется столь всеобъемлющим, что мы вынуждены признать в нем настоящую мутацию, видоизменение всей человеческой природы»¹. Но из тех, кто все это понимает, весьма немногие осознают глубинное значение и подтекст этого процесса, поскольку он принадлежит области богословия и лежит за пределами простого эмпирического анализа, а также не знают они и лекарства против него, так как это лекарство должно быть духовного порядка. Только что процитированный автор, например, надеется на переход к «некоему супериндивидуальному существованию», тем самым лишь доказывая, что его мудрость не поднимается над «духом века сего», выдвигающего идеал «суперчеловека».

Что в действительности представляет собой этот «мутант», этот «новый человек»? Он человек без корней, оторванный от своего прошлого, которое разрушил нигилизм, сырье для мечты всякого демагога, «свободный мыслитель» и скептик, закрытый для истины, но открытый для любой новой интеллектуальной моды, потому что сам он не имеет собственного интеллектуального основания, и искатель «нового откровения», готовый поверить всему новому, потому что истинная вера в нем уничтожена, любитель планирования и экспериментов, благоговейный перед фактом, поскольку от истины он отказался, а мир представляется ему обширной лабораторией, в которой он свободен решать, что «возможно», а что нет. Это автономный человек, под видом смирения просящий только того, что принадлежит ему по праву, а на деле исполненный гордости и ожидающий получить все, что ни есть в мире, где ничто не запрещено внешней властью. Он – человек минуты, без совести и ценностей, находящийся во власти сильнейшего «стимула», «бунтарь», ненавидящий любое ограничение и власть, потому что он сам себе свой единственный бог, человек массы, новый варвар, умаленный и упрощенный, способный только на самые элементарные идеи, однако презирающий любого, кто только упомянет о чем-либо высшем или заговорит о сложности жизни.

Все эти люди составляют как бы одного человека – человека, чье формирование было целью нигилизма. Однако простое описание не даст о нем полного представления, надо видеть его образ. И такой образ существует, его можно найти в современной живописи и скульптуре, возникших по большей части с конца Второй мировой войны и как бы облекших в форму реальность, созданную кульминацией эры нигилизма.

Казалось бы, в этом искусстве вновь «открыта» человеческая форма, из абсолютной абстракции вырисовываются наконец различимые очертания. В результате мы получаем «новый гуманизм», «возвращение к человеку», и что во всем этом самое важное, в отличие от многих других художественных школ XX века, это не искусственное изобретение, чья сущность скрыта за облаком иррационального жаргона, но самостоятельное произрастание,

¹ *Erich Kahler. The Tower and the Abyss. – New York: George Braziller, Inc., 1957. P. 225-226.*

глубоко уходящее корнями в душу современного человека. Так, например, работы Альберто Джакомети, Жана Дюбуффе, Франциса Бакона, Леона Голуба, Хозе Луиса Куэваса¹ являются истинным современным искусством, которое, сохраняя беспорядочность и свободу абстракции, перестает быть простым убежищем от реальности и пытается решить вопрос о «человеческом предназначении».

Но к какого рода человеку «возвращается» это искусство? Это, уж конечно, не христианин, не образ Божий, потому что «ни один современный человек не может поверить в Него», это и не «разочаровавшийся» человек прошедшего гуманизма, которого все «передовые» мыслители считают дискредитировавшим себя и отжившим. Это даже не человек кубистского и экспрессионистского искусства нашего века, с искаженными формами и природой. Он начинается как раз там, где заканчивается это искусство; это попытка войти в новую область, изобразить «нового человека».

Православному христианину, которого интересует истина, а не то, что считает модным или утонченным нынешний авангард, не потребуется долго думать, чтобы проникнуть в секрет этого искусства: в нем вообще нет человека, это искусство недочеловеческое, демоническое. Предметом этого искусства является не человек, но некое низшее существо, поднявшееся – по словам Джакометти, «вышедшее» – из неведомых глубин.

Тела, в которые облекается это существо, – а во всех своих метаморфозах это одно и то же существо – не обязательно искажены до неузнаваемости; изломанные и расчлененные, они часто более реалистичны, чем изображения человеческих фигур на более раннем этапе современного искусства. Очевидно, что это существо не было жертвой неистового нападения, но родилось таким искаженным, настоящий мутант. Нельзя не заметить сходства между некоторыми изображениями этого существа и фотографиями уродливых младенцев, родившихся за последние годы у тысяч женщин, принимавших во время беременности препарат талидомид (Thalidomide), и это не последнее из подобных чудовищных совпадений. Еще больше, чем тела, нам скажут лица этих существ. О них нельзя сказать, что они выражают безнадежность, потому что это означало бы приписать им некоторую человечность, которой у них нет. Это лица существ, более или менее приспособленных к миру, который они знают, миру не то чтобы враждебному, но совершенно чуждому, не бесчеловечному, но ачеловечному². Агония, гнев и отчаяние раннего экспрессионизма здесь как бы застыли; они отрезаны здесь от мира, к которому раньше имели, по крайней мере, отношение отрицания, теперь им нужно создать свой собственный мир. В этом искусстве человек не является уже даже более карикатурой на себя самого, он уже не изображается в муках духовной смерти, подвергающимся нападкам мерзкого нигилизма нашего века, который метит не только в тело и душу, но в саму идею и природу человека. Нет, все это уже прошло, кризис позади, ныне человек мертв. Новое искусство празднует рождение нового вида, существа из самых глубин, недочеловека.

Мы слишком долго говорили об этом искусстве, несоизмеримо долго по сравнению с его внутренней ценностью. Его свидетельство безошибочно и очевидно для тех, кто имеет глаза: эта выраженная абстрактно реальность представляется невероятной. Да, нетрудно было бы объявить фантазией «новое человечество», которое предвидели Гитлер и Ленин, и даже замыслы весьма уважаемых среди нас нигилистов, спокойно обсуждающих проблемы научного взращивания «биологического суперчеловека» или составляющих утопию формирования «нового человека» при помощи узкого «современного образования» и строгого контроля сознания, представляются маловероятными и лишь немного зловещими. Но столкнувшись с реальным образом «нового человека», образом жестоким и

¹ Многочисленные примеры этого искусства можно видеть в книгах его апологетов: *Peter Selz New Images of Man.* – New York: The Museum of Modern Art, 1959. *Selden Redman. The Insiders.* – Louisiana State University Press, 1960.

² Термин введен Эриком Кахлером (*Erich Kahler. Op. cit. P. 15*).

отвратительным, столь непреднамеренно, но весьма настойчиво возникающим в современном искусстве, получившим в нем такое широкое распространение, мы были застигнуты врасплох, и весь ужас современного состояния человека поражает нас так глубоко, что мы нескоро сможем его забыть.

V. За нигилизмом

Описанный на этих страницах образ «нового человека» был исключительно отрицательным, и многие из изучающих современное состояние человека, признавая истинность некоторых наших наблюдений, непременно отвергнут их как «односторонние». Поэтому справедливости ради нам следует рассмотреть другую, «позитивную» сторону.

И действительно, не вызывает никакого сомнения, что параллельно с описанными нами порождаемыми нигилизмом отчаянием, разочарованием, ачеловечностью развивается направление оптимистично-идеалистическое, произведшее на свет своих собственных «новых людей». Среди них молодые люди, идеалисты и практики одновременно, с готовностью решающие трудные проблемы сегодняшнего дня, стремящиеся распространить американский или советский или какой-либо более универсальный идеал, стоящий над ними, на «отсталые» страны. Это ученые-энтузиасты, сметающие все возможные «преграды» в процессе проводимого сегодня «волнующего» поиска и эксперимента. Это пацифисты и идеалисты ненасилия, борющиеся за мир, братство, мировое единство и преодоление вековой ненависти. Это «сердитые» молодые писатели, ратующие за справедливость и равенство и несущие в этот печальный мир настолько успешно, насколько и доступно новое «благовестие» о радости и творчестве. Сюда относятся и те художники, чье изображение современного человека мы так безжалостно критиковали выше, потому что они стремятся обличить мир, который его произвел, и таким образом указать ему на иной путь. Это и большое число обычных молодых людей, которые счастливы жить в столь «восхитительное» время: они честны, добропорядочны, с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее, где мир по меньшей мере узнает счастье вместо горя. Старшее поколение, слишком изломанное той эрой нигилизма, через которую оно прошло, чтобы разделять энтузиазм этих молодых людей, возлагает на него все свои надежды. Так может ли случиться, что, если тому будет благоприятствовать дух века сего, их мечты станут реальностью?

Прежде чем ответить на этот вопрос, зададим себе другой, более фундаментальный: какова природа веры и надежды, воодушевляющих подобные мечты? Ответ очевиден: эти вера и надежда целиком и полностью принадлежат миру сему. Художественные и научные новинки, благосостояние и комфорт, исследование новых миров, «мир», «братство» и «радость» в том значении, в каком их понимает общественное сознание, – вот блага мира сего, которые приходят и которые, если стремиться к ним с той преданностью, с какой делает это оптимистично настроенный «новый человек», являются духовно вредными. Настоящий и вечный дом человека не в этом мире. Истинные мир, любовь и радость во Христе, которые верующий узнает уже в этой жизни, относятся к абсолютно иному порядку, нежели их мирские пародии, которые «новый человек» наполняет пустыми надеждами.

Существование этого «нового человека», чьи вера и надежда ориентированы исключительно на этот мир, является еще одним доказательством успеха нигилистической программы. Фотография этого «нового человека» в его, так сказать, «позитивной форме» сделана с негатива того самого недочеловека, которого мы описывали выше. На негативе мы видим его побежденным бесчеловечным миром, с измененными природными свойствами. Пессимизм и отчаяние, выраженные в этом образе, являются последним слабым протестом против деятельности нигилизма, и в том состоит его единственное позитивное значение и в то же время свидетельство его успеха. На позитиве «новый человек» приготовился изменить мир, пусть и несовершенный, но единственный известный ему. В этом образе уже больше нет конфликта, потому что человек зашагал по пути переформирования и переориентации, в

результате чего он должен полностью «приспособиться» к новому миру. Оба эти образа едины, так как оба они отражают смерть того человека, который жил до сих пор, а именно странника на этой земле, вглядывающегося в небеса, как в свой истинный дом, и в то же время свидетельствуют о рождении «нового человека», принадлежащего единственно этой земле, не знающего ни надежды, ни отчаяния, находящихся вне мира сего.

Расположенные между этими двумя образами, позитивные и негативные отпечатки-образы «нового человека» составляют картину состояния современного человека – человека, в котором обмирщенность победила веру. В то же время они являются знаком перехода, предзнаменованием основного изменения «в духе века сего». На негативе отпадение от христианской истины, являющееся основной характеристикой современности, кажется, достигло своего критического предела: Бог «мертв», человек, сотворенный по Его образу, утратил свою природу и ниспал в недочеловечество. С другой стороны, на позитиве видно начало нового движения: человек открыл свою новую природу, природу земной твари. Век отрицания и нигилизма, содеяв максимально, на что способен, закончился: «новый человек» настолько равнодушен к христианской истине, что даже не отрицает ее, все его внимание обращено к этому миру.

Новый век, который многие называют «постхристианским», есть одновременно и век, следующий «за нигилизмом», – это определение отражает одновременно и реальный факт в настоящем, и надежду на будущее. Реальный факт состоит в том, что нигилизм, негативный по своему содержанию, хотя, возможно, и позитивный по своим устремлениям, всю свою энергию черпающий из страсти к разрушению христианской истины, достигает цели своей программы в тот момент, когда производит механизированную «новую землю» и дегуманизированного «нового человека». Здесь уничтожается влияние христианства на человека и общество, и теперь нигилизм должен отойти в сторону и уступить место другому, более «конструктивному» движению, способному действовать на основе автономных и позитивных мотивов.

Это движение, которое мы будем описывать под именем анархизма, перенимает у нигилизма эстафету революции и должно будет довести до логического завершения то, что начал нигилизм.

Надежда, содержащаяся в определении «за нигилизмом», наивна, ее духовный и исторический смысл состоит в том, что новому веку предстоит увидеть не только устарение, но и преодоление нигилизма. Бог нигилизма, ничто, – это пустота, вакуум, который жаждет быть заполненным; те, кто жили в этом вакууме и признавали нечто своим богом, не могут не искать другого бога, надеясь, что он выведет их из века и из-под власти нигилизма. Такие люди пытаются увидеть в сложившейся ситуации некий позитивный смысл. Не желая верить, что прошедший век был абсолютно бесплодным, они и сочиняют оправдания, в которых нигилизм, каким бы зловещим он ни был, предстает как необходимое средство к достижению цели, лежащей за его пределами, подобно как разрушение предваряет перестройку, а темнота предшествует рассвету. Если настоящая темнота, неуверенность и страдание и неприятны, то они – продолжается оправдание – все-таки полезны и очистительны: лишены иллюзий, среди «темной ночи» сомнения и отчаяния, мы должны перетерпеть все эти испытания и остаться «открытыми» и «восприимчивыми» к тому, что может принести всемогущее будущее. Нигилизм, следует вывод, это апокалипсическое знамение приближения нового, лучшего века. Эта апология почти универсальна, ее можно приспособить к бесчисленным современным представлениям. Крайним примером подобного приспособления может служить приведенное выше высказывание Геббельса о «позитивном» значении национал-социализма. Другие, более духовные его варианты повсеместно встречаются со времени кризиса мысли, вызванного французской революцией. Поэты, «пророки», оккультисты и люди более прозаические, на которых они оказали влияние, безумно страдая от беспорядков их времени, находят утешение в мысли, что на самом деле это есть замаскированное богословие. И снова можно процитировать Йейтса, чье отношение

весьма типично: «Дорогие хищные птички, готовьтесь к войне... Любите войну за ее ужас; веру можно изменить, цивилизацию обновить... Вера происходит от потрясения... Вера постоянно обновляется перед ужасом смерти»¹.

Подобное же отношение порождает надежды, связанные с Советским Союзом. Большинство людей, «будучи реалистичными», принимают социальные, политические, экономические преобразования, производимые марксизмом, резко осуждая при этом его насильственные методы и экстремистскую идеологию.

Исполненные оптимизма и надеющиеся на изменения к лучшему, они приветствовали «оттепель», явившуюся со смертью Сталина, ожидая вскоре увидеть первые признаки далеко идущего марксистского идеала. От «сосуществования» легко перейти к сотрудничеству, а от него и к гармонии. Подобные идеи – результат глобального непонимания природы современной революции. Нигилизм – лишь одна из ее сторон. Насилие и отрицание, разумеется, только подготовительный этап более обширного плана, чья цель обещает быть не то чтобы лучше, но несравненно хуже, чем век нигилизма. Если в наше время мы видим признаки того, что эра насилия и отрицания проходит, то это совсем не потому, что нигилизм «преодолен» или «исчерпал себя», но потому, что задача его практически завершена и в нем нет более нужды. Возможно, революция переходит из фазы злобной в фазу более «милостивую» – но не потому, чтобы она изменила свое направление и стремления, а потому, что она уже приближается к достижению своей главной цели, от которой никогда не отказывалась, и, упоенная успехом, она приготовилась расслабиться и насладиться этой целью.

Последняя надежда современного человека оказывается лишь еще одной иллюзией; надежда на новый век, следующий за нигилизмом, представляет собой формулировку последнего пункта в программе революции.

И марксизм вовсе не единственный способствует осуществлению этой программы. Сегодня не существует ни одной крупной державы, чье правительство не было бы «революционным», не найдется ни одного облеченного властью или влиянием лица, чья критика марксизма шла бы дальше предложения более удачных средств для достижения не менее «революционной» цели. Отказаться от идеологии революции в современном «интеллектуальном климате» слишком явно означало бы обречь себя на политическое безвластие. Что еще яснее может доказать антихристианский характер нашего века? (Глубинное антихристианство есть, несомненно, то псевдохристианство, которое является целью революции.)

Сам нигилизм, подходя к завершению своей программы, указывает на цель, лежащую за ней, в этом-то и состоит реальное значение нигилистической апологии Йейтса и других. И снова именно у Ницше, этого причудливого «пророка», знавшего о нигилизме все, кроме его главного смысла, эта идея выражена с наибольшей силой:

«При определенных обстоятельствах возникновение экстремальных форм пессимизма и действительного нигилизма может служить признаком того, что идет процесс чрезвычайного роста и человечество переходит в совершенно новые условия существования. Вот что я понял»².

«За нигилизмом будет происходить "переоценка ценностей": в этой формуле находит выражение некоторое контрдвижение, являющееся таковым по своему принципу и миссии; в отдаленном будущем оно сменит совершенный нигилизм, который оно рассматривает,

¹ *W.B. Yeats. A Vision. 1937. P. 52-53/ У.Б.Йейтс. Видение: поэтическое, драматическое / Пер. с англ. – М.: Логос, 2000. Философский трактат Йейтса «Видение», первый вариант которого вышел в 1926 году, написан под влиянием пережитых его женой-медиумом состояний транса во время спиритических сеансов и ее опытов с «автоматическим» письмом.*

² *Friedrich Nietzsche. The Will to Power. P. 92 / Фридрих Ницше. Воля к власти. № 112. Ср.: «Появление крайней формы пессимизма, истинного нигилизма, могло бы быть при известных обстоятельствах признаком решительного и коренного роста, перехода в новые условия жизни. Это я понял».*

однако, как необходимый шаг на пути к собственному приходу, необходимый как логически, так и психологически, и оно, это движение, может наступить только как его кульминация и выход из него»¹.

Достаточно странно, но та же мысль выражена в абсолютно ином контексте у Ленина, когда после восторгов по поводу нигилистической идеи вселенской «фабрики» он продолжает: «Но эта "фабричная" дисциплина, которую победивший капиталистов и свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для той радикальной очистки общества от гнусностей и мерзостей капиталистической эксплуатации для дальнейшего движения вперед»².

Вот это-то «движение вперед», которое Ницше и Ленин описывают как «совершенно новые условия существования», и является главной целью революции. Эта цель, поскольку она находится «за нигилизмом» и представляет собой обширную тему для разговора, требует отдельного рассмотрения. В заключение настоящей главы и нашего разговора о нигилизме определим еще его природу, трехчастный вывод нигилистической мысли.

Эту задачу можно рассматривать как, во-первых, вывод из нигилистического уничтожения старого порядка – это идея «нового века» – «нового» в абсолютном, а не в относительном смысле. Этот начинающийся век не просто последний или даже величайший из всех веков, он есть вступление в совсем иное время, противопоставленное всему, что было прежде. В 1884 году Ницше писал в одном из писем: «Быть может, я первый говорю сейчас об идее, которая разделит историю человечества надвое»³, следствием ее будет то, что «все, кто родится после нас, будут принадлежать более высокой истории, чем вся предшествующая история»⁴. Конечно, Ницше был ослеплен гордостью – он не сделал никакого «открытия», а лишь облек в слова то, что уже какое-то время «витало в воздухе». Та же самая мысль была высказана Достоевским еще двенадцатью годами раньше устами Кириллова, наиболее крайнего представителя «бесов»: «Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое... Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога и от уничтожения Бога до... перемены земли и человека физически»⁵.

Здесь заложен уже второй вывод нигилистической мысли. Нигилистический бунт и антитеизм, ответственные за «смерть Бога», дали жизнь идее, которая должна открыть этот «новый век», а именно: идее преобразования самого человека в бога.

«Все боги мертвы, – говорит Заратустра Ницше, – теперь мы желаем, чтобы жил суперчеловек»⁶. «Убийство» Бога слишком серьезная драма, чтобы человек мог оставаться в прежнем состоянии: «Не следует ли нам опять стать богами, чтобы быть достойными этого?»⁷ У Кириллова же суперчеловек есть человеко-бог, потому что, по его логике, «если Бога нет, то я сам бог»⁸.

Именно эта концепция суперчеловека лежит в основе и вдохновляет идею «преобразования человека» как в реализме Маркса, так и в витализме бесчисленных оккультистов и художников. Разнообразные концепции «нового человека» есть не что иное, как наброски суперчеловека, как ничто, бог нигилизма, – это пустота, ожидающая быть

¹ Ibid. P. 2.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101-102.

³ См.: *Henri de Lubac. The Drama of Atheist Humanism. P. 24 / Анри де Любак. Драма атеистического гуманизма / Пер. с фр. – М.: Христианская Россия, 1997.*

⁴ *Friedrich Nietzsche. The Joyful Wisdom. № 125 / Фридрих Ницше. Веселая наука // Соч. в 2 т. – М.: Мысль. № 125. Ср.: «Кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история».*

⁵ *Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч. – Л.: Наука, 1974. Т. 10. Ч. 1. Гл. 3. С. 94.*

⁶ *Friedrich Nietzsche. Thus spoke Zarathustra / Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра // Собр. соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. С. 57. Ср.: «Умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек».*

⁷ *The Joyful Wisdom. № 125.*

⁸ *Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч. – Л.: Наука, 1974. Ч. 3. Гл. 6.*

заполненной откровением «нового бога»; так же и «новый человек», которого нигилизм лишил формы и характера, умалил, оставил без веры, без ориентации, – этот «новый человек», независимо от того, оценивают ли его положительно или отрицательно, стал более «подвижным» и «гибким», «открытым» и «восприимчивым», он – пассивный материал, ожидающий нового открытия или откровения и приказа, который бы облек его в его окончательную форму.

Наконец, вывод из нигилистического уничтожения власти и порядка представляет собой присутствующую во всех мифах «о новом порядке» идею об абсолютно новых видах порядка – порядка, который его наиболее яростные защитники без колебания называют «анархией». По марксистскому мифу, нигилистическое государство должно «отмереть», оставив мировой истории уникальный мировой порядок, который без преувеличения можно будет назвать «тысячелетним царством».

«Новый век», управляемый анархией и населенный «суперлюдьми», – вот революционная мечта, которая вдохновила невероятные драмы современной истории. Это апокалиптическая мечта, и правы те, кто видят в ней странное извращение христианского ожидания Царства Небесного. Но этим нельзя оправдать того «сочувствия», которое вызывают, у многих по крайней мере, наиболее «честные» и «благородные» из революционеров и нигилистов; вот одна из ловушек, о которых, мы считаем, необходимо предупредить сразу. В мире, балансирующем на краю благонамеренных, но наивных людей, большим искушением служит желание избрать некоторых наиболее ярких представителей, населяющих современный интеллектуальный ландшафт, и, в неведении истинных критериев правды и духовности, сделать из них «духовных гигантов», чье слово было хотя и «неправославно», но «зажигательно». Однако реальность и этого, и будущего мира слишком сурова, чтобы можно было позволить себе подобную неопределенность и либерализм. Благие намерения слишком легко попадают мимо цели, гений и благородство слишком часто извращаются, развращение лучших производит не лучших, так сказать, второго сорта, но худших. Нельзя отказать в талантливости, ревности и ладе, некотором благородстве таким, как Маркс, Прудон, Ницше, но их благородство – это благородство Люцифера, некогда первого из Ангелов, который, желая стать большим, чем он был, ниспал с такой высоты в бездну. Их видение, которое некоторые принимают за род более глубокого христианства, есть видение правления антихриста, сатанинское извращение и подделка Царства Божия. Все нигилисты – и прежде всего наиболее гениальные и обладающие наибольшей широтой видения – пророки дьявола, отказывающиеся отдать свой талант на смиренное служение Богу. «Они воюют против Бога Его же дарами»¹.

Вряд ли можно отрицать (и это подтверждает трезвый взгляд на все преобразования, происшедшие с миром и человеком за последние века), что война врагов Божиих оказалась успешной, ее окончательная победа представляется весьма близкой. Но что за «победа» может быть в такой войне? Какого рода «мир» ждет человечество, столь долго обучавшееся насилию? Мы знаем, что в христианской жизни средства и цели находятся в гармонии. Через молитву и благочестивую жизнь, через Таинства Церкви христианин изменяется благодатью Божией, все более уподобляясь своему Господу и становясь достойным участия в том Царстве, которое Он приготовил всем, следующим Ему в истине. Тех, кто Его, узнают по плодам их: терпению, смирению, кротости, послушанию, миру, радости, любви, доброте, прощению, – эти плоды одновременно и готовят к этому Царству, и делают уже причастными Его во всей полноте. Цель и средства едины; начатое в этой жизни совершенствуется в будущей. Подобным же образом и в деяниях дьявола есть, если можно так выразиться, «гармония»: характер «добродетелей» его служителей соответствует целям, которым они служат. Ненависть, гордость, бунтарство, несогласие, насилие, необузданная

¹ *Joseph de Maistre*. Op. cit. P. 85. Цитирует слова Людовика IX.

власть – все эти свойства не смогут вдруг чудесным образом исчезнуть, когда, наконец, революционное царство осуществится на земле.

Они, напротив, скорее углубятся и разовьются. Если революционная цель, стоящая «за нигилизмом», и описывается в абсолютно противоположных терминах, если нигилисты и видят в ней царство «любви», «мира» и «братства», то это потому, что диавол – обезьяна Бога, и даже в своем отрицании он вынужден признать источник этого отрицания; или, что ближе к нашей теме, люди, упражняющиеся в нигилистских «добродетелях» и принявшие нигилистическое преобразование мира, настолько изменились, что уже начинают жить в революционном царстве и видеть все глазами диавола, то есть противоположно тому, как видит это Бог.

То, что стоит «за нигилизмом» и о чем мечтали величайшие его «пророки», является не преодолением нигилизма, но его кульминацией. «Новый век», будучи производением нигилизма, на деле будет мало чем отличаться от той нигилистической эпохи, которая нам известна. Думать иначе, искать спасения в каком-то новом «развитии», будь оно результатом неизбежного «прогресса» или «эволюции», или некоей романтической диалектики, или даром из сокровищницы будущего, перед которым в суеверном ужасе предстоит человечество, – думать так – значит пасть жертвой чудовищного заблуждения. Нигилизм представляет собой духовный беспорядок, и преодолеть его можно только духовными средствами, в современном же мире не было сделано ни одной попытки применить эти средства. Очевидно, что нигилистической болезни предоставлено развиваться до самого своего конца. Цель революции, бывшая первоначально галлюцинацией нескольких лихорадочных умов, ныне стала целью всего человечества. Люди устали, Царство Божие слишком далеко, православный христианский путь слишком узок и труден. Революция проникла в «дух века сего», и противиться этому мощному напору современный человек не в состоянии, потому что для этого ему нужны две вещи, целиком и полностью уничтоженные нигилизмом: истина и вера.

Закончить наш разговор о нигилизме на этой ноте – значило бы подвергнуться обвинениям в том, что у нас есть свой собственный нигилизм: наш анализ, может быть сказано, чрезмерно «пессимистичен». Категорично отрицая почти все, что современники считают ценным и истинным, мы как бы находимся в той же полноте отрицания, что и самые крайние нигилисты. И христианина действительно в определенном смысле можно назвать «нигилистом», потому что для него мир – ничто, а Бог – всё. Такая позиция, конечно, прямо противоположна тому нигилизму, который мы здесь рассматривали; там Бог – ничто, а мир – всё. То есть нигилизм исходит из бездны, а христианский «нигилизм» исходит из полноты. Настоящий нигилист верит в вещи приходящие и оканчивающиеся ничем: оптимизм на подобной основе тщетен. Отвергая всю суетность, христианин верит в то единственное, что не проходит, – в Царство Божие.

Тому, кто живет во Христе, могут быть даны многие блага мира сего, и он может наслаждаться ими, даже осознавая их мимолетность, но он не нуждается в них, они для него ничего не значат. С другой стороны, тот, кто не живет во Христе, уже живет в бездне, и все сокровища мира не могут заполнить его пустоты.

Впрочем, мы используем лишь литературный прием, когда называем нищету и нестяжательность христианина «нигилизмом». На самом деле они есть полнота, изобилие, радость паче всякия радости. И только обладающий этим изобилием может мужественно смотреть в лицо бездне, в которую ведет людей нигилизм. Самый крайний отрицатель, самый разочарованный из всех людей может существовать, только если сбережет от своего разрушительного анализа хотя бы одну иллюзию. Вот в чем психологический корень «нового века», на который возлагают надежду наиболее последовательные нигилисты. Тот, кто не верит во Христа, неизбежно должен будет уверовать в антихриста.

Но если историческим концом нигилизма должно стать царство антихриста, его духовный конец лежит за пределами этого последнего дела сатаны на земле, его духовный конец – ад,

и именно там нигилизм ждет его окончательное поражение. Нигилист должен быть побежден не только потому, что его мечта о земном рае ведет к вечной гибели, так как последовательный нигилист, в отличие от своего «оппонента» – антихриста, слишком разочарован, чтобы действительно верить в этот рай, если он когда-нибудь наступит. Нигилист должен быть побежден скорее потому, что ад доказывает всю бесплодность его заветного желания – сведения на нет Бога, Его творений и себя самого. Хорошо выразил Достоевский опровержение нигилизма словами умирающего старца Зосимы:

«О, есть и во аде пребывавшие гордыми и свирепыми, несмотря уже на знание бесспорное и на созерцание правды неотразимой; есть страшные, приобщившиеся сатане и гордому духу его всецело. Для тех ад уже добровольный и ненасытимый; те уже доброхотные мученики. Ибо сами проклинали себя, прокляв Бога и жизнь. Злобною гордостью своей питаются, как если бы голодный в пустыне кровь собственную свою сосать из своего же тела начал. Но ненасытимы во веки веков и прощение отвергают, Бога, зовущего их, проклинают. Бога Живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожил Себя Бог и все создание Свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти...»¹

Великая и непобедимая истина христианства состоит в том, что нет уничтожения, нигилизм тщетен. С Богом можно бороться, и в этом состоит содержание современной эпохи, но Его нельзя победить и от Него никуда нельзя скрыться: Его Царство будет длиться вечно, и все, кто отвергает призыв к Его Царству, должны будут вечно гореть в адском пламени.

Поэтому, естественно, основным стремлением нигилизма было исключить ад и страх ада из сознания людей, в чем он явно преуспел; для большинства сегодняшних людей ад превратился в глупость, предрассудок, если не в «садистскую» фантазию. Даже те, кто еще верят в либеральные «небеса», не оставляют в своей вселенной места для ада. Как ни странно, однако современному человеку гораздо больше знаком ад, чем небеса; само слово и понятие, которое за ним стоит, занимает значительное место в сегодняшнем искусстве и мысли. Ни от одного внимательного наблюдателя не может укрыться тот факт, что в нигилистическую эпоху более чем когда-либо люди превратили землю в подобие ада, и те, кто понимают, что живут в бездне, без колебаний называют свое состояние адским. Мука и беды этой жизни есть предвкушение ада, равно как радости христианской жизни – радости, которые нигилист и представить себе не может, так далеки они от него – это предвкушение рая.

Но даже если нигилист и представляет смутно, что такое ад, он не знает его во всей полноте, которую и нельзя постичь в этой жизни. Самые крайние нигилисты, служащие демонам и даже призывающие их, не имеют необходимого духовного видения, чтобы узнать их, как они есть. Сатанинский дух, дух ада всегда скрывается под личиной в этом мире: его ловушки, расставленные вдоль широкого пути, кажутся многим приятными или, по крайней мере, волнующими, а для тех, кто следует его пути, диавол предлагает утешительную мысль и надежду на совершенное умирание. Хотя несмотря на утешение диавола, ни один из его последователей не может быть вполне «счастлив» в этой жизни, хотя в последние дни, предисловием к которым являются бедствия нашего времени, будет *«великая скорбь, какой не было от начала мира доныне»* (Мф. 24, 21), все же только в будущей жизни слуги диавола осознают всю горечь безнадежной скорби.

Христианин верит в ад и боится его пламени, – не земного пламени, которым представляет его умник-невер, но пламени бесконечно более жгучего, потому что, как и тела, в которых люди воскреснут в последний день, оно будет духовным и не будет иметь конца. Мир упрекает христианина за его веру в такие неприятные вещи, но не извращенность или садизм, а вера и опыт приводят его к этому. Только тот может полностью поверить в ад, кто

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч. – Л.: Наука, 1976. Т. 14. Кн. VI. С. 293.

полностью верит в небеса и жизнь в Боге, потому что только тот, кто хоть немного представляет себе эту жизнь в Боге, может осознать, что значит ее отсутствие. Для большинства сегодняшних людей жизнь – мимолетный пустяк, не нуждающийся в утверждении или отрицании, облаченный в утешительные иллюзии и надежду на абсолютное ничто в будущем; эти люди ничего не узнают об аде, куда сами не окажутся в нем. Но Бог слишком любит даже таких людей, чтобы дать им просто «забыть» Себя и «отойти» в ничто, где нет Того, Кто Сам – единственная жизнь человеков. Даже этим людям, сущим в аду, Он предлагает Свою любовь, которая мучит тех, кто в этой жизни не приготовился к ее принятию. Многие испытываются и очищаются в этом пламени, делаясь достойными жизни в Царствии Небесном, но другие вечно пребудут в аду с демонами, для которых он был предуготован.

Даже сегодня, когда люди стали так слабы, что не могут смотреть правде в лицо, не следует смягчать реальность будущей жизни. Тем же, которые осмеливаются считать, что они знают волю Бога Живого, и судить Его за «жестокость» – будь они нигилисты или более сдержанные гуманисты, – можно указать на то, во что все они веруют, – на достоинство человека. Бог призвал нас не к современным «небесам» покоя и сна, но к полной обожествляющей славе сынов Божиих, и если мы, которых Бог считает достойными этого, отвергаем Его призвание, тогда для нас лучше адское пламя, мука, служащая последним и ужасным доказательством высокого призвания человека и Божественной негасимой любви ко всем человекам, чем ничто, на которое уповают нигилисты и малoverы нашей эпохи. Человек достоин только ада – и никак не менее, если он не достоин небес.

Недочеловечество

Наш век – это, по сути, век абсурда. Поэты и драматурги, художники и скульпторы провозглашают, что мир – неорганизованный хаос, и так изображают его в своих произведениях. Политики любого рода – правые, левые и центристы – пытаются придать царящему в мире хаосу слабое подобие упорядоченности; пацифисты и милитаристы едины в абсурдной вере в то, что немощными человеческими усилиями можно преодолеть чрезвычайные ситуации (с помощью средств, которые очевидно должны все погубить). Философы и прочие будто бы ответственные люди в правительственных, научных и церковных кругах (когда они не прикрываются узкой специализацией или бюрократизмом) лишь подтверждают тезис о ненормальном положении современного человека и созданного им мира и советуют предаться дискредитировавшему себя гуманистическому оптимизму, безнадежному стоицизму, слепому экспериментаторству или иррационализму либо рекомендуют отдаться самоубийственной вере в «веру».

Но ведь искусство, политика и философия наших дней – это отражение жизни, и если они поражены абсурдностью, то в большой мере потому, что сама жизнь стала абсурдной. Самым поразительным примером абсурдности был, конечно, гитлеровский «новый порядок», когда «нормальный», «цивилизованный» человек одновременно мог быть изощренным и трогательным исполнителем Баха (Гиммлер) и высококвалифицированным палачом миллионов. Сам Гитлер был абсурдистом, поднявшимся из ничтожества к мировому господству и обратившимся снова в ничто. Он оставил после себя потрясенный мир, достигнув своего «успеха» только потому, что он, пустейший из людей, был воплощением пустоты своего времени.

Сюрреалистический мир Гитлера в прошлом, но мир так и не вышел из периода абсурдности. Напротив, мир болен все той же болезнью, хотя она протекает менее бурно. Люди изобрели оружие, которое, подобно нацистскому евангелию разрушения, является отражением нигилизма, царящего в душах людей. В тени этого оружия человек стоит парализованный, между двумя крайностями: внешней силой и беспрецедентной в истории беспомощностью. В то же время бедные и «обездоленные» мира сего пробудились к

сознательной жизни и стремятся к изобилию и привилегиям; те же, кто их уже имеет, тратят жизнь среди глennых вещей, или разочаровываются и умирают от отчаяния и скуки, или совершают безумные преступления. Кажется, мир разделился на тех, кто ведет бессмысленный, пагубный образ жизни, не сознавая этого, и на тех, кто, осознав это, приходит к сумасшествию и самоубийству.

Наше время – время абсурда, когда непримиримое соседствует бок о бок, иногда в душе одного и того же человека; когда все кажется бессмысленным; когда все разваливается, потому что утрачен центр, связующий это «все». Верно, конечно, и то, что повседневная жизнь внешне течет, как обычно, хотя вызывает подозрение ее горячечный темп; кажется, что человек способен «продержаться», протянуть со дня на день. Трудно за это упрекать, современная жизнь нелегка и малоприятна. Однако тот, кто мыслит, кто задается вопросом, что же под обманчивым покровом современности в нашем странном мире на самом деле, никогда не сможет почувствовать себя хотя бы относительно уютно, никогда не примет этот мир за «нормальный».

Мир, в котором мы живем, – ненормальный. Как бы ни ошибались «прогрессивные» поэты, художники и мыслители, в какие бы преувеличения и противоречия они ни впадали, какие бы ложные объяснения ни предлагали, они правы по крайней мере в одном: с современным миром что-то «не так». Это первое, чему мы можем научиться у абсурдистов.

Абсурдизм – это симптом, говорящий, в каком духовном состоянии находится современный человек. Можно ли вообще понять абсурд? Абсурд по своей сути поддается лишь безответственному либо софистическому подходу, и с таким подходом мы сталкиваемся не только у художников, им охваченных, но и у так называемых серьезных мыслителей и критиков, пытающихся объяснить или оправдать абсурд. В большинстве манифестов «экзистенциализма» и в критических исследованиях современного искусства и драматургии видно, что способность мыслить в них совершенно отринута и строгие критерии заменены смутными «симпатиями» или «вдохновениями», а также сверхлогическими (если не алогическими) доказательствами, в числе которых «дух времени», неясные «творческие» импульсы или индетерминированное «сознание». Но это не доказательства: в лучшем случае – плоды рационализма, в худшем – простой жаргон. Если пойдем этим путем, то мы глубже «воспримем» абсурдистское искусство, но едва ли глубже поймем его. Впрочем, абсурдизм вряд ли возможно понять вообще в его собственных терминах, потому что понимание – это *осмысление*, а осмысление – прямая противоположность абсурда. Если мы хотим понять абсурдизм, то мы должны взглянуть на него извне, избрав такую точку зрения, от которой происходит слово «понимание». Лишь таким образом мы сможем разогнать интеллектуальный туман, которым окутывает себя абсурдизм, отражая всякий разумный подход нападением на разум. Короче говоря, мы должны посмотреть на абсурдизм с точки зрения веры, противоположной вере абсурдистов, и напасть на абсурдизм во имя истины, которую он отрицает. И тогда мы обнаружим, что абсурдизм, помимо своей воли, подтверждает – скажем об этом в самом начале – христианскую веру и истину.

Философия абсурда ничего оригинального из себя не представляет – это полное отрицание, и характер этой философии целиком и полностью определен тем, что она пытается отрицать. Абсурд в принципе невозможен вне связи с тем, что считается не абсурдным; тот факт, что мир утратил всякий смысл, может быть понятен только тем людям, которые некогда верили, что мир имеет некий смысл, и имели для этого основания. Абсурдизм невозможно понять вне его христианских корней.

Христианство – в высшем смысле этого слова – это осмысленность, потому что Бог христиан является повелителем всего во вселенной, как в отношении вне Его, так и внутри Самого Себя, Того, Кто есть начало и конец всей твари. Искренно верующий христианин видит эту Божественную связь во всех областях своей жизни и мысли. Для абсурдиста – все разваливается, включая его собственную философию, которая может быть лишь

недолговечным явлением; для христианина все взаимосвязано и друг другу соответствует, включая вещи несовместимые. Бессмысленность абсурда – это, в конце концов, часть более высокой осмысленности (если бы было иначе, то об абсурдизме вообще не стоило говорить).

Второе из затруднений, с которым мы сталкиваемся, касается подхода к исследованию. Недостаточно – если мы хотим понять абсурдизм – отвергнуть его из-за его ошибочности и того, что он противоречит сам себе. Разумеется, ни один компетентный ум не станет серьезно рассматривать претензии абсурдизма на истинность; с какой бы стороны мы ни подошли, абсурдистская философия противоречит сама себе. Чтобы провозгласить полную бессмысленность, нужно верить в то, что сама эта фраза имеет смысл, и, таким образом, ясно, что абсурдизм нельзя воспринимать серьезно как философию; все его утверждения должны истолковываться образно и часто субъективно. Абсурдизм на деле – как мы это увидим – не есть плод интеллекта, но продукт воли.

Философия абсурда, содержащаяся во многих современных произведениях искусства, но не выраженная в них прямо, к счастью, непосредственно изложена у Ницше, поскольку его нигилизм – это тот корень, из которого выросло дерево абсурдизма. У Ницше мы можем вычитать всю эту философию, а у его старшего современника, Достоевского, мы встречаем описание ее ужасающих последствий, которых Ницше, слепой к христианской истине, не смог предвидеть. У этих писателей, живших в переломный момент, между двумя мирами, когда мир осмысленности, основанный на христианстве, поколебался и начал возникать мир абсурда, основанный на отрицании истины, мы можем обнаружить практически все необходимое для понимания абсурдизма.

Откровение абсурдизма, до этого долго зревшее в подполье, выплеснулось в двух шокирующих фразах Ницше, столь часто цитируемых: «Бог мертв», – что означает попросту, что мертва вера в Бога в сердцах современных людей; и «истины не существует», означающей, что человечество оставило истину, открытую ему Богом, на которой некогда была основана европейская мысль и общественные учреждения. Оба утверждения верны в отношении атеистов и сатанистов, которые свидетельствуют, что они довольны и даже счастливы от отсутствия веры или отвержения истины. В той же мере это верно в отношении менее претенциозного большинства, у которого ощущение духовной реальности просто испарилось, что выражается в равнодушии к этой реальности или же во множестве лжерелигий, за которыми скрывается равнодушие к истине. Но даже среди все уменьшающегося меньшинства верующих (тающего как внешне, так и внутренне), для которого мир иной более реален, нежели мир сей, – даже над ними тяготеет «смерть Бога» и делает для них мир чуждым и странным. Ницше в своей «Воле к власти» кратко выразил смысл нигилизма: «Что значит нигилизм? То, что наивысшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос "почему?"».

Короче говоря, все становится сомнительным. Восхитительную веру мы видим у отцов и святых Церкви и у всех истинно верующих, когда всё – и мысль, и жизнь – соотносится с Богом, когда во всем видится Он как начало и конец, когда все воспринимается как Его воля, – эта вера, скрепляющая и не дававшая некогда распасться миру, обществу и человеку, сегодня исчезла, и на вопросы, на которые раньше люди получали ответы у Бога, сегодня для большинства нет ответов.

Существовали также иные формы бессмыслицы, нежели современный нигилизм и абсурдизм, и другие виды осмысленности помимо христианства. В этих формах человеческая жизнь получает смысл или теряет его лишь до определенной степени. Люди верующие и следующие, например, традиционному индуистскому или китайскому мировоззрению, получают некоторую меру истины и мира, который дает истина, – но истины не абсолютной, и не того мира, который «превыше всякого ума», который абсолютная истина дает. Те, кто отпадают от относительной истины, не теряют всего, как отступники от христианства.

Только христианский Бог – одновременно всемогущ и все милостив, только христианский Бог, по Своей любви, обещал людям бессмертие и Своей властью приготовил Царство, в котором воскресенные из мертвых будут жить в Боге как боги. И этот Бог и Его обетование кажется столь невероятным для обычного человеческого разума, что человек, уверовавший в Него и затем отрекшийся от Него, никогда не сможет поверить ни во что сколько-нибудь достойное. Мир, из которого уходит такой Бог, человек, в котором погасла такая надежда, – «абсурден» с точки зрения тех, кто пережил это разочарование.

«Бог мертв», «истины не существует» – обе фразы представляют собой откровение об абсурдности мира, в центре которого нет больше Бога, в сердцевине которого – ничто. Но именно здесь, в самом сердце абсурдизма, наиболее очевидна его зависимость от христианства. Одним из главных положений христианской доктрины является *creatio ex nihilo*: творение мира Богом не из Себя Самого, не из предсуществовавшей материи, но из ничто. Не понимая этого принципа, абсурдист свидетельствует о его истинности, извращая и пародируя его, пытаясь аннигилировать творение, возвращает мир в то самое ничто, из которого в начале Бог вызвал его. Это можно видеть и в утверждениях абсурдистов, что в центре всего находится пустота, и в присутствии в той или иной мере всем абсурдистам скрытом убеждении, что для человека и его мира было бы лучше вообще не существовать. Эта попытка аннигиляции, эта вера в бездну, лежащая в основе учения абсурдистов, принимает свою осязаемую форму в атмосфере, царящей в произведениях «абсурдного» искусства. В творчестве тех, кого можно назвать обыкновенными атеистами – таких писателей, как Хемингуэй, Камю и множества других художников, чей взгляд не проникает глубже осознания безвыходности ситуации и чье воодушевление не идет дальше некоего стоицизма в попытке взглянуть в глаза неизбежному, – в искусстве этих людей атмосфера пустоты передается через скуку, через отчаяние, которое, впрочем, можно вынести, и вообще через ощущение, что «ничего не происходит». Но есть и другой род абсурдистского искусства, в котором к настроению безысходности примешивается элемент неизвестного, что-то вроде смутного ожидания, ощущения, что в абсурдном мире, где в принципе «ничего не происходит», также и «все может случиться». В этом искусстве реальность превращается в ночной кошмар и земля – в чужую планету, по которой странствуют люди, не столько потерявшие надежду, сколько растерянные, потерявшие уверенность в том, где они, что они могут найти, кто они сами, – во всем, но не в том, что Бога нет. Таков странный мир Кафки, Ионеско и – в менее резкой форме – Беккета, ряда авангардистских фильмов, таких как «В прошлом году в Мариенбаде», электронной и прочей «экспериментальной» музыки, сюрреализма во всех видах искусства, а также современной живописи и скульптуры – особенно с будто бы «религиозным» содержанием, где человек изображен недочеловеком или демоническим существом, всплывшим из неведомых глубин. И это мир Гитлера, поскольку его владычество было совершеннейшим политическим воплощением того, с чем мы сталкиваемся в философии абсурда.

Такая атмосфера возникает, когда «смерть Бога» становится осязаемой. Очень характерно, что Ницше в том же абзаце, где мы из уст сумасшедшего впервые слышим: «Бог умер», изображает все мироощущение абсурдистского искусства:

«Мы Его (Бога) убили, вы и я! Мы все Его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы будто в бесконечном ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь?»¹

¹ The Joyful Wisdom. № 125 / Веселая наука.

Таков абсурдный пейзаж – пейзаж, где нет ни верха, ни низа, ни правды, ни лжи, ни правого, ни виноватого, потому что утрачен общепризнанный ориентир. В другом, более непосредственном и личном выражении откровение абсурдизма проявилось в отчаянном восклицании Ивана Карамазова: «Если бессмертия нет, то все позволено». Некоторым это может показаться криком освобождения, но всякий, кто глубоко размышлял над тем, что такое смерть, или на своем опыте столкнулся с реальным ощущением личной неминуемой кончины, знает об этом. Абсурдист, хотя он отрицает бессмертие, по крайней мере признает, что этот вопрос центральный, – то, до чего не способны додуматься в большинстве своем гуманисты, занятые бесконечными увертками. К этому вопросу можно быть равнодушным лишь в том случае, если не иметь любви к истине или если эта любовь омрачена обманчивыми и преходящими вещами, когда вместо истины люди стремятся получать наслаждения, заниматься бизнесом, культурой, приобретать мирские знания или что-то в этом роде. Самый смысл человеческой жизни зависит от того, правильно или ложно учение о бессмертии человека.

Абсурдист считает, что это учение ложно. И это одна из причин, почему его мир такой странный: в нем нет надежды, смерть наивысшее божество этого мира. Апологеты абсурдизма, подобно апологетам гуманистического стоицизма, видят в этом воззрении «мужество», – «мужество» людей, желающих жить без «утешения» вечной жизнью в конце. Они смотрят свысока на тех, кому нужна «награда» на небесах для оправдания своего поведения на земле. Они думают, что нет необходимости верить в рай и ад, чтобы вести «добрый образ жизни» в этом мире, и их доказательства кажутся убедительными даже для многих называющих себя христианами и готовых, тем не менее, развенчать представление о вечной жизни в пользу «экзистенциального» воззрения, когда верят только в настоящее.

Такие доказательства – худший самообман, еще одна маска, которой люди прикрывают лицо смерти. Достоевский был совершенно прав, отдавая человеческому бессмертию центральное место в своем личном христианском мировоззрении. Если человек в конце концов превратится в ничто, тогда, если рассуждать серьезно, совершенно не важно, что он делает в этой жизни, поскольку ни один из его поступков не имеет в конечном итоге смысла, и все разговоры о том, чтобы «воспользоваться жизнью на все сто процентов», пустые и тщетные. Абсолютно верно, что если «бессмертия нет», то мир абсурден и «все позволено» и не стоит ничего делать вообще: пыль смерти сдувает всякую радость и осушает всякую слезу, поскольку они не нужны. Действительно, лучше бы такому миру не существовать. Ничто в этом мире – ни любовь, ни праведность, ни святость – не имеет ни малейшей ценности или хотя бы малейшего смысла, если человек не переживет свою смерть. Тот, кто намерен вести «добрую жизнь», которая окончится со смертью, не знает попросту, что он говорит, его слова – карикатура на христианскую праведность, которая претворяется в вечности. Только в том случае, если человек бессмертен, имеет смысл то, что человек совершает в своей жизни, – тогда каждый поступок человека становится семенем добра или зла, которое прорастает в этой жизни, но урожай собирается в будущей. С другой стороны, те, кто уверен, что добродетель начинается и кончается в этой жизни, практически ничем не отличаются от считающих, что добродетели вообще нет. Их отделяет друг от друга всего один шаг, причем, как красноречиво свидетельствует история нашего века, логичный шаг, который люди делают очень легко.

В некотором смысле разочарованность предпочтительнее самообмана. Она может привести к сумасшествию и самоубийству, но она способна приводить и к пробуждению. Европа в течение пяти столетий обманывала себя, пытаясь установить господство гуманизма, либеральности и мнимохристианских ценностей, взяв за основу все более усиливающееся скептическое отношение к истине христианства. Абсурдизм – конец этого пути, он является логическим завершением усилий гуманистов смягчить и свести к компромиссу истину, чтобы ее можно было примирить с современными мирскими ценностями. Абсурдизм стал последним доказательством или того, что истина христианства

абсолютна и не идет на компромиссы, или отсутствия истины вообще. И если истина не существует, если христианскую истину не принимают буквально и абсолютно, если Бог мертв, если бессмертия нет, тогда этот мир ограничивается тем, что видим, и тогда это мир абсурда, тогда этот мир – ад. Из этого следует, что абсурдистское мировоззрение отличается некоторой пронизательностью: оно делает выводы из положений гуманизма и либерализма, которых не смогли увидеть сами добропорядочные гуманисты. Абсурдизм нельзя считать простой бессмыслицей, он является частью урожая, семена для которого европейцы сажали на протяжении веков, – семена компромисса и предательства Христовой истины. Впрочем, неправильным было бы преувеличивать, как поступают апологеты абсурдизма, и видеть в нем и родственном ему нигилизме признаки поворота или возврата к забытым некогда истинам или к более глубокому мирозерцанию. Абсурдист, конечно, более реалистично смотрит на злую, негативную сторону жизни, как она проявляется в мире и человеке, но это сравнительно немного, если вспомнить о величайших ошибках, объединяющих абсурдизм и гуманизм. Оба эти мировоззрения далеки от Бога, в Котором одном мир получает смысл; оба они поэтому не дают ни малейшего представления о духовной жизни и опыте, которые насаждает и возвращает один Бог; оба совершенно невежественны с точки зрения того, насколько полно охватывают реальность и человеческий опыт; оба представляют собой архипримитивный взгляд на мир и в особенности на человека. Гуманизм и абсурдизм на деле не столь многим отличаются, как это может на первый взгляд показаться: абсурдизм, в конечном счете, это разочаровавшийся и все же не покаявшийся гуманизм. Он, можно сказать, последняя стадия диалектического удаления гуманизма от христианской истины, когда гуманизм, следуя своей внутренней логике и исходя из своего изначального предательства истины, приходит к самоотрицанию и заканчивает свою историю чем-то вроде гуманистского кошмара, недогуманизма, недочеловечества. Недочеловеческий мир абсурдистов, каким бы странным и ошеломляющим он ни казался, в основе своей мир одномерный, изображенный «таинственным» с помощью разных трюков и самообманов; это пародия на настоящий мир, известный христианам, – действительно таинственный, потому что в нем есть высоты и бездны, какие и не снились абсурдисту, а тем более гуманисту.

Если с интеллектуальной точки зрения гуманизм и абсурдизм – причина и следствие, то, очевидно, они едины в желании уничтожить христианского Бога и тот порядок, который Он в этом мире установил. Это может показаться странным тем, кто с симпатией смотрит на плачевное состояние современного человека, и особенно тем, кто прислушивается к доказательствам апологетов абсурдизма, относящимся к «духу века сего», будто в наш век всякая философия, кроме философии абсурда, невозможна. Доказывают, что мир стал бессмысленным, Бог умер, и все, что в наших силах, – примириться с этим. Однако неглупые абсурдисты знают, что, как сказал Ницше, Бог не просто «умер», но люди «убили» Его. Ионеско в эссе, посвященном Кафке, признает, что «если человек потерял путеводную нить (в жизненном лабиринте), то только потому, что больше не захотел за нее держаться. Отсюда его чувство вины, отсюда его тревога, ощущение абсурдности истории». В действительности же смутное ощущение вины – это, во многих случаях, лишь остаток чувства ответственности человека за состояние современного мира. Но человек ответственен за мир, и поэтому всякий фатализм – пустая выдумка. В этом отношении современная наука не просто нейтральна, но активно враждебна всякой идее о совершенной абсурдности чего бы то ни было, и те, кто использует ее для доказательства бессмысленности мира, не имеют никакого представления о сути дела. Что касается фатализма тех, кто уверен, что человек должен быть рабом «духа времени», то его может разоблачить христианин, достойный этого имени, поскольку жизнь христианина – пуста, если он не борется с духом любого времени ради вечной жизни. Фатализм абсурдиста порожден не знанием или какой-либо необходимостью, но он представляет собой акт слепой веры. Абсурдист, конечно, не пожелает посмотреть в глаза тому факту, что его разочарованность – акт веры, потому что вера противна всякому фатализму и детерминизму. Но в гораздо большей мере абсурдист должен избегать осознания

того, что его мировоззрение – продукт воли, ибо направление воли человека в основном определяет, во что он верит, и вообще все личное мировоззрение, основанное на вере. Христианин, обладающий осмысленным учением о природе человека, глубоко проникающий благодаря этому в человеческие побуждения, прекрасно осознает полную ответственность человека за мир, которую абсурдист предпочитает отрицать. Из этого вытекает, что абсурдист не пассивная «жертва» своего времени или мировоззрения, нет, он, скорее, активный – хотя часто смущенный этим – коллаборационист, приспешник, помощник в гигантском предприятии, затеянном врагами Бога. Абсурдизм – это не мировоззрение прежде всего, это не просто признание факта отсутствия Бога – все это умствования и маски; абсурдизм – это феномен воли, антитеизм, война против Бога и богоустановленного порядка вещей. Наверно, никто из абсурдистов не осознает полностью этого; они не могут и не хотят думать, они живут самообманом. Никто (кроме самого сатаны, первого абсурдиста) не может отвергнуть Бога и, ясно осознавая, отказаться от величайшего счастья, доступного разумному существу, но в душе каждого абсурдиста, в глубине, куда он не желает взглянуть, живет исходное отрицание существования Бога, и это первопричина всех феноменов абсурдной философии, а также бессмысленности, лежащей в основе нашего века.

Если невозможно не сочувствовать по крайней мере некоторым из художников-абсурдистов, видя в них агонизирующее сознание, которое пытается прожить без Бога, то не будем забывать, насколько глубоко принадлежат эти художники тому миру, который они изображают; не будем слепыми к тому факту, что их искусство затрагивает важные струны в душах многих людей, потому что они разделяют ошибки, слепоту, невежественность и извращенную волю нашего века, пустоту которого они изображают. Чтобы перешагнуть через абсурдность, нужно, к сожалению, гораздо большее, нежели самые лучшие намерения, самые мучительные страдания или гениальность. Путь, ведущий к избавлению от абсурда, – только путь истины, и именно этого не хватает как современному художнику, так и его миру, именно это отвергают сознательные абсурдисты и те, кто живет абсурдом, не сознавая этого.

Обобщим диагноз, который мы поставили абсурдизму: это жизнь, это мировоззрение тех, кто не может или не хочет более видеть в Боге начало и конец и наивысший смысл жизни; тех, кто по этой причине не верит, что Бог явил Себя в Христе Иисусе, и не признает существования Царства Небесного, которое Он уготовал верующим и живущим этой верой; тех, наконец, кому некого винить в своем неверии. Но в чем же причина болезни? Каково, помимо всех исторических и психологических причин (всегда относительных), каково подлинное объяснение, духовная причина? Если абсурдизм и в самом деле великое зло, как мы считаем, то к нему люди не могут приходить ради него самого, потому что в позитивном смысле зла не существует, и люди избирают его под личиной добра. До этого момента мы описывали негативную сторону философии абсурда, хаотического, утратившего ориентиры мира, в котором живут сегодня люди, но стоит обратиться теперь к позитивной стороне и обнаружить, во что верят абсурдисты и на что они надеются.

Совершенно очевидно, что абсурдисты отнюдь не счастливы от того, что вселенная абсурдна; они верят в это, но не могут с этим примириться, и их искусство и философия – попытка перешагнуть через абсурдность. Как сказал некогда Ионеско (по-видимому, от имени всех абсурдистов), «бороться с абсурдностью – значит утверждать возможность неабсурдного», и себя он видит участником постоянных поисков выхода. Итак, мы возвращаемся к атмосфере ожидания, которую мы уже отмечали в некоторых произведениях искусства. Это отражает современную ситуацию, когда люди, отчаявшиеся и одинокие, тем не менее надеются на что-то неопределенное, неведомое, то, что должно открыться и вернуть им смысл и цель жизни... Люди не могут жить без надежды, даже совершенно отчаявшись, даже когда все надежды оказались тщетными.

Но это все означает, что пустота, очевидный центр абсурдистского мира, не есть истинная суть болезни, но только ее самый резкий симптом. Подлинная вера абсурдизма, в «Годо»,

который всегда незримо присутствует в абсурдистском искусстве, – в таинственное нечто, которое, будучи понятым, вернет смысл этой жизни.

В отличие от современного искусства, где эти чаяния выражены неотчетливо, у настоящих «пророков» абсурдного века, Ницше и Достоевского, они выражены абсолютно ясно. В трудах этих пророков мы находим самую суть абсурдизма. «Все боги мертвы, – говорит ницшевский Заратустра, – и теперь должен жить сверхчеловек». И ницшевский безумец говорит об убийстве Бога: «Не слишком ли велико это дело для нас? Не должны ли мы сами стать богами, просто чтобы стать достойными этого?» Кириллов в «Бесах» Достоевского знает, что «если Бога нет, то я бог».

Первородный грех и причина плачевного состояния человека во все века заложены в следующем искушении змия в раю: «Будете, как боги». То, что Ницше называет сверхчеловеком, Достоевский – человекобогом, в действительности то же самое обоготворенное «я», которым дьявол всегда искушал человека; «я» – это единственное, чему может поклоняться человек, отвергнувший истинного Бога. Свобода дана человеку, чтобы он избрал либо истинного Бога, либо себя; либо путь подлинного обожения, где «я» смиряется и распинается в этой жизни, чтобы воскреснуть и вознестись в Боге навеки, либо ложный путь самообожествления, который обещает возвышение в этой жизни, но кончается пропастью. Этот выбор, предложенный свободному человеку, единственный и окончательный, и на этих двух возможностях основано два царства – Царство Бога и царство человека, которые в этой жизни может разделить только вера, но в будущей они будут разделены между собой и станут раем и адом. Ясно, к какому царству принадлежит современная цивилизация, со всеми ее прометеевскими попытками построить царство на земле, открыто восстав против Бога; однако то, что более или менее ясно у нынешних мыслителей, абсолютно отчетливо было провозглашено Ницше. Старая заповедь «ты должен» отжила свой век, говорит Заратустра, новая заповедь – «я хочу». И, согласно сатанинской логике Кириллова, «атрибут божества моего – своеволие». Еще не явленная новая религия, которая должна заменить «старое» христианство, которому, как думает современный человек, нанесен смертельный удар, – это в высшем смысле религия поклонения самому себе.

Вот к чему ведет абсурдизм и все тщетные эксперименты нашего времени. Абсурдизм – стадия, когда вместе с современными прометеевскими усилиями возникают тайное сомнение, вопросы и слабое предощущение грядущего сатанинского хаоса, за которым последует конец. Хотя абсурдисты менее доверчивы и более напуганы, нежели гуманисты, они тем не менее разделяют веру гуманистов в то, что современный путь – путь верный, и, несмотря на свои сомнения, они сохраняют надежду гуманистов – надежду не на Бога и Его Царство, но на Вавилонскую башню, воздвигаемую собственными руками человека.

Современные усилия установить царство самопоклонения достигли одной своей вершины в Гитлере, веровавшем в расового сверхчеловека, а другой их кульминацией является коммунизм, сверхчеловек которого – коллектив, чья любовь к самому себе прикрыта видимостью альтруизма. Нацизм и коммунизм – наиболее яркое выражение (их феноменальный успех доказывает это) того, во что верят сегодня все повсеместно, – все, кто не избрал открыто и абсолютно Христа и Его истину. Это означает, что человек, освободившись от ига, наложенного Богом, в Которого он более не верит, даже когда исповедует Его своими устами, вообразил себя богом, хозяином своей судьбы и творцом «новой земли». Создал себе «новую религию» собственного изобретения, в которой смирение уступает место гордости, молитва – мирским знаниям, властвование над страстями – власти над миром, пост – довольству и изобилию, слезы покаяния – суетному веселью.

К этой-то религии своего «я» и указывает путь абсурдизм. Конечно, явные намерения его не всегда таковы, но таково внутреннее содержание абсурдизма. Абсурдное искусство изображает человека узником своего «я», неспособным к общению с ближним и к любым связям с ним, кроме недочеловеческих; в этом искусстве нет любви, там только ненависть, насилие, ужас и скука – потому что, отделившись от Бога, человек отсек себя от своего

«человечества», от образа Божия в человеке. И если такой «недочеловек» ожидает какого-то откровения, которое должно положить конец абсурдности, то это отнюдь не то Откровение, которое известно христианам; единственно в чем согласны все абсурдисты, это в полном отрицании того объяснения мира, которое предлагает христианство. Откровение, которое абсурдист может принять, оставаясь при этом абсурдистом, должно быть обязательно «новым». В пьесе Беккета один из персонажей говорит Годо: «Я хотел бы знать, что он может нам предложить. Тогда мы либо возьмем это, либо оставим». В жизни христианина все соотносится со Христом, старое «я» с его постоянным «я хочу» должно замениться новым, направленным на Христа и на исполнение Его воли; но в духовном мире Годо все крутится именно вокруг старого «я», и даже новый бог вынужден представляться в виде духовного торговца, товар которого можно принять или отвергнуть. Сегодня люди «ждут Годо», антихриста, от которого они ожидают, что он сможет насытить ум и вернуть смысл и радость самопоклонению. В надежде, что он разрешит запрещенное Богом и окончательно оправдает человека. Сверхчеловек Ницше – тоже абсурд. Это современный человек, чье чувство вины подавлено безумным энтузиазмом, порожденным ложной «земной» мистикой и поклонением этому миру.

Где же конец всему этому? Ницше и оптимисты нашего времени видят, что восходит заря новой эры, начинается «история, более великая, чем та, что была прежде». Коммунистическая доктрина подтверждает это, однако коммунистическое преобразование мира в конце концов окажется не чем иным, как систематизированной абсурдностью современной машины, у которой нет никакого назначения. Достоевский, знавший истинного Бога, был реалистичнее. Кириллов, этот второй Заратустра-маньяк, вынужден убить себя, чтобы доказать, что он был богом; Иван Карамазов, мучимый теми же идеями, закончил сумасшествием, как и сам Ницше; Щигалев (из «Бесов»), изобретший первую Совершенную общественную организацию общества, обнаружил, что необходимо обратить девять десятых человечества в абсолютное рабство, чтобы одна десятая могла насладиться абсолютной свободой, – план, который осуществили нацисты и коммунисты. Безумие, самоубийство, рабство, убийство и разрушение – таковы итоги высокомерного философствования о «смерти Бога» и пришествии сверхчеловека; и это наиболее яркие темы абсурдистского искусства.

Многие вместе с Ионеско убеждены, что только с помощью глубокого исследования абсурдной ситуации, в которой оказался человек сегодня, и тех новых возможностей, которые эта ситуация открыла перед ним, можно найти, минуя абсурд и нигилизм, путь к какой-то новой осмысленной реальности: такова надежда абсурдизма и гуманизма, и это станет надеждой коммунизма, когда он войдет в период разочарования. И это тщетная надежда, но именно поэтому она может исполниться. Потому что сатана – карикатура на Бога. Поскольку богоустановленный порядок и смысл, Богом данный, поколеблены и люди больше не надеются на полную осмысленность, которую один Бог может дать человеческой жизни, то противоположный порядок, который создаст сатана, может выглядеть очень привлекательно. Не случайно в наше время ответственными и серьезными христианами, неудовлетворенными ни легкомысленным оптимизмом, ни легкомысленным пессимизмом, снова уделяется большое внимание учению, которое под влиянием философии просвещения и прогресса было на протяжении веков совершенно забыто, по крайней мере в Западной Европе (Джозеф Пайпер «Конец времени»; Гейнрих Шлисер «Начала и Власти в Новом Завете»; и прежде всего кардинал Ньюмен). Это учение об антихристе, признанное повсеместно Восточной и Западной Церквями, учение об этой странной фигуре, которая появится в конце времени. Он будет властителем мира гуманистического толка, во время правления которого будет казаться, что порядок вещей изменился на прямо противоположный, что тьма – это свет, зло – это добро, хаос – это порядок; он – окончательный и главный герой философии абсурда и совершенное воплощение человекобога; он будет поклоняться только самому себе и назовет себя богом. Впрочем, за неимением места, лишь отметим, что такое учение существует и что

антихрист и сатанинский беспорядок и непоследовательность философии абсурда тайно связаны между собой.

Но еще важнее, нежели историческая кульминация абсурдизма (будет ли это действительно царствование антихриста или просто одного из его предшественников), доисторическое его воплощение. Это ад. Ведь абсурдизм, по сути своей, – вторжение ада в наш мир; он возвещает о том, чего все люди стремятся всеми силами избежать. Но избегающие думать об аде еще сильнее к нему прикованы: наш век, первый в христианские времена, когда полностью утрачена вера в ад, исключительно полно воплотил в себе адский дух.

Почему люди не верят в ад? Потому что они не верят в рай, то есть утратили веру в жизнь и в Бога Живаго, потому что считают сотворенное Богом абсурдным и желали бы, чтобы оно не существовало. Старец Зосима в «Братьях Карамазовых» говорит о таких людях:

«О, есть и во аде пребывшие гордыми и свирепыми... ибо сами прокляли себя, прокляв Бога и жизнь свою... Бога Живаго без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтоб уничтожил Себя Бог и все создание Свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти...»

Такие люди, конечно, крайние нигилисты, но они отличаются лишь внешне, но не по сути от тех, кто менее яростно проклинает эту жизнь и находит ее абсурдной, и даже от тех, кто, называя себя христианами, не жаждут Царствия Небесного всем сердцем своим, но воображают себе рай, если вообще верят в него как в туманную реальность сна или упокоения. Ад – вот ответ и конец всех, кто верит в смерть сильнее, нежели в жизнь, в этот мир, а не в будущий, в самих себя, а не в Бога: короче, всех тех, кто в глубине души привержен философии абсурда. Христианство возвещает (Достоевский понял это, а Ницше нет), что нет аннигиляции и нет беспорядка; весь нигилизм и абсурдизм напрасны. Пламя ада – окончательное и ужасающее доказательство этого: всякая тварь свидетельствует, добровольно или против своей воли, о совершенной взаимосвязи вещей. Эта связь – любовь к Богу, и эта любовь есть даже в адском пламени; именно любовь к Богу мучит тех, кто отверг ее.

Так же и с абсурдизмом: это негативная сторона положительной реальности. Есть, разумеется, нечто несоответствующее в этом мире – это то, что сам человек внес в мир своим грехопадением в раю; следовательно, философия абсурда основана не на абсолютной лжи, но на обманчивой полуправде. Однако когда Камю определяет абсурдность как столкновение человеческой жажды разумности и иррационального внешнего мира, когда он считает, что человек – невинная жертва, а мир – преступник, он, подобно всем абсурдистам, преувеличивает глубину своего проникновения в суть вещей, превращая частичную истину в совершенно искаженное мирозерцание, и в своем ослеплении приходит к выводу, прямо противоречащему истине. Вообще абсурдизм – проблема внутренняя, а не внешняя, не мир иррационален и бессмыслен, а человек.

Если, однако, абсурдист полностью ответствен за то, что не видит мир таким, каков он есть, и даже не желает видеть ситуацию, какова она на самом деле, то тем большую ответственность несет христианин, если не показывает пример осмысленной жизни, жизни во Христе. Компромиссы в мыслях и словах, на которые пошли христиане, их небрежность в поступках открывают путь силам абсурда, сатаны, антихриста. Современная эпоха абсурда – справедливое возмездие христианам, которые не смогли быть христианами.

И отсюда ясно, что единственным противоядием против абсурдизма должно стать именно это: мы должны вновь стать христианами. Камю был абсолютно прав, когда сказал: «Мы должны выбирать между чудом и абсурдом». В этом отношении и христианство, и абсурдизм одинаково враждебны рационализму эпохи просвещения и гуманизму, то есть тому мнению, что всю реальность можно истолковать в чисто рационалистическом и человеческом смысле. А потому мы действительно должны выбирать между «чудесным» христианским мировоззрением, в котором Бог – центр и конец которого – Царство Небесное,

и между абсурдным, сатанинским мировоззрением, в центре которого падшее «я» и конец которого – ад: ад и в этой жизни, и в вечности.

Мы снова должны стать христианами. Бессмысленно, воистину абсурдно говорить о преобразовании общества, об историческом переломе, о вхождении в эпоху «надабсурдную», если нет Христа в наших сердцах; и если Христос в наших сердцах, то все прочее не имеет значения.

Конечно, возможна эпоха «надабсурдная», но вероятнее всего – и христиане должны быть к этому готовы – ее не будет, и век абсурда – последнее время. И может случиться, что последнее, чем христиане смогут засвидетельствовать об истине, это своей мученической кровью.

И это повод к радости, а не к отчаянию. Потому что надежду свою христиане полагают не в этом мире и в его царствах – надежда на это была бы верхом абсурда, – христиане уповают на Царствие Божие, которое не от мира сего.

Путь ко спасению в современном мире

Введение

В нашей современной жизни, в реальности, окружающей нас, нет того, что могло бы вдохновлять верных Христовых, подобно тому, что было в древние времена: обращение к вере истинной целых народов, расцвет монашества, ревность к святому Православию. Наоборот, мы видим вокруг то, от чего можно пасть духом и опустить руки. Могут спросить, почему сейчас нет великих святых, подобных древним святым? Исторически это очень понятно. Была эпоха апостольская, было время, когда целые народы еще не знали истинной веры, и апостолы были посылаемы для их обращения. В наше время практически весь мир уже слышал о Христе, и очень мало осталось на земле таких абсолютно языческих племен, которых бы не достигло Слово Божие. До нас порой доходят сведения о проповеди Православия диким племенам Восточной и Центральной Африки. Но в большинстве областей земного шара люди духовно и нравственно истожились и истрепались. Они когда-то уже слышали о христианстве, а теперь оно им надоело и они от него устали. Трудно вдохновиться при виде всего этого. Однако то там, то здесь появляются немногочисленные новообращенные, которые видят в христианстве нечто свежее, нечто отличное от обыденного о нем мнения. И все же мало, очень мало вдохновляющего в этом мире, если взглянуть на него глазами Православия.

1. Условия современной жизни

Разумеется, для всего этого есть определенные причины.

Условия жизни в современном мире весьма отличны от тех, что были в прошлом. Сам феномен апостасии, феномен отпадения от истины, заключается в том, что люди не могут свежо воспринимать благовестие. Они уже слышали о нем, и у них есть прививка против него. Поэтому очень мало кто из них, услышав проповедь Православия, обращается к нему.

Другой причиной, другой характерной чертой духа времени, отличной от прошлого, является атмосфера Микки-Мауса. Серьезность – вот что отсутствует в духе времени. И это отсутствие серьезности вошло в привычку и в быт: расслабься, относись ко всему легко, важного ничего не происходит; что бы ни случилось, не принимай близко к сердцу.

Молодежь нашего времени поглощена фантастическим миром телевидения. Вся наша душевная жизнь и даже религиозные взгляды подпадают подчас под воздействие этой

атмосферы. Во Флориде проживает один очень честный, очень серьезный протестант-фундаменталист. Он владеет большим участком земли как раз по соседству с Диснейлендом. И он вознамерился построить на этой земле точное подобие Иерусалимского храма для того, чтобы отвлечь посетителей Диснейленда от мирского и привлечь к духовному, но... на том же уровне. Посетители будут расточать ахи и охи, ведь это будет нечто подобное тем волшебным замкам, которые они видели в Диснейленде. Вся эта атмосфера – вся эта нереальная киношная атмосфера – не только в духе времени, она вошла в наши дома. Она оказывает влияние на то, насколько серьезно воспринимается жизнь, на то, как воспитывают детей. Впрочем, детей больше не воспитывают. Сама идея, что их нужно воспитывать, нужно возвращать в определенном духе и принципах, – сама эта идея отсутствует. Они сами собой возвращаются, проходят через все влияния окружающего мира, и в результате получается нечто очень несерьезное. Это главная причина, почему, когда дети вырастают, многие из них просто сходят с ума, приобщаются к различным диким и ужасным религиям, становятся наркоманами, преступниками, совершают множество безумных поступков. В детстве они не познали реальную земную истинную жизнь ни в плане духовном, ни просто в серьезном отношении к тому, как прожить день за днем. Это одна из главных причин, которые делают нашу жизнь столь отличной от прошлого и гораздо более трудной для духовного делания.

Еще одной причиной являются современные бытовые удобства, которые, несомненно, ведут к обезличиванию, обезчеловечиванию и побуждают людей беспокоиться не друг о друге, но более о вещах, машинах, приспособлениях для комфорта. Сама идея телефона означает, что вы можете немедленно войти в контакт с человеком для передачи ему сообщения – и в этом также момент обезчеловечивания. Если вам нужно пройти большое расстояние, чтобы повидаться с человеком, то состояние вашей души будет другим, нежели если вам просто достаточно набрать номер телефона. Все это делает наши времена весьма отличными от того, что было в прошлом, и очень затрудняет всякую духовную активность, будь то апостольство, миссионерская деятельность, просто обычная духовная жизнь мирянина, монашеский подвиг и прочее.

К тому же есть еще нечто в атмосфере нашего времени, что нам, православным, следует иметь в виду: это сила традиции. Если мы решим, что все, что Церковь дает нам, является уже как бы законченным, завершенным в самом себе, самодостаточным, не требующим с нашей стороны никакого усилия, то есть таким, что мы можем принимать как бы само собою разумеющимся, – такое отношение уже духовно убивает нас. Так все, что ни есть высокого, требует борьбы, требует усилий для достижения. Вот одна из причин, почему современные удобства ведут к обезличиванию. Попытка сделать все в мире более удобным, чем сотворил Господь, лишает мир элемента борьбы, которая является тканью жизни.

Ввиду всех вышеизложенных причин атмосфера современности является для духовной жизни угнетающей. Вот пример реального взгляда на жизнь: худшие люди просто погружаются в греховную жизнь, а лучшие теряют смысл жизни из-за отсутствия духовности. Не к чему больше стремиться, все отнято, материализм торжествует, для мира не остается надежды, и «зверь грядет, чтобы родиться» – грядет антихрист. Мир безнадежно стремится вниз, и нет возможности остановить это стремление.

2. Не зависящая от времени духовная жизнь

Всё это негативные стороны нашей действительности, составляющие значительную долю той атмосферы, которой мы вынуждены дышать.

С другой стороны, мы имеем Откровение Православия, то есть Откровение Бога Своей Церкви. Это Откровение, дающееся нам уже в течение двух тысяч лет, очень богато. Оно включает свидетельство Священного Писания и творения святых отцов. Оно помогает нам иметь определенный духовный взгляд, определенный закон духовной жизни. Духовная жизнь и ее цели не изменяются в зависимости от времени. Мы знаем, что с момента первой

проповеди Евангелия и до сего времени со всех концов мира собираются граждане одного и того же града, чтобы сделаться чадами Царствия Небесного. Все граждане этого града говорят на одном языке, все понимают друг друга, потому что они прошли одну и ту же жизнь в Православии, прошли через одну и ту же брань по законам духовной жизни.

Святые отцы говорили о последних временах как об очень слабых, когда не будет таких великих знамений, какие совершались в ранние апостольские времена и первыми монахами в пустынях, когда было сотворено множество чудес. Великие отцы воскрешали умерших, происходило множество чудесных явлений; и те же святые отцы утверждали, что придут времена, когда подобные дивные чудеса прекратятся, что перед концом света почти не будет ничего подобного, что те, которые будут идти по пути спасения, ничем по виду не будут отличаться от других, за исключением того, что в них каким-то образом не умрет борьба со всеми этими искушениями. Просто одно лишь сохранение живой искры истинной христианской веры, без совершения чудес или вообще чего-либо особенного, уже сделает их, если они претерпят до конца, столь же великими или даже более великими, чем те великие отцы, которые творили необыкновенные чудеса.

Таким образом, в наше время внешняя активность для православных христиан, по-видимому, весьма ограничена в сравнении с прошлыми временами. По-видимому, это так. И все же внутреннее духовное делание так же возможно, как и прежде, для тех, кто не хочет устраниваться от брани. И действительно, оглянувшись вокруг, мы видим поразительные примеры: святой праведный Иоанн Кронштадтский, совершивший тысячи чудес, – возможно, больше чудес, чем кто бы то ни было в истории Церкви; святитель Нектарий в Греции, смиреннейший человек, презираемый за плохое управление своей епархией, но чудотворец, особенно после смерти; и наш архиепископ Иоанн [блаженный святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (1896–1966). – Прим. ред.], который жил вот на этой земле, ступал по ней, благословляя округу, особенно благословляя Курскую иконой Божией Матери. И мы убеждаемся, глядя на этих людей и видя в них столпов духовной жизни, что можно быть подвижником даже в наши немощные времена.

3. Не быть слепыми

Все это дает возможность сделать некоторые практические выводы касательно тех качеств, которые необходимы для того, чтобы духовная жизнь была истинной. Во-первых: мы должны уметь видеть вещи такими, какие они есть, то есть мы не должны быть слепыми, не подвизаться и не жить слепо, не думая о том, что творится в мире. Мы должны осознавать, что живем во времена апостасии, что в мире есть много людей, называющих себя христианами, но христианами не являющихся; они очень разные и часто враждебны друг ко другу и к нам. Мы должны знать, что не может быть того, что все они правы и находятся на верном пути. Мы из истории знаем, какое множество искажений, ошибочных взглядов, неправильных действий примешивалось к христианству. Мы являемся свидетелями ужасающего революционного демократического движения в современном мире, то есть движения, абсолютно чуждого христианству, целью которого является построение всемирной богоборческой империи, первым провозвестником которой является коммунизм. Причем это движение распространено не только среди неверующих, не только среди неправославных, но и в среде самих верных. Оглядываясь кругом, мы видим, что многие православные просто полностью земные и не думают о высокой стороне своей веры. Они относятся к ней как к чему-то само собой разумеющемуся. Они как бы говорят: «В нашей религии все установленное осуществляется автоматически. Всегда где-нибудь есть священник. Если его нет в этом городе, то он есть в другом. У него Таинства и святое причастие. Мы просто поедem к нему и получим все, что нам нужно. Потом мы вернемся домой. Вот и все... И наши религиозные потребности удовлетворены».

Читая о жизни христиан в прошлом, мы видим, что это не считалось достаточным даже самыми простыми верующими. Они всегда делали нечто сверх этого автоматического уровня. Они вставали очень рано утром. В каждом селе совершались ежедневные богослужения. В четыре-пять часов начинались часы; люди просыпались и шли в храм каждое утро, а вечером – на вечернее богослужение. Читая жития многих святых, мы узнаем о том, с каким чувством они в детстве слушали звон церковных колоколов. Если ребенок проявлял особую ревность ко Богу, то он, бывало, первым вставал поутру и будил родителей, чтобы идти к службе. Если отец не мог идти, так как должен был работать в поле, ребенок будил мать и с нею шел в храм. Иногда он шел один. Вся атмосфера была пропитана церковностью. А наша атмосфера пропитана миром. В целом мире мы найдем не много таких мест, где хотя бы совершаются ежедневные богослужения. Люди отвыкают от самой необходимости ежедневных церковных служб. И вот ввиду всего этого мы сталкиваемся с феноменом огромной важности: обмирщенное отношение к жизни самих тех людей, которые находятся внутри церковной ограды. Мы должны оценивать этот феномен реалистично – таким, каким он является: это апостасия, искажение, зло, демоническая активность и обмирщение в таком масштабе, в каком оно ранее еще никогда не существовало в истории мира. Все это антидуховно, антиправославно. Все это ведет вниз; и тех, кто идет этим путем, он не приведет ко спасению.

И вот, трезво все это оценивая, мы должны правильно вести брань со злом и для этого должны уметь правильно избирать поле брани. Нужно каждому научиться узнавать, как и где вести эти бранные действия. Это очень важно, потому что очень легко в начальной стадии совершенно сбиться с пути, случайно натолкнувшись и прочитав книгу, в которой говорится о духовной жизни, об исихазме и тому подобном.

4. Имитация духовной жизни

Епископ Феофан Затворник (†1894), цитируя и переводя святых отцов, намеренно пропускал те места, где говорится о физическом аспекте молитвы. Он поступал так, зная, что даже в его время – в XIX веке – многие примут эти аспекты за конечную цель и станут осуществлять имитацию, не поняв сути. Поэтому епископ Феофан попросту исключил все это в своих переводах. Теперь, однако, многие из этих трудов переведены и начинают публиковаться, и вы можете прочитать о том, какую позу вам принять, сидя на стуле, опустив голову и т. д. И люди начинают имитировать. Они начинают думать: «вот оно!» И неизбежно, если долго поститься и делать определенные упражнения, с вами начинает что-то происходить. Но это не духовная жизнь. Наоборот, можно быть уверенным, что мы имеем дело с бесовской активностью. Истинная духовная жизнь гораздо глубже укоренена в реальности, и ее нельзя обрести подобной поверхностной имитацией. Обычно нетрудно узнать людей, которые относятся к духовной жизни не серьезно, а пытаются ее имитировать. У нас даже есть пример из истории нашего братства.

В Сан-Франциско жил некий человек, который возгорелся идеей Иисусовой молитвы. Он постепенно увеличивал количество молитв, пока не дошел до пяти тысяч. Живя в миру, посреди шумного города, он по утрам, прежде нежели приступить к какому-нибудь делу, до еды, произносил, стоя на балконе, по пять тысяч Иисусовых молитв и чувствовал себя удивительно освеженным и приподнятым. Но однажды утром, когда он приступил к последней тысяче, под балконом появился человек, который стал заниматься какими-то своими делами. И вот наш молитвенник настолько был выведен из себя этим появлением, что стал швырять в того человека посудой. С какой точки зрения нам следует оценивать его, занятого духовной жизнью, творящего молитву Иисусову, если вдруг в процессе этой молитвы он может начать кидаться посудой? Это означает, что внутри у него страсти были на свободе, потому что у него была особого рода обманчивая идея или мнение касательно того, что такое духовная жизнь. Он и действовал, исходя из этого мнения, а не трезво, то есть

исходя из знания, и при первой возможности страсти вырвались наружу. В таком случае гораздо более полезным является не выговаривать по пяти тысяч молитв, а делать что-то другое, что является духовным. Поэтому это не должно быть полем нашей брани. Нам следует начать ее именно на уровне трезвого взгляда на мир, без всякой слепоты, путем осознания, что мы окружены силами мира сего. Мы должны бороться с ними тем, что постоянно держать наш разум вверху, а не внизу, то есть видеть небесное, а не зарывать разум в вещах земных (я дальше объясню, что это значит). С точки зрения практики мирской жизни это означает, что нам следует быть немного сумасшедшими, то есть не идти в ногу с большинством членов Церкви. Нас будут считать по меньшей мере немного странными, а то и просто ненормальными. Однако это необходимое и корневое условие, и я к этому еще вернусь.

5. Смотреть вверх

Священное Писание и творения святых отцов, жития святых, церковные службы – все это имеет целью не нашу повседневную мирскую жизнь, но это – указание пути на небо. Если мы направляем наши взоры к этой высокой цели, то мы обретаем ревность, то есть способность видеть нечто выше этой суетной мирской жизни, которая вселяет скуку, обессиливает, заставляет падать духом и не ведет ко спасению. Но это – нечто более высокого порядка: церковные службы, рассказы людей, которые побывали в ином мире и вернулись к жизни после смерти (см., напр., книгу отца Серафима «*Душа после смерти*». – Прим. ред.), жития святых, творения святых отцов, Священное Писание, толкования святых отцов на Священное Писание (которые отличаются очень большой глубиной), – все это возбуждает в нас ревность, если только мы имеем искру любви Божией в нас самих. Мы хотим оставаться постоянно в этом состоянии, чтобы обрести небо. Но эта ревность не должна быть страстным порывом, который потом улетучивается. Она должна уметь продолжаться. А для этого ей должна быть присуща умеренность, происходящая от чего-то более глубокого, – того, что преподобный Серафим называет «*решимостью*». То есть ревность, которая постоянна и продолжается, представляет собой некую постоянно присутствующую в вашей жизни основу. Она заставляет вас идти вперед и в случае неудач, потому что вы чувствуете, что есть нечто более высокое, чем то, к чему вы в настоящий момент стремитесь, – нечто не зависящее от ваших настроений и мнений, нечто, чем вы должны постоянно обладать. Оно есть ваша решимость достичь небесного. И эта решимость или, лучше сказать, эта ревность, ставшая решимостью, должна быть постоянной, то есть не взлетать вверх, не падать вниз и не сгорать.

Во всем, что случается, нужно видеть высшую сторону, то есть духовную. Потому что если мы будем видеть то высшую сторону, то низшую, – мы будем идти то вверх, то вниз. А низшая сторона очень сильна. Она может действовать даже через епископов, то есть именно через тех, которые, как предполагается, в первую очередь должны быть пастырями своей паствы на пути в Царствие Небесное. Они тоже люди и могут подпадать под власть греха. В наше время дело обстоит, конечно, еще хуже, чем прежде. Поэтому если мы временами будем смотреть вверх, а временами вниз, делать один шаг вперед и один назад, а потом один вперед – два назад, то мы никогда не придем к вратам Царства Небесного.

Вот интересная цитата из аввы Дорофея, которая поможет понять вышесказанную мысль: «Хорошо для тебя, о брат, как я всегда наставляю тебя, чтобы всякую надежду во всяком деле ты возлагал бы на Бога и говорил себе: ничто не происходит без Божией воли. Конечно, Бог знает, что то или иное хорошо для тебя и полезно, и потому делает так, хотя происшедшее имеет и некую свою видимую причину. Например, я мог бы сказать себе, что от того, что я трапезую с паломниками и принуждаю себя насыщаться сверх меры, чтобы не быть негостеприимным, мой желудок отяжелевает, ноги немеют и я чувствую себя больным. Я мог бы найти и другие причины. Для тех, кто ищет причин, – их всегда хватает. Но

полезно и правильно сказать себе так: Бог знает, что это хорошо и полезно для моей души, и потому так все происходит. Потому что из всего, что Бог создал, ни о чем нельзя сказать, что оно нехорошо. Потому что вначале Он все сотворил добрым – и все было действительно добро. Поэтому не следует печалиться о том, что случается, но возлагать надежду на Божественный Промысл и успокаиваться» (Наставления аввы Дорофея. Ч. 12).

6. Искать истинные причины

Есть одна очень интересная книга, написанная во времена аввы Дорофея (VI век) святителем Григорием Турским, «История франков». В ней рассказывается о жизни королевского двора и о христианах того времени. В книге приведены очень интересные жития многих святых и описание жизни королей. Монархов того времени отнюдь нельзя назвать образцами добродетели. Они постоянно отравляли друг друга... Женщины были еще хуже. Там была некая Брунгильда и ее сестра Фредегунда. Они стремились посадить на трон своих сыновей и внуков. Что они только ни делали, чтобы достичь этого! Они привязывали людей к конским хвостам и так умерщвляли их; они были чудовищными клятвopреступницами и умели ткать фантастические сети лжи и обмана – совсем не вдохновляющее зрелище. Но этот епископ, святой Григорий, он жил тогда и писал историю своего народа, писал так, что она получилась очень вдохновляющей. За всеми явлениями в мире стоит «смысл». Святитель Григорий постоянно наблюдал за кометами, за землетрясениями и подобными явлениями. Когда король совершает что-либо дурное, то случается землетрясение; или если он убивает человека или казнит целую деревню несправедливо – случается голод. И святитель Григорий ощущает, что Бог все видит, и за всеми явлениями виден некий духовный смысл – будь то комета, или смерть короля, или другое что. Он всегда видит связь между тем, что случается в мире, и моральным состоянием народа. Даже при очень плохом нравственном состоянии постоянные землетрясения, голод и тому подобное напоминают нам, что мы ведем себя дурно, и наставляют нас на правильный путь. В наше время историки говорят, что такой образ мыслей ужасно устарел, что он «странный», «наивный» и не «утонченный» и что, конечно, в наше время никто так мыслить не может. Они находят весьма интересным и поучительным рассматривать прошлое через призму нашего времени и узнавать, как люди тогда осмысливали мир. «Но, конечно, – говорят они, – мы, серьезные ученые, должны видеть истинные причины». Под истинными причинами они подразумевают, что человек ел и как пища отразилась на его поведении и действиях. Христианская точка зрения заключается, однако, в том, что это не истинные причины, а второстепенные. Истинной причиной является душа и Бог: действие Божие и действие души. Эти два фактора творят историю. Все же остальные, внешние факторы – какой договор был подписан или экономические причины недовольства масс и т. п. – являются абсолютно второстепенными. Действительно, если взглянуть в современную историю, во все эти революционные демократические движения, то становится очевидным, что не экономические факторы являются их двигателем, а запавшие в души людей различные идеи о возможности построения земного рая. Как только такая идея западает в душу, происходят невообразимые вещи, потому что это духовный фактор. Хотя даже эта идея от дьявола, но она относится к сфере духа, а в этой сфере и творится история; внешние же факторы не значат ровным счетом ничего.

Поэтому святитель Григорий смотрит на историю с правильной точки зрения, так как он знает, что есть первопричина, то есть как Бог действует в мировой истории и как душа откликается на это действие, и что видимые события являются вторичной причиной. Поэтому, когда он видит какое-нибудь значительное явление – комету или затмение, он пытается найти его значение. В одном месте, когда он рассказывает о странном знамении в небе над Гаулом, он с простотой заявляет: «Я совершенно не понимаю, что бы это могло значить». Конечно, мы знаем, с научной точки зрения, что подобные явления могут быть

предсказаны, что некоторые из них вызваны тенью луны и прочее, но с точки зрения святителя Григория нужно задать вопрос: почему Бог решил устрашить нас подобным образом, каково моральное значение этого? Святитель Григорий постоянно смотрел вверх, а не вниз.

7. Всегда радоваться

Все современное видение мира заключается в том, чтобы смотреть вниз и находить причины, вторичные причины. Христианское видение мира – это смотреть вверх. И поэтому в людях, подобных святителю Григорию, как мы можем видеть, читая их писания, постоянно присутствует радость. Это не значит, что они счастливы каким-то поверхностным, преходящим счастьем, но, скорее, они находятся в состоянии глубокого счастья, потому что их взор постоянно устремлен вверх и их духовный разум с постоянством и решимостью устремлен к определенному месту, которого они хотят достичь, то есть – к небу. И поэтому они все вещи в мире рассматривают в этом свете. Если то, что они видят, имеет отношение ко злу, к козням дьявола, к приманкам мира сего, к разврату и разложению или просто к обычным материальным вещам и явлениям, – все это они считают вторичным и никогда не дают этому первое место. Действительно, святые отцы учат нас, что мы во всем должны видеть что-либо полезное для нашего спасения. Если вы так можете видеть, то вы можете быть спасены.

Приведу такой прозаический пример. Вы работаете за печатной машиной и с удовлетворением наблюдаете, как из нее выходят чисто и аккуратно отпечатанные страницы. Это вселяет в душу приятное чувство удовлетворения, и вы мечтаете о миссионерской деятельности, о рассылке как можно большего числа копий. Но вдруг что-то происходит с машиной. Она выходит из строя, начинает разбрасывать страницы направо и налево; страницы сминаются и рвут друг друга, и предмет вашего удовлетворения превращается в причину ваших мучений. Вы видите, что часть копий, на которые вы рассчитывали, уничтожили друг друга, и в конце концов все, что вы можете делать, это оставаться у машины, читать молитву Иисусову и пытаться что-то исправить. Хотя это и не наполняет душу удовлетворением (как было, когда свежие, аккуратно отпечатанные листы выходили из машины), однако в духовном плане все это может быть еще более полезным, так как заставляет вас собраться, сосредоточиться и дает повод для борьбы. Но если вместо этого вы отчаиваетесь настолько, что в бессилии сердитесь на машину, тогда вы проиграли сражение. Выигрыш сражения зависит не от того, сколько копий в час сделает ваша машина, а от того, в каком состоянии ваша душа. Если ваша душа в состоянии спастись и производит слово, которое может спасти других, – тем лучше. Но если вы производите слова, которые могут спасти других, и в то же время разрушаете собственную душу – какая в том для вас польза?

8. Ежедневная духовная пища

И опять я хочу сказать то же самое: необходимо смотреть на верхнюю сторону всего, а не на нижнюю, вверх, а не вниз, устремлять взгляд к Царству Небесному, а не к деталям земной жизни. Точнее, детали земной жизни должны стоять на втором плане, а это стремление к небу должно быть исполнено ревности, решимости и постоянства. Постоянство – это качество, вырабатываемое с помощью особого режима духовной жизни, основанного на питании мудростью святых отцов, а не просто на традиции ради традиции. Иными словами, оно должно быть основано на усвоении того, что богодухновенная мудрость святых отцов предлагает нам в их творениях. С другой стороны, это постоянство вырабатывается с помощью молитвы. Все основные молитвы дошли до нас в богослужебных текстах. Конечно, в различных местах и в различных обстоятельствах молитвы творятся соответственно возможности и силе – в большей или меньшей степени.

Постоянство включает регулярное чтение духовной литературы, например во время трапезы, потому что нам необходима постоянная прививка против духа времени. Мы постоянно должны принимать эту духовную пищу, предоставляемую нам в церковных службах и чтении для того, чтобы бороться против духа мира, который гнетет нас и постоянно старается подчинить себе. Если хотя бы на один день мы прекращаем прием слов Священного Писания и святых отцов, – это означает, что мир начинает преобладать в нас. Если мы проживем без них один день, мир внедряется в нас; два дня – он захватывает нас еще больше. Мы вскоре обнаруживаем, что все больше и больше начинаем думать по-мирскому; и чем больше мы начинаем так думать, тем в большей степени теряем духовный разум.

Этот прием, ежедневный прием духовной пищи, является внешней стороной дела, а внутренней стороной является духовная жизнь. Духовная жизнь не означает пребывание в облаках и творение молитвы Иисусовой или совершение каких-то телодвижений. Она заключается в раскрытии законов духовной жизни в таком ракурсе, в каком они применимы к данному человеку в его ситуации, в его условиях. Это вырабатывается с годами путем внимательного чтения святых отцов, с записной книжкой, куда мы выписываем те цитаты из них, которые нам кажутся наиболее важными для нас, изучаем их, определяем, в какой степени они подходят нам, и в случае необходимости находим параллельные места у других святых отцов, сопоставляем, вдумываемся, глубже постигаем смысл и т. д. Если вы захотите найти готовый и исчерпывающий ответ по какому-либо вопросу и с этой целью возьметесь штудировать святых отцов, то ваше намерение обречено на неудачу. Правда, имеется несколько указателей к творениям святых отцов, но это не путь к вступлению в духовную жизнь. Вы должны вступать в нее понемногу, воспринимая учение святых отцов в той степени, в которой вы можете воспринять, возвращаясь к тем же текстам по прошествии времени, воспринимая их смысл глубже и в конце концов приходя к ясному пониманию, в какой форме законы духовной жизни применимы к вам. Если вы так будете поступать, то при чтении того же самого святого отца вы будете находить все новое и новое. Вы будете проникать в него глубже и глубже.

9. Поддержание ревности

Тот, кто имеет все это в виду и постоянно принимает духовную пищу, тот не скажет, что современная ситуация в Церкви является безнадежной и что ничего нельзя уже сделать. На самом деле пути для делания в наше время могут быть до удивления необычными и неожиданными. Что из этой вашей активности выйдет – мы не знаем. Есть много возможных вариантов. Нам следует приучить себя ожидать неожиданное, быть готовыми к такому пути, который во многом отличается от того, что могло быть еще совсем недавно, но который тем не менее лежит в сфере и возможностях истинного, православного христианства. Видение этого пути зависит от умения смотреть вверх, а не вниз. Непосредственно перед нами пример человека, который постоянно пребывал в этом состоянии. Это наш архиепископ Иоанн. Совершенно очевидно, что он постоянно пребывал в ином мире. Я вспоминаю, как он сам говорил проповедь о духовной жизни. Он говорил так: «У нас нет ничего подобного тому, что характерно для поздних святых латинской Церкви, которые как бы постоянно пребывали в облаках, в какой-то сфере сладости и света, и в розовых облаках. Это – "прелесть". Вся наша святость основана на том, чтобы наши ноги стояли твердо на земле и, будучи, таким образом, постоянно на земле, чтобы мы постоянно свой разум устремляли кверху». Совершенно очевидно, что архиепископ Иоанн был сам именно таков. Когда он, бывало, приходил в наш магазин, расположенный рядом с собором (в Сан-Франциско), то у него всегда было, что сказать нового и вдохновляющего. При нем всегда был небольшой портфельчик, и он, бывало, открыв его, говорил, например: «Посмотрите, это портрет святого Албана, а вот его житие». Он где-то его нашел. Он собирал подобные вещи: жития

румынских святых, например, и всякого рода вещи, никакого отношения не имеющие к обыденной деловой жизни или к администрированию епархией. Некоторые считали его плохим администратором. Я не знаю этого. Я сомневаюсь в этом, потому что знаю, что когда кто-нибудь писал ему письмо, то очень быстро получал от него ответ на том языке, на котором было написано письмо. Следовательно, к подобным делам он относился очень внимательно и заботливо. Но с наибольшим вниманием, с наибольшей заботой он относился к тому, чтобы быть постоянно в ином мире, быть им постоянно вдохновляемым и оживляемым. Противоположным путем является путь превращения Церкви в своего рода предприятие, желание следить только за административной стороной, за экономической стороной или даже ниже – за тем, чтобы жизнь Церкви строилась и протекала не по законам духа и истины, а по законам мира сего. Если подобное практикуется длительное время, то теряется искра, теряется высшая сторона реальности. Архиепископ Иоанн дает нам пример того, как постоянно глядеть на эту высшую сторону реальности, глядеть вверх, постоянно устремлять свой разум к вещам высшего порядка; и чем больше вы входите в этот высший порядок, тем больше убеждаетесь, что другого пути нет, других возможностей нет. Если вы, будучи православным христианином, будете пребывать в таком настроении, то люди будут считать вас ненормальным, называть «тронутым» и т. п., но у вас будет своя собственная жизнь, ведя которую вы достигнете неба. Альтернативой является быть похороненным в этом унылом мире, полностью заполненном механизмами, приспособлениями для комфорта и мнениями. Удивительно, насколько эти мнения о том, что хорошо, что плохо, что нужно делать и что не нужно, – насколько они не соприкасаются с реальностью, не входят в нее. Так, например, распространилось мнение (и это очень характерно для тех из числа Церкви, которые перестали думать о высшем), что будто бы, когда идешь в храм, нужно быть обязательно тепло одетым, потому что якобы невозможно следить за богослужением и готовиться к причастию, если тебя беспокоят замерзшие ноги. «Это большой недостаток, – говорят они вам. – Если у вас замерзли ноги, не будет вам ни духовной жизни, ни благодати». Таково мнение. И оно абсолютно ложно. Святые отцы в разные времена жили в самых разнообразных условиях, и хотя не следует намеренно мучить себя замерзшими ногами, однако такое обстоятельство может послужить на пользу: может помочь вам несколько трезвее отнестись к духовной жизни и возблагодарить Бога за земные блага, которых мы можем ежеминутно лишиться, а не считать само собой разумеющимся весь этот комфорт, уют и прочее. В наше время, если кто-либо хочет что-то сделать в Церкви, но не обладает постоянным вниманием и устремлением к небесному, он потеряет искру ревности, интерес к духовному, станет мирским. Мирской – значит мертвый, духовно мертвый.

10. Разум отцов

Очень трудно в наше время устремлять взгляд к небу из-за тяжелого груза, мертвого груза окружающих нас мирских вещей. Но даже при небольшой борьбе, если только она осуществляется с постоянством, у человека начинает формироваться отличная от мирской точка зрения на жизнь, совершенно иной образ действий. Любое духовное делание, которое может проявиться в условиях нашего времени, любая православная миссионерская деятельность, апостольство и т. д. должны быть основаны на таком восприятии жизни. Они должны быть основаны на том, чтобы в первую очередь определить, чего хочет от нас Бог, в первую очередь смотреть наверх, на высшую сторону, на то, чему учили святые отцы, и только во вторую очередь – вниз, на практические средства, на финансовые проблемы, даже на такие вещи, как болезнь, потому что болезни всегда посылаются для нашей пользы, и нам нужно научиться извлекать из них пользу. Того, кто не может так думать и поступать, того груз будет тянуть вниз, особенно в наши дни. И если человек будет оглядываться назад и в первую очередь будет смотреть на людей, он увидит, что девяносто девять процентов из них станут тянуть его вниз, потому что у них свои проблемы; и их страсти, их исповеди тяжелым

грузом влекут его вниз. Если эта сторона жизни становится для человека слишком важной, то она просто будет тащить его назад и он не сможет вести людей к небу. Поэтому, разумеется, священник, духовный наставник прежде всего должен вести к небу самого себя, а затем уже других, устремляя взор свой к другому миру. Нам не нужно воображать себе этот другой мир и составлять о нем мнения, потому что мы обладаем самим этим сокровищем – разумом святых отцов, который в виде их творений теперь по большей части доступен читателю. В недавние времена у нас были такие великие отцы, как епископ Игнатий (Брянчанинов, † 1867), который был одним из самых пронизательных разоблачителей апостасии и одним из лучших толкователей святых отцов. Нам необходимо понять их язык, понять их видение мира, потому что это есть Православие. Конечно, Православие не претерпевает изменений с течением времени. Изучая мир протестантов или римо-католиков, мы видим, что некоторые духовные писатели устаревают. Потом они снова могут входить в моду, когда другие выходят из моды. Так происходит, очевидно, потому, что они связаны с мирскими вещами, которые импонируют читателю в какой-то определенный период времени, – вернее, импонируют духу времени.

Не так обстоят дела с творениями православных святых отцов. Как только мы становимся в полной мере причастны православному христианскому мировоззрению – говоря попросту, христианскому мировоззрению, которое от Христа и апостолов дано нам до сего дня, тогда все становится современным. Вы читаете кого-нибудь, например преподобного Макария, который жил в египетских пустынях в четвертом веке, и он обращается непосредственно к вам сейчас. Условия его жизни были несколько другими, тем не менее он обращается непосредственно к вам на вашем языке. Он направляется туда, куда и вы идете; он так же, как и вы, смотрит на окружающее; у него те же искушения и падения, что и у вас, и нет в нем ничего чуждого вам. То же самое можно сказать и о других отцах с древнейших времен до нашего века, как, например, святой праведный Иоанн Кронштадтский († 1908). Они все говорят на одном языке, на языке одного и того же рода – на языке духовной жизни, в который нам следует проникнуть. Когда мы этого достигнем, тогда мы сможем спасти самих себя; и – более того – согласно словам преподобного Серафима: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Не нам подсчитывать, спасутся ли вокруг нас тысячи. Наше дело – стяжание мирного духа – Святого Духа, а остальное предоставим Господу.

11. Новые возможности

Мы в наше время можем ожидать много удивительного. Поэтому у нас не должно складываться мнение, что все безнадежно завязло, никто не ищет истины, все погибает... Все это мнение, а мнение есть первая стадия прелести. Мы не должны увязать во мнениях. Наоборот, нам нужно взглянуть на все свежим взглядом, то есть глазами духовной жизни. Отец Николай Депутатов, который очень любил святых отцов, читал их творения, подчеркивал и делал выписки, сказал: «Когда у меня плохое настроение, когда я начинаю падать духом, я открываю одну из своих записных книжек и читаю что-нибудь, что меня когда-то вдохновило; и оно меня снова вдохновляет, потому что это моя собственная душа была некогда вдохновляема этим. И оттого я знаю, что то, что духовно питало меня раньше, может произвести то же самое действие и теперь. Так что получается нечто вроде механизма поднятия духа: открыть и прочитать то, что произвело подобный эффект раньше».

Поэтому, когда мы обращаем наше внимание на кого-либо из отцов, мы не должны думать: «Ага, это все было давно, тогда это вдохновляло, но теперь какая в этом польза?» Наоборот, в деятельности отцов мы должны видеть деятельность христиан нашего времени, деятельность душ, которые горят ревностью и любовью к Богу. Они ушли в ту страну, гражданами которой станем и мы, если только не утратим силу стремления. Мы все принадлежим к одной национальности – к православной христианской расе. Жития отцов должны быть для нас явлением близким, современным, чем-то таким, что относится к нам сейчас. То, что нас в

этом вдохновляет, то именно и существует для нашего вдохновения, дабы принести нам пользу. А как много оно принесет плодов, зависит от того, насколько мы любим Бога и какие Он дает нам возможности. Это вдохновение есть свободный дар Бога.